

Веснік

Брэсцкага ўніверсітэта

Галоўны рэдактар:
А.М. Сендзер

Намеснік галоўнага рэдактара:
С.А. Марзан

Міжнародны савет
М.М. Громаў (Расія)
А.М. Круглашоў (Украіна)
Эдвард Ярмох (Польшча)

Рэдакцыйная калегія:
Г.І. Займіст
(адказны рэдактар)
П.А. Вадап'янаў
В.М. Ватыль
А.М. Грыгаровіч
Ч.С. Кірвель
П.П. Крусь
Б.М. Ляпешка
С.В. Рашэтнікаў
Д.Г. Ротман
Я.У. Скакун
В.А. Сцепановіч
Л.Р. Цігарэнка
Я.С. Яскевіч

Пасведчанне аб рэгістрацыі
ў Міністэрстве інфармацыі
Рэспублікі Беларусь
№ 1335 ад 28 красавіка 2010 г.

Адрас рэдакцыі:
224665, г. Брэст,
бульвар Касманаўтаў, 21
тэл.: 21-72-07
e-mail: vesnik@brsu.brest.by

Часопіс «Веснік Брэсцкага
ўніверсітэта» выдаецца
з снежня 1997 года

Серыя 1

ФІЛАСОФІЯ

ПАЛІТАЛОГІЯ

САЦЫЯЛОГІЯ

НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выходзіць два разы ў год

Заснавальнік – Установа адукацыі
«Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна»

№ 2 / 2015

У адпаведнасці з Загадам Старшыні Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь № 81 ад 20.03.2015 г. часопіс «Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 1. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія» ўключаны ў Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў па філасофскіх, палітычных і сацыялагічных навук

ЗМЕСТ

ФІЛАСОФІЯ

Лепешко Б.М. Философия права: в поисках баланса.....	5
Романов О.А. Категории исторического пространства и времени как способы освоения социокультурной реальности	11
Бродецкая Ю.Ю. Факторы деформации социальной целостности: от культуры к цивилизации	17
Иванчина О.Н. Игра и коммуникация в информационной цивилизации: философско-культурологический анализ	23
Финслер О.В. Особенности фотографического образа: философский анализ.....	31
Шевчук Е.С. Концепция «открытой» эстетики Мечислава Валлиса.....	38
Ермолович Ю.Н. Процессы глобализации и регионализации как варианты социокультурных трансформаций	44
Иванчин Г.И. Основные подходы к определению понятия «нация» с середины XIX в. до конца XX в. ...	50

ПАЛІТАЛОГІЯ

Ватыль В.Н. Понятие справедливости в политической теории Дж. Ролза	58
Бондарь Ю.П. Глобализация и необходимость формирования многополярного мироустройства: к новой парадигме развития	64
Антанович Н.А. Концептуальная динамика в политической науке: сравнительный анализ понятий «политическая система», «политическая сеть», «социальное пространство», «политическое поле».....	70
Котляр И.И. Применение традиционных ценностей человечества в контексте поощрения и защиты прав человека и основных свобод	77

САЦЫЯЛОГІЯ

Храмцова Ф.И. Феномен человека и антропно-космологический принцип эволюции в философском творчестве Е.М. Бабосова.....	81
Аламиев О.А. Исследование этнической толерантности студенческой молодежи (на материале Полоцкого государственного университета)	87
Кавецкий С.Т., Скакун Е.В. Социологическое поле предпринимательства в приграничных районах Брестской области.....	96
Люкевіч У.П. Дзеці ў варунках сацыяльнай адаптацыі: спорт як альтэрнатыва фарміравання і развіцця асобы	104
Бодак М.С. Особенности развития человеческого потенциала в Республике Беларусь	111
Соколовская М.Г. Мужчина и женщина в контексте современной белорусской действительности	117

Vesnik

of Brest University

Editor-in-chief:
A.N. Sender

Deputy Editor-in-chief:
S.A. Marzan

International Board:
M.M. Gromov (Russia)
A.N. Kryglashov (Ukraine)
Edvard Yarmokch (Poland)

Editorial Board:
G.I. Zaimist
(managing editor)
P.A. Vadapyanav
V.M. Vatyl
A.N. Grigorovich
C.S. Kirvel
P.P. Krus
B.M. Lyapeshka
S.V. Reshetnikov
D.G. Rotman
E.Y. Skakun
V.A. Stepanovich
L.R. Tsitarenka
Y.S. Yaskevich

Registration Certificate
by Ministry of Information
of the Republic of Belarus
№ 1335 from April 28, 2010

Editorial Office:
224665, Brest,
Boulevard Cosmonauts, 21
tel.: 21-72-07
e-mail: vesnik@brsu.brest.by

Published since December 1997

Series 1

PHILOSOPHY

POLITOLOGY

SOCIOLOGY

SCIENTIFIC-THEORETICAL JOURNAL

Issued two times a year

Founder – Educational institution
«Brest state university named after A.S. Pushkin»

№ 2 / 2015

According to the order of Supreme Certification Commission of the Republic of Belarus № 81 from March 20, 2015, the journal «Vesnik of Brest University. Series 1. Philosophy. Politology. Sociology» was included to the List of scientific editions of the Republic of Belarus for publication of the results of scientific research in philosophical political and social sciences

CONTENTS

PHILOSOPHY

Lepeshko B.M. Philosophy of Law: in Search of Balance	5
Romanov O.A. Categories of Historical Space and Time as the Ways of Mastering Sociocultural Reality.....	11
Brodetskaya Y.Y. Deformation Factors of Social Integrity: Culture to Civilization.....	17
Ivanchina O.N. Play and Communication in Information Civilization: Philosophical-cultural Analysis	23
Finsler O.V. Specificity of the Photographic Image: Philosophical Analyses	31
Shevchuk K.S. The Conception of «open» Aesthetics of Mieczyslaw Wallis	38
Yarmalovich Y.N. Processes of Globalization and Regionalization as a Variant of Social and Cultural Transformation.....	44
Ivanchin G.I. Nation: The main Approaches to the Definition of the term «nation» from the middle of the 19 th century till the end of the 20 th century	50

POLITOLOGY

Vatyl V.N. The Concept of Justice in Political Theory by John Rawls	58
Bondar Y.P. Globalization and the Necessity of Formation of Multipolar World Order	64
Antanovich N.A. Conceptual Dynamics in Political Science: Comparative Analysis of the Concepts of «political system», «the political network», «social space», «political field»	70
Kotlyar I.I. Application of Traditional Values of Humankind in the Context of the Promotion and Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms.....	77

SOCIOLOGY

Hramtsova F.I. The Phenomenon of Man and of the Anthropic-cosmological Principle of Evolution in Philosophical Creativity of E.M. Babosov	81
Alampiyeu A.A. The Study of Ethnic Tolerance among Students (Based on Polotsk State University Data)	87
Kavetski S.T., Skakun Y.V. Sociological Field of Entrepreneurship in Near-border Areas of Brest region.....	96
Lukievic U.P. Children in Conditions of Social Adaptation: Sport as Alternative of Formation and Development of an Individual	104
Bodak M.S. Features of Human Development in the Republic of Belarus	111
Sokolovskaja M.G. Man and Woman in the Context of the Contemporary Belarusian Reality	117

ФІЛАСОФІЯ

УДК 340.12

Б.М. Лепешко

*д-р ист. наук, проф., проф. каф. философии
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина*

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА: В ПОИСКАХ БАЛАНСА

Рассматривается уровень и состояние правоведения и философии в Республике Беларусь. Описываются следующие основные проблемы: предмет философии права как науки; нравственный контекст проблемы; соотношение таких понятий как «право», «справедливость», «правда». Показан характер влияния современных философских нововведений на проблемы философии и права, а также влияние западных и восточных правовых традиций.

Следует признать: в республике крайне низок интерес к философско-правовой проблематике; фактически отсутствуют работы монографического характера в среде как юристов, так и философов; исключительно редко защищаются диссертации по проблемам философии права, фактически нет конференций по данной проблематике. Достаточно сказать, что ни на одном юридическом факультете ВУЗов страны, включая БГУ, нет специализированной кафедры философии права.

Причин тому несколько. Первая связана с акцентом на прагматический подход, рассмотрение тех научных проблем, которые связаны с конкретными вопросами становления и развития белорусской государственности. Аспиранты, учёные ориентируются на решение тех правовых проблем, которые связаны с практикой государственного строительства, правовым обеспечением строительства и развития белорусской государственности, различных сфер жизни. Правда, надо сразу же заметить, что взаимосвязь между решениями именно конкретных правовых проблем и общей теорией права прослеживается явно недостаточно; более того, не фиксируется органическая взаимосвязь между пониманием права, типом правопонимания и понятием государства, решением прагматических задач. Другими словами, связь между сугубо теоретическими, концептуальными теориями и решением практических задач правового характера необходимо дополнительно обосновывать.

Вторая причина коренится в различном осмыслении специфики права по сравнению с той традицией, которая сформировалась в рамках западной правовой культуры. Для национальной практики распространённой явилась точка зрения, согласно которой право необходимо трактовать на основе таких явлений и категорий, как религия, точнее, православный выбор, как истины, коренящейся в справедливом, этическом в своей основе выборе приоритетов. Исследователи подчёркивают, что вся восточнославянская традиция основывается на византийской духовной традиции, «в рамках которой право трактовалось как некая стоящая над отдельным человеком и подчиняющая его форма духовного единения на базе правды-справедливости, божественной благодати, христианской этики и т.д.» [1, с. 4]. А стержнем западной философии права является её человекоцентристская, гуманистическая, по сути, ориентация.

Третья причина носит исторический характер: юридическая наука, кадры суверенной Беларуси активно формировались лишь в послевоенный период; прошло слишком мало времени для того, чтобы сформировались научные школы в этой достаточно сложной, концептуальной, по сути, сфере правового знания. В этой связи в ходе дальнейшего изложения мы будем обращаться к наработкам, достижениям учёных восточнославянского мира в целом и, прежде всего, российской правовой теории и практике.

И первый вопрос поэтому связан с определением собственно предмета философии права и с теми спорами, которые идут в этой сфере среди представителей научной общности. Остановимся на нескольких точках зрения.

Как полагает, в частности, такой известный специалист, как В.С. Нерсесянц, в настоящее время существует три основных типа правопонимания и, соответственно, три основных философско-правовых концепции. Либертарно-юридический тип правопонимания фиксирует тот факт, что «предмет философии права и государства – это правовой закон и правовое государство» [2, с. 11]. Формальное равенство и формы его проявления – вот предмет философии права. Легисты делают акцент на принудительно-приказном представлении о праве и, соответственно, в философско-правовой концепции на первое место ставят силу власти. Приоритеты, иерархия предпочтений здесь выстраиваются на основе эмпирических, реальных явлений. Очевидно, что в этой ситуации такие феномены, как ценности, объективная природа права и т.д., уходят на второй план. Юснатуралисты противопоставляют естественное и позитивное право, здесь подлинным правом является лишь право естественное, и в этом контексте философия права базируется на смешении права с моралью, отсутствии концепции правового закона и т.д. Оценивая дискуссии в сфере правопонимания (и, соответственно, философии права), В.С. Нерсесянц полагает, что недостатки легистского подхода и точки зрения представителей юснатурализма «снимаются» либертарно-юридической концепцией. Суть этого «снятия» в том, что философия права понимается и как сущность, и как явление, т.е. речь идёт о единстве двух сторон: сущности как объективном явлении и законе как явлении, зависимом от субъективного фактора. Право есть форма и мера свободы, реализуемая по принципу формального равенства.

Профессор В.П. Малахов разрабатывает иную теорию, делая акцент на правосознании как исходной категории для понимания природы права и философско-правовой проблематики. Исследование правосознания, по его мнению, позволяет дать теоретическую и прикладную интерпретацию широкому спектру вопросов юридической теории, поскольку в правосознании рассматриваются, главным образом, рефлексивные способности. Для определения сущности предмета философии права исследователь обращается к трём методологическим установкам: феноменологической, культурологической и диалектической. Причём акцент делается на феноменологические идеи, в рамках которых осуществляется «очищение» и актуализация философско-правовой проблематики [3]. Вместе с тем, как полагают комментаторы, «определяющим для характеристики отечественной правовой культуры является доминирование нравственного и религиозного компонентов социально-духовной жизни российского общества» [4, с. 116]. Известная точка зрения, «возвращающая» нас к доминантным идеям отечественной философии права, разрабатываемой с середины XIX века.

Близкую позицию отстаивает в рамках коммуникативной теории профессор Санкт-Петербургского университета А.В. Поляков, который призывает к новому синкретизму. Сущность представленной точки зрения заключается в том, что признаются эвристически ценными все представленные к нынешнему времени концептуальные воззрения. Так, заслуга юснатурализма в том, что неизбежна связь права с некими идеальными, ценностными началами. Правы и представители социологического подхода, утверждающие важность социальной природы права. Правовая действительность всегда опосредуется правовым сознанием, субъектом и потому так важны достижения адептов психологической школы. Однако все эти достижения имеют смысл тогда, когда за всеми данными процессами стоит человек, находящийся в процессе коммуникации, выступающий как субъект коммуникации. Разрабатывая курс философии права, А.В. Поляков концентрирует внимание на таких проблемах, как типы правопонимания; правовая онтология и аксиология; правосознание и правовая культура; пространство право-

вой коммуникации; правовой идеал; правовая антропология и т.д. [5]. Анализ идей коммуникативной теории в целом, её философско-правовых основ в частности осуществлён рядом белорусских авторов [6].

Тот факт, что единства в понимании предмета философии права нет, не должен выглядеть шокирующим. Последний по времени Всемирный конгресс Международной ассоциации философии права, проходивший в Швеции, продемонстрировал, что ведущие тенденции в юридической теории не остаются без изменений даже относительно короткий исторический период, в связи с чем на первый план выходит терпимость и стремление понять друг друга. Единую линию в юриспруденции относительно философии права вычленишь сложно. Традиционно основной здесь выступает проблема основания и легитимации права. Выступая на конгрессе с докладом «Природа правовой философии», немецкий учёный Р. Алекси обратил внимание на то, что философия права неразрывно связана с философией. Вопросы «что должно быть сделано и что есть добро», «что мы можем знать о том и другом» – это проблемы одновременно философские (гносеологические, аксиологические), этические, политические, правовые. Вместе с тем необходимо утверждать автономию философии права. Р. Алекси сформулировал четыре основных принципа философии права: 1) все проблемы общей философии могут возникнуть в философии права; 2) существуют проблемы философии права, происходящие из специфического понимания права; 3) существуют особые отношения философии права с политической и моральной философией; 4) философия права тогда будет эффективной, когда будет основана на всех вышеназванных трёх уровнях [7, с. 197].

Следует особо остановиться в этом контексте на проблеме этизации права, столь популярной в отечественной философско-правовой мысли. Привычные для западного стиля мышления апелляции к рационализму не встречали понимания у адептов православной, прежде всего, версии христианской духовной традиции. Отношение к данной точке зрения может быть апологетическим или критическим. В качестве последней представляет интерес позиция профессора В.В. Лапаевой. Характерное для отечественной философии права представление о достижении всеобщей солидарности на основе нравственности, самоограничении индивидуальной свободы ради общего блага свидетельствует о «непонимании (а скорее, психологическом неприятии) того факта, что общечеловеческая солидарность может утверждаться лишь на основе и в границах формального правового равенства» [8, с. 5–6]. Критика различных вариантов понимания приоритета нравственности над формальным равенством общеизвестна, но вопрос заключается не в том, насколько ущербны такие варианты, а в том, могут ли они безболезненно быть заменёнными иными (западными, рационалистическими в своей основе) оценками и положениями. Даже тот факт, что в советское время одни нравственные оценки были трансформированы в иные (скажем, христианский моральный кодекс принял форму морального кодекса строителя коммунизма) вряд ли свидетельствует исключительно о релятивизме этической концепции права. Можно ведь утверждать не столько релятивные, сколько органичные, консервативные, глубинные истоки сложившегося положения вещей. И здесь, на наш взгляд, необходимо различать несколько уровней понимания проблемы. Первый уровень связан с иным (в отличие от западного) пониманием основополагающих ценностей. Вместо утилитарного подхода – «всемирность» (вспомним известные речи Ф. Достоевского на юбилее А.С. Пушкина). Вместо «внешней правды», часто отождествляемой с законом, – «правда внутренняя» (истина, справедливость). Вместо упорядочения отношений в обществе сегодня и сейчас – апелляция к высшей правде, к осуществлению неких «космических» задач в ближайшем и более отдалённом будущем. Вопрос здесь не в том, насколько утопичны такого рода стремления, а в том, почему именно они являются господствующими в общественном сознании, спроецированные на основные константы философии права. Вряд ли здесь

можно ограничиться ссылками на «проклятие русского ума» (формула Э.Ю. Соловьёва). Скажем, почему сегодня в области решения тех или иных задач, связанных с государственным строительством в Республике Беларусь, вызывают в целом положительный резонанс общества те решения властей, которые направлены на «опережение» права. В смысле решение злободневных проблем вне правового контекста, или же решение проблемы сегодня с тем, чтобы закрепить это решение правовыми средствами завтра. Вот на пресс-конференции представителю власти задаётся вопрос, связанный с административным процессом против ряда граждан по тому или иному поводу. Утром следующего дня административный процесс прекращён, т.е. вопрос признан справедливым, и решение последовало незамедлительно. С точки зрения традиции, сложившейся на Западе, это неправомерный ход событий. С точки зрения отечественной правовой практики, всё закономерно. Связано это, во-первых, с отсутствием в восточнославянском ареале соответствующих условий для существования в правовом поле, исторически поздним временем реализации «внешних» (читай правовых) форм существования. Во-вторых, говоря языком метафизики, надежда на истину и справедливость у нас всегда выше надежды на правовое решение проблемы. В начале «царь», уже затем «суд», собственно, эти понятия во многом рассматриваются как синонимы. Показательно, как во время трагических событий 2015 г. в Хакасии (Российская Федерация), связанных с пожарами, народ, пострадавший от огня, ждал президента страны. Ждал не решения своих проблем в соответствии с действующим законодательством, а ждал приезда руководителя страны. «Бояре» могут обмануть, «царь» – никогда. Возможно, подобные тенденции будут преодолены в будущем; во всяком случае, в последнем (2015 г.) Послании Президента Республики Беларусь белорусскому народу среди первоочередных задач сформирована задача воспитания правовой культуры во всех сферах жизни и прежде всего экономики. В-третьих, нельзя думать, что отказ (сегодня, сейчас) от приоритета этических констант по отношению к константам сугубо правовым будет иметь успех в части не «этического», а «правового» развития страны. Достаточно вспомнить призывы к демократии, которые слышались начиная с 1990-х гг. и сравнить либеральное умственное движение конца прошлого века с сегодняшними политико-правовыми реалиями, чтобы понять: ситуация вдруг не изменится. Более того, изменить ситуацию можно, опираясь на ту реальность, которая имеет место у нас сегодня и сейчас. Ведь авторитет Ф. Достоевского, Л. Толстого, В. Соловьёва, В. Розанова, Д. Мережковского и многих иных мыслителей первого ряда столь велик и глубок, что надеяться каким бы то ни было образом искусственно «уйти» от заявленных ими идей вряд ли возможно. Скорее, надо искать варианты сосуществования различных модификаций «русской идеи» (в их классическом виде) с необходимостью реализации принципа формального равенства, свободы, ответственности. Далек не случайно в этой связи столь распространены сегодня различные варианты интегративного правопонимания, коренящиеся как в западной, так и в отечественной правовой традиции.

Если говорить о философии права в контексте развития белорусской философско-правовой мысли, то необходимо акцентировать внимание на следующих основных моментах. Первое – это понимание связи, зависимости философии права от развития философского знания в целом. Здесь, надо признать, существуют различные подходы и умозрения. Назовём лишь два. Один, условно говоря, «чаадаевский», связан с пониманием неразвитости отечественной философской традиции в целом, философско-правовой в частности. Сторонники этой позиции утверждают, что нам сложно назвать имена и идеи, которые составили бы эпоху в развитии европейского, мирового философского знания, причём это относится как к исторической традиции, так и современным реалиям. Есть и второй подход, где говорится о разработке ряда важнейших идей философского знания (косвенно – философии права), и здесь адепты этой точки зрения апел-

лируют к именам К. Лыщинского, Л. Залусского, Л. Сапеги, Г. Конисского и т.д. В данном случае сопоставление этих альтернативных точек зрения и соответствующая дискуссия представляется не ко времени, однако важно заметить, что к реальному «выходу» в философию права и соответствующей проблематике эти достижения (с точки зрения представителей второй тенденции) не привели. Можно говорить о начатках «схоластического аристотелизма» [9, с. 16], но сложно говорить о предмете философии права и основных категориях данной сферы правового знания.

Второе: пытаясь определить национальные особенности белорусской философии права, мы неизбежно приходим к выводу о том, что они определяются отношением к западной и русской философско-правовой мысли. Восприятие важнейших философско-правовых идей как с одной стороны, так и со стороны другой сложно представить без общеполитического, мировоззренческого, философского, ментального контекста развития национальной культуры. В самом общем виде этот процесс можно охарактеризовать в следующих положениях: доминирование государства над иными социальными институтами; долгие годы абсолютистской власти; внешние угрозы и междоусобицы; возможность выживания в рамках общины, общинной культуры и второстепенность проблемы свободы в целом, свободы личности, в частности, в рамках формирования правового идеала. Нельзя утверждать, что в результате этого процесса можно и нужно говорить об абсолютной победе той или иной точки зрения. Скорее, культуры сталкивались «над» народом, озабоченным выживанием. Важно и иное: диалога культур, о котором можно было только мечтать, не получилось. Т.е. нельзя утверждать, что западная и восточная культура в результате взаимодействия, часто конфронтационного, дали жизнь некоему новому, третьему культурному образованию. На наш взгляд, произошло иное: ростки белорусской национальной культуры фактически «затаптывались», элиты тяготели либо к одному, либо к иному культурному образованию, а в результате проигрывал белорусский народ. И если русская культура пережила ренессанс второй половины XIX – начала XX вв., названный Серебряным веком русской культуры, если польская культура сумела подняться к передовым позициям развития западной науки, то о развитии белорусской национальной философии, философии права мы можем говорить как о периоде ученичества.

Третье: при всех, часто взаимоисключающих влияниях западной и восточной культур оказался приоритетным тот выбор, который связывался с развитием единых духовных констант в контексте восточнославянского развития. Сложно говорить о проявлении этих констант в философии права, поскольку в «чистом» виде работ такого порядка просто нет. Но очевидна общая система ценностей: выдвижение на первый план этической проблематики; приоритет нравственного чувства; цельность знания, однако в рамках религиозного опыта; гуманистический потенциал, связанный с категориями справедливости, правды, истины. Присутствовал философский путь к Богу, причём этот путь был по преимуществу православным. Были и отличия. В частности, в белорусской культуре не найдётся работ, в которых осмысливался бы некий особый путь развития страны, констатировалась особая роль народа в историческом процессе. Если и можно назвать белорусов «метафизическим» народом, то только в смысле приоритета этических идеалов над формально-догматическими и меркантильными.

Подытоживая сказанное, можно утверждать, что проблема баланса (идей, теорий, подходов) в философско-правовом процессе для белорусской философской и правовой мысли остаётся приоритетной. Причём эта задача не меняется в своих существенных чертах последние несколько столетий. Можно тысячу раз произносить правильные слова о важности формирования правовой культуры, правового общения (коммуникации), но всё это второстепенные проблемы по отношению к решению задачи основной. Эта задача – развитие общего культурного пространства страны, формирова-

ние элит, в том числе тех её представителей, кто посчитает важным и первоочередным обратиться к важнейшим общетеоретическим правовым проблемам, философско-правовым проблемам в частности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лапаева, В. В. Российская философия права в контексте западной философско-правовой традиции / В. В. Лапаева // Вопросы философии. – 2010. – № 5. – С. 3–14.
2. Нерсисянц, В. С. Философия права: либертарно-юридическая концепция / В. С. Нерсисянц // Вопросы философии. – 2002. – № 3. – С. 3–15.
3. Малахов, В. П. Концепция философии права / В. П. Малахов. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2007. – 751 с.
4. Каламкарян, Р. А. Концепция философии права / Р. А. Каламкарян // Государство и право. – 2008. – № 3. – С. 115–118.
5. Поляков, А. В. Общая теория права : учебник / А. В. Поляков, Е. В. Тимошина. – Изд. Дом СПб. гос. ун-та, 2005. – 472 с.
6. Лепешко, А. Б. Понятийно-категориальный аппарат в феноменолого-коммуникативном подходе к анализу социально-правовой действительности / А. Б. Лепешко // Весн. Брэсц. ун-та. – Сер. 2. Гіст. Экан. Права. – 2013. – № 1. – С. 178–186; Лепешко, А. Б. Герменевтический метод познания в методологии юриспруденции / А. Б. Лепешко // Право.by. – 2014. – № 3. – С. 11–16; Лепешко, А. Б. Феноменолого-коммуникативный подход в праве: эвристические возможности и преимущества / А. Б. Лепешко // Вучон. запіскі Брэсц. дзярж. ун-та імя А. С. Пушкіна. Вып. 9, ч. 1. Гуманітар. і грамад. навукі. – Брэст, 2013. – С. 35–41.
7. Максимов, С. И. Современный философско-правовой дискурс: XXI Всемирный конгресс Международной ассоциации философии права и социальной философии / С. И. Максимов // Изв. высш. учеб. завед. Правоведение. – 2003. – № 6. – С. 194–201.
8. Лапаева, В. В. Российская философия права в контексте западной философско-правовой традиции / В. В. Лапаева // Вопросы философии. – 2010. – № 5. – С. 3–14.
9. Памятники философской мысли Белоруссии XVII – первой половины XVIII века / В. В. Дубровский [и др.]. – Минск : Навука і тэхніка, 1991. – 319 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 06.07.2015

Lepieszko B.M. Philosophy of Law: in Search of Balance

The level and condition of the philosophical and legal studies in the Republic of Belarus is considered. The major problems are characterized: the subject of philosophy of law as a science; ethical context of the problem; the ratio of such categories as «right», «justice», «and the truth». The character of the influence of modern philosophical innovations on philosophical and legal problems and the impact of Western and Eastern legal tradition are shown.

УДК 101.1:316:115.4

О.А. Романов*канд. филос. наук, доц., доц. каф. философии
Гродненского государственного университета имени Я. Купалы***КАТЕГОРИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ
КАК СПОСОБЫ ОСВОЕНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ РЕАЛЬНОСТИ**

В статье проанализированы категории исторического пространства и времени в контексте проблемы познания и духовного освоения социокультурной реальности. Показаны национальные и цивилизационные различия в теоретическом и художественно-образном осмыслении исторического пространства и времени. Выявлена связь между идеальным содержанием данных категорий в разных культурах и способами организации в них социальной практики. Рассмотрена объективация смыслов анализируемых концептов в архитектуре и языке. Выделены типы культур по критерию восприятия времени: монохронные и полихронные. Показано значение понятия «месторазвитие» для постижения специфики восточнославянского пространства-времени. Цель статьи – раскрытие эвристического и прогностического потенциала категорий исторического пространства и времени как способов освоения социокультурной реальности. Материалы статьи могут быть использованы в преподавании курса социальной философии.

Введение

Категории пространства и времени не только являются системообразующими для философского знания, но и экзистенциально близкими каждому человеку, ибо люди живут в потоке времени и в конкретных условиях пространства и вынуждены соотноситься с ними своей деятельностью. Пространство и время зачастую воспринимались как грозная и неумолимая сила, которой человек не мог противостоять, и в то же время они всегда являлись условиями и способами организации труда, игры, досуга и т.д. Огромный личностный и культурный смысл пространства и времени отражен в народной культуре (сказках, былинах, песнях). Вспомним, например, образ выбора богатырем пути у камня, идею освоенного (село, пашня) и неосвоенного (дремучий лес) пространства. В народной культуре были высказаны интересные предположения о неравномерности течения времени (сказочный герой попадает к волшебнику, через малое время возвращается в свой город и обнаруживает, что все его родственники и друзья уже умерли либо глубокие старики). Осмысление этой проблемы мы находим не только в эпосе, но и в высокой культуре. Тема пространства и времени настолько важна, что всегда привлекала внимание философов и ученых, поэтов и художников, композиторов и драматургов. Ими были созданы многообразные, зачастую противоречащие друг другу теории и образы пространственно-временной организации бытия.

Для нашей темы принципиально важно отметить, что единое бытие имеет в своем составе относительно самостоятельные уровни, подчиняющиеся и универсальным, и собственным законам функционирования и развития. Такими уровнями бытия можно считать человека, природу и общество. Относительно данных уровней происходит спецификация категорий пространства и времени. Это значит, что на каждом из этих уровней их содержание наполняется особым смыслом, отличным от общих представлений о данных категориях. Иными словами, поскольку мир представляет собой иерархическое многоуровневое образование, мы можем выделять и соответствующие этим уровням специфические пространственно-временные отношения. Так, мы можем говорить о субъективно-психологическом, биологическом и историческом пространстве и времени.

Рассмотрим более предметно историческое или социальное пространство и время. Социальное время отличается от физического, которое состоит из однородных отрезков. В физическом времени минута всегда равна минуте, а год году. В историческом

времени равные отрезки могут отличаться по своей событийной насыщенности и поэтому они не равны друг другу. Например, бывают периоды, когда время как будто застывает («застой»), а бывает, что вмещает в себя столько событий, которых в иное время хватило бы на жизнь нескольких поколений. К тому же многие исследователи зафиксировали крайне важный для человека феномен ускорения темпов истории – возрастания скорости социального времени по мере продвижения от древности к современности. Поэтому историческое время – это выделенная длительность, текучесть конкретных событий с точки зрения их значения для людей прошлого и настоящего.

Социальное пространство также отлично от физического тем, что несет в себе огромный социокультурный смысл. У каждого человека есть собственное пространство жилища, труда, отдыха, представители многих народов имеют этническое и государственное пространство. Каждое из них, наряду с физическими характеристиками, имеет свой собственный смысл, который не всегда доступен представителям иного опыта и иной культуры. Например, образы родной природы, созданные в искусстве, вызывают у человека, выросшего в ней, чувства умиления, жалости, восхищения и т.п., тогда как представителя другого этноса они могут оставить совершенно равнодушным.

Социальное пространство предписывает каждому индивиду и группе и определенные способы поведения в нем. Человек, находящийся в новом для себя месте, может оказаться в смешной или нелепой ситуации, так как ему неизвестны те смыслы, которые связываются с данным пространством. Таким образом, мы живем не просто в физически-географической среде, но в особом культурно-смысловом пространстве, состоящем из различных значащих мест, оказывающих самое прямое влияние на наше сознание и поведение. Не только мы активно формируем пространство, упорядочиваем его согласно нашим представлениям о гармонии и красоте, но и оно формирует нас. Под этим углом зрения становится понятной значимость проведения грамотной градостроительной политики, созидания благоприятной среды жизни человека.

Г.С. Кнабе приводит пример особой роли и значения понимания жилого пространства, без знания смыслов которого мы просто не сможем понять другую культуру в силу временной или пространственной удаленности от нее. Так, например, римский город, который с физической, геометрической точки зрения (т.е. с точки зрения своих пространственных характеристик) отличается от иного города только количественными показателями, всегда несет в себе смысл священного города, который этими показателями никак не определяется. Место построения города «выбирается богами», и это обстоятельство порождает целую систему ритуалов как при начале постройки, так и в дальнейшей жизни внутри него как в особом, священном пространстве. Город – это закрытое пространство не только от врагов, но и от чужеземных богов. Поэтому, выходя из города, например, на войну, человек как бы теряет на время свои мирные функции земледельца и приобретает свойства воина: жестокость, ненависть и отвагу. Соответственно, возвращаясь в город, он «надевал» оболочку мирного гражданина, для чего, например, в Древнем Риме необходимо было пройти перед алтарем Януса.

Римская культура оказала значительное влияние на структурирование социального пространства в границах европейской цивилизации. Параллельные и перпендикулярные улицы, прямоугольные кварталы и большая центральная площадь во многих крупных европейских городах – это прямое наследие римской трактовки городского пространства, а еще точнее – форма организации пространства в римском военном лагере. И это не удивительно, ибо именно вокруг укрепленных римских военных лагерей начинали организовываться многие торговые и ремесленные европейские центры.

Определенные свойства локального пространства часто переносились и на понимание мира в целом (всего пространства), придавая исключительность, избранность народу, живущему в этом локальном пространстве, и его нетерпимость к другим народам.

Причем оба эти свойства человек должен был активно демонстрировать. Вместе с тем особое понимание предназначения Рима (его предопределенность быть господином мира) особым образом интерпретировало и некоторые свойства пространства. Оно представлялось «динамичным, мыслилось как постоянно расширяющееся, и расширение это было основано не только на завоевании, но на сакральном праве» [1, с. 265].

Любопытно, что в Древней Греции и Древней Индии города имели другую пространственную организацию. Например, древние индийские города имели концентрическую и лучевую организацию пространства за счет соответствующим образом расходящихся улиц. Подобную «восточную» структуру имеет и Москва. В каком-то смысле прав был русский мыслитель Г.П. Федотов, усмотревший в истории России момент борьбы между азиатской Москвой и европейским Петербургом, который, кстати, был спланирован Петром совершенно по-римски. Там все организовано параллельно и перпендикулярно [2, с. 265].

Смысловое значение пространства и времени выражено не только в архитектуре, но и в других социокультурных формах, в частности, в языке. Так, например, в русском языке три временные формы, а в некоторых других языках их гораздо больше, что дает возможность установить временную дистанцию (близость или отдаленность события), или имеются системы «относительных» времен, «дающие сложную двух- (и даже трех-) ступенчатую ориентацию, т.е. ориентирующие событие по отношению к какой-либо точке отсчета, локализуемой, в свою очередь, относительно момента речи» [3, с. 89]. Указанная особенность создает немалые трудности для переводчиков, вынужденных осуществлять интерпретацию при истолковании временных смыслов одной культуры на языке другой. Все это свидетельствует о том, что сама структура языка определяет различия в восприятии пространства и времени, и шире – мира в целом. На эту проблему связи языка и конкретной культуры обратил внимание А.Ф. Лосев, когда анализировал особенности латинского языка. Так, латинский язык в силу большого количества согласных звуков приобретает более жесткий и менее гибкий характер в сравнении с греческим, что свидетельствует «о какой-то воле и активности языкового сознания» [4, с. 29]. Это придает речи римлянина приподнятый и воинственный тон, наполняет ее синтаксис методами подчинения и рассудочности. Поэтому уже в самом языке, в его семантическом и даже фонетическом строе можно почувствовать принадлежность говорящего к вполне определенной культуре даже на уровне принятых культурных стереотипов восприятия.

Интересные идеи по поводу социокультурной обусловленности восприятия пространства и времени предложил российский исследователь Г. Гачев. Проведя филологический анализ интересующих нас понятий в ряде европейских языков, он показал, что во французском языке пространство имеет смыслы «распространение – протяжение – растекание некой полноты». В русском языке есть сходные смыслы, где пространство означает широту, простор. А в немецком языке Raum связывается с понятиями чистоты, пустоты и наличия четких границ. Эти смыслы слышны даже в фонетике немецкого понятия. И поэтому, делает вывод Гачев, Декарт не хотел измерять пространство, как это делали представители другой культуры – Кеплер или Галилей. Для него пространство – это растекание как таковое и вовсе не важно куда. Тогда как для германца важнее понять сам адрес этого растекания. А это разные предпосылки объяснения мира. «Итак, по Декарту, важнее вытяжение, чем куда вытягиваться: само вытяжение и творит себе “место”. В германстве же важнее и интимнее – Дом бытия: со стенами и пустотой внутри – для жизни, воли, души, духа» [5, с. 22]. Ньютон же, напротив, пошел по пути разрыва материи-полноты и пространства. Он «собрал ее в сгустки – города частиц: тела с определенными массами. Далее и их упразднил, заменив математическими точками в центре тяжести тел, так, что и понятие массы лишилось совсем сво-

его, самостоятельного смысла, а стало лишь коэффициентом» [5, с. 23]. В отличие от мифопоэтического представления мир в физической картине, стал бессмысленным, измераемым и ограниченным пространством и временем.

Не менее важны языковые различия в фиксации понятия времени. В английском языке данное понятие, так же как и «пространство», происходит от слова «протирать», в латинском – от слова «тянуть» (вспомним русское выражение «тянуть время»), а у немцев «другое понятие времени – как рубленого отрезка: время – срок; это вечность – тянется, длится» [5, с. 24].

Российский философ В.В. Миронов, опираясь на изыскания историков и лингвистов, предлагает интересное понимание смысла русского понятия «время». Он пишет, что русское слово «время» состоит из двух слов: древнейшего индоевропейского корня *g-ag* (вращать, крутить, упорядочивать, творить, где везде, кстати, этот древнейший сакральный корень прослушивается) и «мя», т.е. буквально слово «время» означает «то, что вращается вокруг меня». Здесь подчеркивается присутствие субъективного начала в восприятии временных отношений [6, с. 212].

Рассмотрим значение пространства и времени в исторической судьбе этносов и культур. В научной литературе налицо различие культур по принципу восприятия времени и отношения к нему. Так, можно выделять полихронные (синхронные) и монохронные культуры (Э. Холл). В отличие от полихронных культур (Россия, Латинская Америка, Ближний Восток, Африка), где человек настроен на достижение нескольких равноважных целей одновременно, в монохронных культурах (преимущественно это культуры Запада) акцент ставится на последовательности в достижении целей. Поэтому, например, опоздание в культурах Востока не считается прегрешением (в отличие, скажем, от культуры США).

Белорусский исследователь Ю.В. Чернявская, проанализировав значение исторического времени в составе национальной культуры, показала, что внутренний стиль его восприятия предпосылает человеку особые типы мировидения и поведения. Человек, социализировавшийся в монохронной культуре, будет в большей мере «отделён» и от людей, и от событий, более «монадообразен», более прагматичен, нежели человек полихронной культуры. Жизнь «полихронного этнофора», напротив, связана с многослойной сетью отношений, где семейные связи вмешиваются в работу, где развито «местничество», где чрезвычайно значима лояльность группе и патрону. Не случайно такие культуры имеют более коллективистский характер. Полихронным же культурам свойствен более континуальный, слитный образ внешнего времени. Время для них – наглядный, живой, цветной поток причастности. Время монохронной культуры более «пространственно»: оно разделено на ячейки, каждая из которых заполняется свойственным только ей содержанием. В этом смысле этническая культура, избирая определенное отношение к времени, порождает и собственную самобытность.

Поскольку монохронная культура делит время человека и общности по принципу ячеек, тип ее культурной памяти выражается в кумулятивной истории и в идее прогресса как в апогее истории. В отличие от нее культура полихронная склонна объединять разновременные пласты истории в непреходящей «длительности» события людей. Поэтому эти два вида времени создают разные типы субъективности и интерсубъективности. Большинство исследователей определяют их как линейный – однажды возникший и устремляющийся в финалу (прогрессистское мировидение) и циклический – кружение вокруг вечного, сакрального «сюжета» культуры (мифологическое мировидение) [7, с. 180].

Не менее важны и те смыслы, которые содержит в себе идея исторического пространства. Ее значение прекрасно показали евразийцы, предложив категорию «месторазвитие». Категория месторазвития позволяет показать единство социально-временного

аспекта бытия народа с аспектом социально-пространственным, который характеризуется отношением социального субъекта к внешнему миру, к его «вмещающему ландшафту». Евразийцы впервые показали, что социальное время и социальное пространство в существовании и деятельности этноса различимы только в абстракции, так как в реальности они представляют собой диалектическое единство, которое мы по аналогии с квантовой механикой рискуем назвать социальным пространственно-временным континуумом. Подобно тому, как в квантовой механике нельзя отделить время от пространства и далее от вещества и поля, в социальной жизни нельзя отделить социум от социального пространства и времени. Таким образом, в теорию географической среды внесено существеннейшее дополнение: речь идет не только о влиянии последней на социум (Монтескье) и об обратном влиянии (Гердер), но (и это главное) о слиянии в единое целое социально-исторической среды и ее территории.

Категория месторазвития играет ключевую роль в евразийском понимании историсофии России–Евразии, особого мира, особой культуры, особой судьбы евразийского социума. По убеждению евразийских теоретиков, месторазвитие евразийской культуры, значительно отличающееся от европейского и азиатского месторазвития соответствующих культур, предопределяет и культурно-исторический тип цивилизации, возникшей и совпадающей с территорией Российской империи и почти повторяющей ее территорией Советского Союза. Именно в этом месторазвитии существует евразийская цивилизация, отличная как от европейской, так и от азиатской, в котором, как в громадном горниле, сплелись судьбы этнически разных составляющих. Не этнические, не конфессиональные, не экономические принципы являются главенствующими в этом пространственно-временном социальном континууме, а синтетический принцип месторазвития «стягает», объединяет различные социальные организации.

Методологическая роль категории месторазвития весьма значительна не только для периода 1920-х гг., когда она впервые была введена в научный обиход, но и сегодня. Именно эта категория, хотя и под другим названием, является центральной в современной геополитике, к основоположникам которой с полным правом можно причислить и евразийцев. Именно евразийцы первыми обратились к геополитике как к науке, именно они основали русскую школу геополитики. Евразийская доктрина, по мнению А. Дугина, доктрина во многом геополитическая, а идеологи евразийцев достигли в этой области столь важных и высоких результатов, что их вполне можно поставить в один ряд с классиками геополитической науки Хэлфордом Макиндером, Альфредом Мэхэном, Видалем де ла Блашем, Карлом Шмиттом, Карлом Хаусхофером, Николасом Спикменом и т.д. Здесь же заметим, что с неменьшим основанием евразийцев можно считать и основоположниками русской экологии, ибо именно они, рассматривая взаимодействие социального субъекта во взаимообусловленном существовании с социальным пространством, подчеркивали, что социальный субъект не только «усваивает» и делает социальное пространство «частью своего жизненного мира», но и тревожится о нем как о «своем внешнем теле».

Заключение

Таким образом, говоря о социальном пространстве, надо обратить внимание и на проблему территориально-культурной идентичности, которая в нем формируется. Территориально-культурная идентичность – это переживаемые и осознаваемые смыслы культурно-географической реальности. Они формируют «практическое чувство» и осознание «почвенной» сопричастности к определенной территориальной общности как специфическому жизненному пространству. Эта идентичность устанавливается как результат двух процессов: объединения и различения. Чтобы идентифицировать территориальную культурно-цивилизационную общность, её необходимо для себя «опреде-

лить» и одновременно отделить от других общностей. Поэтому истинное значение такой идентичности предполагает все сходства и различия, объединения и противопоставления общественной жизни.

Территориальная культурно-цивилизационная идентичность связана со специфическим пониманием территории, переживанием индивидом её культурных и цивилизационных обстоятельств и черт. Они характеризуют данную территориальную общность как ментально «свою». В силу идеального «перевоплощения» себя в члена территориальной общности, обстоятельства её существования и сама эта жизнь в совокупности различных аспектов приобретает личностный смысл.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кнабе, Г. С. Историческое пространство Древнего Рима / Г. С. Кнабе // Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима. – М. : Индрик, 1993. – 527 с.
2. Федотов, Г. П. Три столицы / Г. П. Федотов // Судьба и грехи России (избранные статьи по философии русской истории и культуры). – М. : ДАРЪ, 2005. – 492 с.
3. Маслов, Ю. С. Время / Ю. С. Маслов // Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Сов. энцикл., 1990. – С. 89.
4. Лосев, А. Ф. Эллинистически-римская эстетика I–II вв. н.э. / А. Ф. Лосев. – М. : Изд-во МГУ, 1979. – 416 с.
5. Гачев, Г. Д. Наука и национальные культуры / Г. Д. Гачев. – Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 1992. – 316 с.
6. Миронов, В. В. Онтология и теория познания : учебник / В. В. Миронов, А. В. Иванов. – М. : Гардарики, 2005. – 447 с.
7. Чернявская, Ю. В. «Этническое время» в хронотопе народа / Ю. В. Чернявская // Человек. – 2006. – № 1. – С. 78–85.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 05.05.2015

Romanov O.A. Categories of Historical Space and Time as the Ways of Mastering Sociocultural Reality

The article deals with the categories of historical space and time within the context of perception and spiritual mastering of sociocultural reality. The author shows national and civilizational differences in theoretical and artistically imaginative comprehension of historical space and time. The article reveals the interconnection between the contents of these categories and the ways of organization of social practices in different cultures. The author considers the objectivities of meanings of analyzed concepts in architecture and language. Types of cultures according to the ways of time perception are distinguished as follows: monochromic and polychromic. The article underlines the notion of «area of development» for better understanding the specific character of the east-Slavic space and time. The objective of the article is to reveal the heuristic and prognostic potential of the categories of historical space and time as the ways of mastering sociocultural reality. Obtained results can be used in course of social philosophy.

УДК 130.12+316.3

Ю.Ю. Бродецкая*канд. соц. наук, доц., доц. каф. філасофіі і політалогіі
Національної металургічної академії України***ФАКТОРЫ ДЕФОРМАЦІЇ СОЦІАЛЬНОЇ ЦЕЛОСТНОСТІ:
ОТ КУЛЬТУРЫ К ЦИВИЛІЗАЦІЇ**

Причины деформации социальной целостности, источники ее формирования, механизмы развертывания – все эти вопросы привлекают своей актуальностью. Современное общество переживает глубинные кризисы, от преодоления которых зависит дальнейшее его развитие. Поэтому противостояние культуры и цивилизации является одной из наиболее актуальных зон исследования проблемы целостности. Культура участвует в раскрытии и реализации человеческого потенциала, гармоничной интеграции личности в социокультурный контекст. Культурная традиция решает проблему индивидуальной идентичности, и кризис культурного развития человека и общества непосредственно отражается на решении проблемы целостности.

Современная подмена культуры цивилизацией качественно изменяет векторы и характер как индивидуального, так и социального развития. В качестве симулякра культурной традиции цивилизация предлагает человеку ориентацию на реализацию его неиссякаемых желаний материального комфорта, богатства, удовольствия. Паразитируя на фоне культурной традиции, цивилизационный прогресс создает смертельную зависимость человека от материального, от своего «хочу». В погоне за «благами» цивилизации человек теряет связь с культурной традицией, родом, семьей, духовностью, превращаясь в тотального потребителя. Потребительство становится естественной практикой его жизни. Следовательно, исследование контекста такой деформации векторов индивидуального и социального развития от творчества к разрушению (потребительству), поиск источников, факторов и механизмов дезорганизации целостности и составляет то проблемное поле, которое позволяет создать адекватную методологию исследования проблемы целостности.

Оценка перспектив развития западной цивилизации, попытки соотнесения материальных, технических достижений с духовным кризисом, состояние современного человека оказались в центре внимания исследователей современной эпохи. Тот факт, что под воздействием прогресса, лишённые живого, непосредственного общения люди постепенно теряют суть своего человеческого естества, становится все более очевидным в настоящее время. Идя на поводу рационализма, ориентированного сугубо на материальные блага цивилизации, человек все больше разрывает свои духовные узы, утрачивает связь с культурной традицией, призванной ориентировать его на раскрытие духовного потенциала, на поддержание родовых связей как перспективу решения проблемы социальной целостности.

Показательно в связи с этим, что параллельно с интенсивным развитием идеалов прогресса и цивилизации в современном обществе начинает настойчиво подниматься вопрос о возможности социального порядка, целостности, о перспективах социального развития. Многие представители классической, а в дальнейшем и современной социально-философской традиции (О. Конт, Г. Спенсер, Э. Дюркгейм, М. Вебер, Г. Зиммель, Т. Парсонс, Дж.М. Болдуин, Ч.Х. Кули, Р. Нисбет, Ф. Теннис, Дж. Мид, Г. Блумер, Дж. Хоманс, П. Блау, Г. Гарфинкель, Г. Закс, Б. Малиновский, Н. Луман, П. Бергер, Т. Лукман, З. Бауман), обращаются к вопросу нестабильности общественных отношений. В своих работах исследователи все больше анализируют необходимость решения проблемы деформации порядка, преодоления аномии, дезинтеграции целого, обращаясь к культурному потенциалу общества как единственному источнику его стабильности и реорганизации.

Все более очевиден становится и тот факт, что сформировавшаяся в русле идей прогресса модель рационализованного общества не перспективна, что конец социальности Модерна – проблема не надуманная, а вполне реальная, поскольку в сложив-

шихся условиях человек, как и само общество, оказывается перед реальной угрозой возможности своего перспективного развития. Прославляя высокий уровень научно-технического, образовательного, политического и экономического развития, современное человечество все более ощущало на себе глобальную культурную деградацию, духовный кризис. Поэтому постепенно, вслед за блеском благ цивилизации, комфортом и технологиями интенсивного развития, интеллектуальным освобождением, приходит понимание реальных последствий прогресса, и оно оказалось для человечества шокирующим. Обесценивание роли культуры как сферы духовного развития личности стало для современного общества условием социокультурного кризиса, приобретающего в настоящее время глобальные размеры в связи с актуализацией материальных ценностей. Все больше погрязая в зависимости от пожирающего потребительства, современник расплачивается за собственную жадность непомерной ценой – своей свободой, счастьем, жизнью. Стремясь к благополучию, развитию, порядку, голосуя за них, критикуя их отсутствие, он утрачивает понимание сути этих феноменов, искажает и обесценивает истинное богатство культурного и духовного развития, меняет их на комфорт и зависимость от материальных благ.

Почему человек отказывается от источника своего гармоничного развития, что становится предпосылкой трагедии культуры и ее подмены цивилизацией? В чем заключается сам механизм данного «обмена»? Чем угрожает современному миру увлечение цивилизацией? И наконец, что несет в себе само цивилизационное знание? Над этими вопросами человечество начинает задумываться с момента появления первых угроз общественной целостности. Так, наблюдая за разрушением стабильности, сакральности общностного порядка, присущего традиционному обществу, и переходом к рационализированной социальности Модерна, немецкий социолог Ф. Теннис в своей работе «Общность и общество» отмечает: «Подобно тому, как индивидуальная сущностная воля порождает непосредственно сам процесс мышления и избирательную волю, каковая стремится подавить первую, сделав ее от себя зависимой, – так у исторических народов мы наблюдаем процесс развития общества и общественных образований с помощью избирательной воли из первоначальных форм жизни и индивидуальных волевых образов: *из культуры народности – в цивилизацию государственности*» [1, с. 243]. Исследователь описывает этот переход следующим образом: в рамках культурной традиции народ создает дома, селения, города, страны. Затем в этой среде появляются сильные своеобразные фигуры: князья, феодальные сеньоры, рыцари, цари, а также служители культа, ученые. На первых порах все они экономически и социально зависят от воли народа. Их могущество закрепляется в процессе формирования нации, что вызвано экономическими условиями. Можно сказать, что их действительное господство является экономическим, завоеванным крупными торговцами, подчиняющими себе рабочую силу нации. Причем наивысшей из этих форм господства является планомерное капиталистическое производство, или крупная промышленность. Поэтому условия национального единения закладываются в рамках капиталистического производства, основной силой которого является рационализированный торговый класс, цивилизованный по своей природе. А вслед за ним все более цивилизованными, т.е. общественными становятся и все другие сословия, и весь народ.

Изменяя свой социальный статус и, следовательно, условия своей повседневной жизни, люди меняют свой *социальный характер*: постоянное стремление к переменам делает его лихорадочным и непостоянным. Параллельно этим изменениям в социальном плане происходит постепенное преобразование *права*. Чистый контракт становится основой всей системы, а избирательная воля общества, определяемая общественным интересом, оказывается единственным источником, хранителем и двигателем *правопорядка*. Государственная воля все больше освобождается от традиции и веры относи-

тельно ее основополагающей роли. Таким образом, право, в конце концов, опирается не на *нравы*, что является правом естественным, а только на закон, и становится уже продуктом политики. Теперь в качестве действующих единиц существуют лишь государство с его институтами и индивиды (вместо естественно образовавшихся товариществ, общин и этнических сообществ). И так же как эти сообщества определяли характер людей, так теперь меняется и он, приспособляясь к новым произвольным правовым установлениям и теряя ту опору, которая ранее покоилась на нравах и на убеждении в том, что они незыблемы.

Под влиянием всех этих изменений совершенно изменяется духовная жизнь. Теперь она целиком опирается на разум. «Прежде человек верил в незримые существа, духов и богов, теперь он обратился к познанию видимой природы. Религия, произрастающая из глубин народной жизни, уступает место науке, берущей свое начало из глубины разумно осознанного. Религия непосредственна и по своей сущности моральна, поскольку она глубочайшим образом соотносится с теми телесно-душевыми узами, которые связывают целые поколения людей. Наука же получает свое моральное обоснование лишь через наблюдение законов человеческого общежития, пытаясь вывести отсюда правила его произвольного и разумного порядка. И *способ мышления* отдельных людей постепенно все менее определяется религией, все более – наукой» [2, с. 244].

Итак, ход рассуждений исследователя заключается в описании момента перехода от культуры к цивилизации, точки разрыва влияния культурной традиции, подмене живой природы общинных связей, унифицированной системой по производству желаний – современной цивилизацией. Причиной таких изменений на макроуровне, тех существенных противоречий, порождающих насилие, войны, разрушение, отчуждение и эксплуатацию, богатство одних и нищету других и в конечном итоге гибель самой души общества – его культуры – становится, как уже отмечалось, интенсивное развитие рационального познания. Культ разума, выбор его в качестве «авторитетного» интерпретатора истории человечества становится условием искажения механизма целостного развития личности, обесценивания духовного в пользу материального, детерминирующим фактором цивилизационного прогресса. Таким образом, этот судьбоносный для человечества выбор и обуславливает возникновение проблемы индивидуальной и социальной целостности. Поскольку деформирует условия реализации *человеческого потенциала*, отвечающие за решение проблемы индивидуальной и социальной целостности.

Здесь необходимо обратиться к анализу источников активности человеческой природы – потребностей, развитие которых и отвечает за реализацию личностного потенциала. Поскольку, выступая естественными механизмами индивидуальной и социальной активности, потребности человека (прежде всего духовные) требуют удовлетворения, открывая шанс индивидуальной реализации, достижения целостности внутреннего и внешнего, гармонии, баланса. Этот механизм единения запускается в результате взаимодействия ряда факторов:

1. *Благоприятная социальная среда*, в качестве которой выступает прежде всего семья и построенные на родовых принципах коммуникации (т.е. доверии, поддержке, ориентации на общее благо и т.п.) общностные отношения, где человек обретает шанс раскрыть и удовлетворить экзистенциальные духовные потребности, приобретает созидательный опыт гармоничных отношений и объективные социальные знания человеческой событийности.

2. *Культуры* как системы объективных социальных знаний, направленных на сохранение, укрепление, трансляцию социальных связей, духовной преемственности от поколений. В качестве универсальной *интерпретирующей схемы человеческой событийности* культурная традиция выступает необходимой предпосылкой духовного развития человека, решения проблемы индивидуальной, а в дальнейшем и социальной це-

лостности. Именно в рамках культурного становления личности происходит обнаружение и раскрытие глубинных механизмов ее активности – духовных потребностей, которые раскрывают потенциал человека. И именно культура выступает коммуникационным фоном, паттерном, продуктивной социальной интеракции. Следовательно, *в условиях обесценивания культурной традиции, искажения потенциала ее влияния на человека и его социальные отношения деформируется значение и роль фундаментальных установок человеческой событийности: любви, доверия, свободы, творчества*. Тогда изменяется сам вектор индивидуального, а следовательно, и социального развития: *от созидания, познания окружающей реальности к ее тотальному потребительству* [3].

Эти тенденции, иллюстрирующие характер развития современной эпохи, неумолимо ведут к деградации личности и общества в целом, разрыву фундаментальных духовных связей, актуализации проблемы социальной целостности и порядка. Продвигая в качестве фона развития человека и общества цивилизацию, рациональное познание лишает личность той естественной гармоничной почвы, в которой и происходит осознание ею своей уникальной сути, в которой зарождаются человеческие отношения. Все более очевидным становится тот факт, что человек вне культуры – беспощадный потребитель, для которого процесс накопления материально-технических благ становится ведущей установкой и ценностью жизни. Вне культурного контекста обесценивается сама человеческая жизнь, что ведет к превращению общественных отношений в прибавочный продукт цивилизации, их реификации. Такая ситуация лишь актуализирует материалистические установки на прагматизм, личное благо, эгоизм (т.е. цивилизационные аспекты развития), нарушает баланс человеческой жизни, угрожая существующему порядку! Цивилизация становится тем «благоприятным» фоном, глобальной фабрикой желаний, работающей на поддержание зависимости человека от материального «счастья». Поскольку ориентированная на овеществление человеческого потенциала цивилизационная модель прогресса представляет собой целый арсенал способов и средств удовлетворения его бесконечных желаний: дизайн, как символ влияния потребительства на человека; реклама, заставляющая приспосабливаться к новому товару; мода, движимая желанием человека показать свое превосходство; торгово-развлекательные комплексы; система кредитования и депозитов. Дизайн сознательно ориентирует производство на изготовление товаров кратковременного потребления, чтобы стимулировать все новые продажи. Та же ситуация с рекламой и модой, которые «приучают» потребителя ценить новый стиль, каким бы он ни был. Это означает, по мнению британского исследователя С. Майлза, что современное капиталистическое производство не приспособливает товар к нуждам потребителей, но заставляет их приспособливаться к новому товару. Так, дизайн, как и мода, служат инструментом порождения новых желаний, средством извлечения новой прибыли [4]. Цивилизация бесцеремонно эксплуатирует пороки человека, посредством дизайна, моды, рекламы, торгово-развлекательных комплексов, кредитов и других инструментов манипуляции все дальше уводит его от реального решения проблемы зависимости (служения), все больше погружает в иллюзию, кишашую неудовлетворимыми желаниями. Все более разнообразными способами она стимулирует желание потреблять, использовать, обладать, «иметь», а не «быть» (Э. Фромм). В результате современный человек воспринимает потребительство как единственный способ самовыражения, как единственно возможный и оправданный образ жизни.

В этой рационализированной программе (*желание – цивилизация – потребительство*) человеку остается лишь действовать в рамках установленного, т.е. принимать для себя то, что продуцирует цивилизация для «его блага». Он не свободен, и это не пугает его. Он заиклен в своем прагматичном выборе, поэтому даже проявления духовной жизни, составляющие суть человеческой событийности: любовь, творчество,

доверие, – он пытается оценить рационально (в силу чего и происходит ужасающая для человека и общества подмена сути экзистенциальных категорий человеческой жизни). Таким образом, из вспомогательного средства культурного развития общества цивилизация становится симулякром культуры, не освобождающим, а порабащивающим личность в ее неконтролируемых желаниях потреблять. Как абсолютно материальный феномен, она подбрасывает человеку «блага», на которые покупается желающий разум, не способный отличить истинное от ложного, иллюзию от реальности, жизнь от выживания. Идеалы блестящего мира материального комфорта и роскоши становятся для него системой координат, ориентироваться в которой теперь его основная задача.

С самого момента своего развития цивилизация характеризуется тенденциями, подрывающими привычный порядок культурной традиции. Прогрессирующее общественное разделение труда, развитие информационно-транспортной, экономической, а главное, политической инфраструктур работают над формированием тотальной ориентации на материальный комфорт и благополучие – всепоглащающее потребительство. Тем самым из отведенного ей онтологического статуса *быть вспомогательным инструментом культурной традиции*, цивилизация претендует стать *способом человеческой бытийности*. Однако, воплощаясь в экономических и политических структурах современного общества, она не способна существовать самостоятельно: ее потенциал ограничен. Поскольку в процессах культурного производства, приоткрывающего личности цели и условия ее гармоничного развития, культура выступает естественной и необходимой предпосылкой раскрытия ее потенциала, условием развития индивидуальной и социальной целостности. Потенциал же цивилизации ограничен, поскольку направлен лишь на производство материально-технических условий, удовлетворяющих физиологические аспекты человеческой жизни. *Феномен цивилизации представляет собой совокупность материально-технических средств, участвующих в культурном развитии человека и общества и направленных на облегчение материально-бытовых условий социальной жизни. Лишь в этой своей роли она способна участвовать в процессах культурного производства и потребления. Любые искажения такого сущностного соотношения культуры и цивилизации свидетельствуют о дисбалансе индивидуального и социального развития!*

Установка на цивилизационный прогресс, заложенная эпохой Просвещения, превратила цивилизацию в «эффективный способ избавления человека от затрат невосполнимого времени индивидуальной жизни на заурядное природное выживание». Угадывая желания человека и продуцируя все новые материально-технические соблазны, она вытесняет духовность из его жизни, стандартизирует условия и характер его жизнедеятельности, вырабатывает средства, сокращающие связь человека с реальным миром – необходимым признаком культуры, развивает иллюзию потребительского рая. Материальное развитие ориентирует потенциал человека на удовлетворение неиссякаемых желаний, отвлекая его от основной цели – развития и совершенствования его духовной природы. Обещая комфорт и удовольствия, цивилизация скрывает конечную цель своего назначения: превратить человека в отчужденного, безликого Голема. Она продолжает культивировать иллюзию об индивидуализации как освобождении личности, обществе как рациональном проекте, капитализме как единственно возможной системе экономических отношений, потребительстве как условии реализации экзистенциальных проблем человеческой жизни – счастья, благополучия, гармонии.

Заключение

Таким образом, взрастая на формализме разума и значении последнего в современном обществе, цивилизация использует его некомпетентность в вопросах жизни, счастья, любви и т.п. Поверхностно оценивая сложившуюся ситуацию, сложно понять,

что действительно стоит за внешними эффектами материально-технического прогресса, экономическим приумножением материального богатства и благополучия. Вместе с тем уже первые попытки содержательного анализа позволяют увидеть, что «прижившаяся» в условиях интенсивного развития прибавочного продукта цивилизация, по мнению ряда современных исследователей, смогла интенсивно развиваться лишь в рамках утилитарной идеологии меркантилизма, заложившей предпосылки формирования рационализированных капиталистических отношений, заложенных в основание перспективного развития тотальным проектом рационализированного общества Модерна.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Теннис, Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии / Ф. Теннис. – СПб. : Владимир Даль, 2002.
2. Tonnies, F. Community and Society. Translated and edited by C.Loomis / F. Tonnies. – New York, 1957.
3. Бродецкая, Ю. Ю. Общество человеческих отношений: в поисках утраченной целостности : монография / Ю. Ю. Бродецкая. – Днепропетровск : Инновация, 2014.
4. Miles, S. Consumerism as a way of life / S. Miles. – L. etc.: Sage, 1998. – Vol. VIII.
5. Осипов, А. Путь разума в поисках истины [Электронный ресурс] / А. Осипов. – Режим доступа: <http://www.wco.ru/biblio/books/osip14/main.htm>.
6. Шпенглер, О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории / О. Шпенглер ; пер. с нем. И. Маханькова. – Т. 2 : Всемирно-исторические перспективы. – М. : Мысль, 1998. – 606 с.
7. Бердяев, Н. А. Смысл истории [Электронный ресурс] / Н. А. Бердяев. – Режим доступа: http://www.krotov.info/library/02_b/berdyayev/1923_019.htm.
8. Вебер, А. Принципиальные замечания к социологии культуры. Общественный процесс, процесс цивилизации и движение культуры / А. Вебер // Избранное: Кризис европейской культуры. – СПб. : Университет. книга, 1998.
9. Фромм, Э. Человек для себя. Исследование психологических проблем этики / [Электронный ресурс] / Э. Фромм ; пер. Л. А. Чернышевой. – Режим доступа: <http://psylib.org.ua/books/fromm04/index.htm>.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 14.07.2015

Brodetskaya Y.Y. Deformation Factors of Social Integrity: Culture to Civilization

The analysis of individual and social integrity problem is the main problem of modern socio-philosophical discourse. The causes of deformation of integrity, the sources of its formation, deployment mechanisms – all these questions are attractive by their relevance. Modern society, like people, are experiencing deep crises, which depends on overcoming their further development. In this perspective, the confrontation of culture and civilization is one of the most urgent areas of research integrity issues. As a condition of formation integrity, cultural tradition recreates prerequisites holistic individual and social development. It translates human luggage objective social knowledge, responsible for the maintenance of harmony, order, balance of society level development. Thus, culture is involved in discovering and realizing human potential, harmonious individual integration in the social context. Finally, the cultural tradition solves the problem of individual identity. Consequently, the crisis of human and society cultural development is directly reflected in solving integrity.

The substitution of culture civilization, its popularity trends to change qualitative vectors and character, both individual and social development. As a simulacrum of cultural tradition, civilization offers the human focus on the realization of its unquenchable desires of material comfort, wealth, pleasure. As a parasite on the background of cultural tradition, civilization progress poses a mortal human's dependence on material from their «want». In this pursuit of «benefits» of civilization human loses communication with the cultural tradition, gender, family, spirituality, he turns into a total consumer. Consumerism becomes a natural practice of his life.

Consequently, the research of the context of these deformation vectors of individual and social development – from creation to destruction (consumerism), search sources, factors and mechanisms of integrity disorganization is the field problem that allows you to create an adequate research methodology of integrity problems.

УДК [394.3:005.57]:130.2

О.Н. Иванчина*канд. филос. наук, доц., зав. каф. уголовно-правовых дисциплин
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина***ИГРА И КОММУНИКАЦИЯ В ИНФОРМАЦИОННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ:
ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

В статье игра и коммуникация рассматриваются как важные аспекты информационного общества. Предложена классификация форм игры, определена специфика их функционирования в современном мире. Игра и коммуникация отражают ценностные аспекты духовного мира человека, вырабатывают новую триаду: Информация = Власть (Время) = Деньги. Рассмотрены игровые методы познания и развития, проводится анализ актуальности игровых методик. Игра и коммуникация во всех своих формах рассматриваются как базис духовной культуры современного человека.

Введение

Современное информационное общество превратило мир в совершенно новую реальность, никогда ранее не существовавшую. Земной шар стал глобальной деревней, в которой все процессы взаимосвязаны друг с другом. Информация и средства коммуникации породили невиданные ранее информационно-идеологические войны. Многие социальные конструкторы оказались всего лишь искусственно созданными формами бытия: нация стала мыслиться как воображаемое сообщество, общественное мнение – как идеологический конструктор правящих политических элит, патриотизм – как искусственно созданная модель иррационального поведения.

Переосмысление и экспликация важнейших феноменов духовного мира человека являются настолько же значимым в современной культуре, насколько значима выработка национально-государственных стратегий развития. Если человек сможет понять и объяснить самого себя, то сможет реализовывать самые лучшие свои стремления. По сути, антропологический вопрос – это вопрос выживания человека как духовного существа, обладающего уникальным внутренним миром, мировоззрением, мироощущением, мировосприятием. В настоящее время в философии и культурологии присутствует необходимость осмысления, вербализации и экспликации таких феноменов современности, как игра и коммуникация. Без осмысления и анализа любого процесса невозможно управление этим процессом. Философско-культурологический анализ игры и коммуникации в современном мире позволит более эффективно определить их сущность, статус и роль в информационной цивилизации.

Целью статьи является репрезентация некоторых аспектов мировоззрения, мотивации и деятельности современного человека, выражающихся в феноменах игры и коммуникации посредством философско-культурологического анализа. По нашему мнению, игра и коммуникация являются средствами выражения важнейших ценностей человека, а также способами саморепрезентации духовного мира.

Для реализации цели исследования необходимо решить следующие задачи:

- 1) раскрыть игровую сущность современной цивилизации на основе игровой концепции культуры;
- 2) классифицировать основные формы игры в цивилизации информационного типа;
- 3) эксплицировать сущность коммуникации в современном обществе;
- 4) провести компаративный анализ игровых и коммуникационных аспектов как сущностных основ бытия.

Источниками для проведения исследования выступили как сами игровые и коммуникационные аспекты процесса глобализации (эмпирический аспект), так и работы ученых, посвященные данной теме (теоретический аспект).

Внимание исследователей к информационному обществу, теории коммуникации проявилось в 60–70-х гг. XX в., когда в западной философии появились первые работы по этой проблеме. Массовая информация стала трактоваться как важнейший фактор всей социальной динамики. Для осмысления сущностных основ информационного общества массового потребления классическими стали работы Э. Тоффлера «Шок будущего» (впервые опубликована в 1970 г.) [1] и «Третья волна» (впервые опубликована в 1980 г.) [2]. Без ссылок на концепцию Э. Тоффлера в настоящее время не обходится ни одно исследование, посвященное информационному обществу. Одним из первых теоретиков осмысления постиндустриального общества является Д. Белл, который заявил о решающей роли информации и науки для развития всего мира и предположил возможность превращения знаний в новый капитал [3, с. 564–565].

Среди исследований современных феноменов игры и коммуникации информационного общества можно выделить ряд российских авторов. Так, Т.В. Семеновских [4] описывает современное мышление как клиповое, мозаичное, что стало атрибутивной характеристикой информационного общества. По его мнению, клиповость является ответом на перегруженность яркими, не связанными друг с другом визуальными информационными сообщениями. О.В. Бусыгина детально исследовала проблему массовой коммуникации в информационном обществе [5]. Проблема коммуникации как пространства культуры рассматривается в диссертации В.В. Рябухиной (2007), которая анализирует семиотическую сущность коммуникации и её виды. Она считает, что информационная эпоха – это «третья» культура, где коммуникативные практики играют важнейшую роль [6]. В.А. Шестаков провёл философско-культурологический анализ функционирования средств массовой информации, подчеркнув необходимость осознанного контроля над потоками информации [7]. В 2004 г. в докторской диссертации С.К. Шайхитдиновой рассматривалась проблема перехода картины мира к киберпространству, перехода человека разумного к человеку кликающему, от человека метафизического к человеку общественному, перехода средств массовой информации (информирования) к роли средства ведения информационных войн [8].

Данные исследования являются только частью процесса научного осмысления ряда аспектов современного информационного общества. Необходимость философско-культурологического анализа игры и коммуникации стала для автора данной статьи стремлением заполнить лакуну в изучении данного аспекта информационного общества. Данная статья является одним из способов интерпретации статуса игры и коммуникации современной цивилизации.

Для проведения исследования использовались следующие подходы и методы:

- *генетический подход* (позволяет выявить общие и специфические аспекты цивилизации в разные периоды истории, каковыми выступают игра и коммуникация);
- *компаративный анализ* (позволяет выявить отличия форм и семантического наполнения игры и коммуникации в современном мире);
- *герменевтический метод*, который представляет собой понимание и интерпретацию феноменов игры и коммуникации в информационном обществе;
- *семиотический метод* (рассматривает игру и коммуникацию как знаки и символы информационной культуры);
- *типологический метод* (позволяет классифицировать виды игры и игровых форм познания).

Классификация игры

Потоки информации постоянно усложняют современный мир. Загруженность визуальными образами, быстрый темп жизни, устаревание знаний и образования – все эти тенденции превращают практически любого человека в «вечного студента», не все-

гда владеющего ситуацией в силу «пропуска», невключённости в новое проблемное поле. Этот «пропуск» как время отсутствия коммуникации с источниками информации может стать для человека причиной выпадения из культурного контекста информационной цивилизации. Информационная грамотность стала способностью быстро находить и использовать нужную информацию, превратилась в ведущий навык любого грамотного специалиста.

Современное информационное общество называют также обществом массового потребления. Оба эти названия отражают сущностные особенности цивилизации: с одной стороны, ценность информации, скорость её появления и трансляции возросли как никогда ранее в истории человечества; с другой стороны, в центре внимания человека стоит вопрос не духовного самосовершенствования, а материального благосостояния, потребления широкого спектра товаров и услуг. Главными причинами изменений становятся информация, интеллектуальное творчество (инновации) и технологии. Информация сама по себе не ведёт к позитивным изменениям, только её нравственное ориентирование, её эмоциональное одухотворение человеком способно развивать культуру, способствовать подлинному прогрессу. Господство таких ценностей, как информация, деньги, власть, породило новые виды состязательности, конкуренции, игры во всех видах деятельности человека: экономике, политике, спорте, искусстве, науке и т.д.

Игровая концепция культуры, сформулированная в XX в., апплицируется на информационное общество XXI в. и получает новые формы своей интересубъективности, анализа и интерпретации. Систему современной цивилизации, где господствуют техника и технологии, можно рассматривать как синтез игры и коммуникации различного порядка, их форм и видов. Одна из классификаций игры представлена ниже.

1. Игра как коммуникация. Игра становится важнейшей формой коммуницирования. Это выражается в новых видах общения (чат, электронная почта, скайп и т.д.), новых языковых и знаковых моделях (смайлы, интернетный язык-слэнг и т.д.), новых способах трансляции информации (SMS, блютуз, Viber). Интернет является зеркалом современного общества, где отражаются все тенденции развития духовной и материальной культуры. Пользователь лишь выбирает потоки информации, которые будет потреблять. Игра в любовные отношения порождает пикап как симулякр любви. Игра в дружбу порождает предельно широкий круг общения – сотни и тысячи «друзей» по всему миру посредством социальных сетей Интернета. Если раньше информацию переносили в виртуальный мир, оцифровывали, то сегодня виртуальная реальность вторгается в реальный мир на правах онтологической основы бытия. Виртуальная реальность как средство коммуникации очень эффективно помогает человеку выйти за рамки повседневности. В этом она оказывает такое же воздействие на личность, как и игра, как процесс познания. Играя, человек становится человеком коммуницирующим.

2. Игра в политике. Нередко это имитация честной политической борьбы. Человек политический играет по различным политическим сценариям. Исход игры может быть ясен заранее, однако проживание, «проигрывание» ситуации есть важный её этап. Не только политики как отдельные субъекты властных отношений, но и целые страны состязаются между собой: у кого больше золотовалютный резерв и валовый национальный продукт; чьи спортсмены выигрывают больше медалей на очередной олимпиаде; у кого самый высокий уровень подготовки школьников; чей индекс развития человеческого потенциала выше и т.д. Ведь победитель автоматически демонстрирует лучшие политико-экономические условия для развития государства. Эта состязательность идеологий имела место во времена холодной войны, где капиталистические и социалистические страны ставили своей целью доказать на практике «правильность» своего пути развития, демонстрируя экономические, спортивные, научные и другие достиже-

ния. Во времена информационных войн создаются всё новые способы «доказательств» и «соревнований».

В настоящее время популярны различные ток-шоу, деловые игры (например, в «президентов» и «парламент» в средней школе), политические дебаты, которые ставят своей целью конституирование общественного мнения. Социальные сети используются спецслужбами для навязывания «общегосударственного общественного мнения». Не столько наличие крупной собственности и золотовалютного резерва, сколько доступ к средствам массовой информации и контроль над ними являются в современном обществе определяющим фактором осуществления политической власти.

3. Игра как форма бизнеса. Это особый вид спорта, где главный результат измеряется деньгами и временем: кто сможет за минимальное время заработать максимальное количество денег? Появились новые способы зарабатывания денег – «из воздуха», ничего не производя. Значительный процент людей может теперь зарабатывать деньги дома, всего лишь имея необходимые навыки и доступ в Интернет. Игра на бирже, использование колебаний курсов валют – это своеобразные азартные игры, где нужно заранее спокойно относиться как к выигрышу, так и к проигрышу. Само бытие бизнеса (всех его форм) как постоянное реагирование на смену парадигмы «спрос – предложение» – также может рассматриваться как бесконечная игра с быстро изменяющимися правилами.

Игрой свободных жизненных сил является и индустрия гламура, где красота и мода суть игра линий и красок, которые не столько являются практичными, сколько выражают определённое эстетическое и этическое начало. Показы нарядов от кутюр – это шокирование, эпатаж зрителя, это игра со зрителем. Общество массового потребления диктует правило: каждый сезон необходимо менять имидж, одежду, обувь, аксессуары, даже если с прошлого сезона эти вещи остались почти новыми. Так появляется эпоха «сэконд хэнд» в наименее развитых странах. В моде, науке, политике действует кредо: «Всё новое – лучше, чем старое!». Однако остаются сферы общественного сознания, где этот лозунг не работает – религия, философия, мораль – они выступают принципиально вневременными по своей сущности.

4. Юриспруденция как форма игры. Само выражение «выиграть суд» в русском языке чётко семантически определяет, что речь идёт об игре. Судебный процесс – это не что иное, как интеллектуальное состязание в знании и интерпретации законов и указов, в умении использовать их на практике. Аналогичные рассуждения относительно правосудия встречаются ещё у Й. Хейзинги – одного из основоположников игровой концепции культуры [9, с. 85–94]. Игра предполагает, что у неё есть правила и законы, но нет определённых гарантий для её определённого завершения.

5. Азартные игры. Они актуальны как никогда ранее. Желание решить все свои финансовые проблемы при помощи выигрыша явилось порождением как жажды зрелищ и острых ощущений, так и стремления жить, не работая, не принося пользы обществу. Возможно, сопутствующими причинами этого явления выступают также отсутствие новых впечатлений, низкая физическая активность, незанятость. Все вышеперечисленные аспекты становятся основанием для участия в азартных играх, которые позволяют пережить нечто новое, будоражащее сознание. Азартность в игре нередко приводит к деформации личности. Лудомания (пристрастие к азартным играм) и кибераддикция (пристрастие к компьютерным играм) признаны формами зависимости, стали социальными проблемами.

6. Видеоигры (компьютерные и телефонные) породили совершенно новое виртуальное пространство игры. Детская игра становится взрослой, нередко развращая, прививая вкус к насилию. В настоящее время философы всё больше обсуждают проб-

лему дегуманізацыі грамадства, яго «кіборгізацыю», расчелавечыванне из-за стварэння электроннага віртуальнага прастранства, якое духоўна ўнічыжае чалавека [10].

Всякая гра ўтрымлівае ў сабе не толькі інабыццё, але і самарэпрэзентацыю. Так, сацыяльныя сеткі і камп'ютэрныя ігры дазволілі чалавеку быць не толькі самым сабой у віртуальным свеце, але і надзяваць розныя маскі-іміджы, іграючы з іншымі людзьмі. Віртуальнае прастранства, злучаючы людзей пасрэдам іх аватары (акустна створаных абразы), адначасова адчувае іх адзін ад другога ў свеце рэальным.

Інфармацыйнае грамадства пасрэдам Інтэрнэту канстытуіруе асобны духоўны свет без чёткіх граней, без разлічэння добра і зла. Свабодная гра жыццёвых сіл без якіх-ліб ацэночных маніфестацый – такая постмодэрнісцкая ўстаноўка імманентна прысутствуе ў мностве сацыяльных сетак.

7. Спорт як гра. Алімпійскія ігры – гэта яркае праяўленне спаборніцтва, піара, рэкламы і шоу. Многія крупныя спаборніцтвы і ігры сталі бізнес-праектамі, прыносячы велікія даходы. Экстремальнасць, шоу-развясце, рэкламныя піар-кампаніі, «аколаспортыўная» субкультура – гэта пастаянныя характэрыстыкі сучаснага буйнога спорту. Іграюць-спаборнічаюць паміж сабой не толькі спартсмены і іх каманды, але і групы падтрымкі, аб'яднання болельшчыкаў.

8. Гра як форма адукацыі і адукацыі. Яна прадпалагае выкарыстанне розных ігровых метадык для эфектыўнага ўвасення новых ведаў. У момант непрымуўдзенага ўважання і інтэраса, пражывання пазітыўных эмоцыяў чалавеку неслабна запамінаюць буйныя аб'ёмы інфармацыі. Сучасныя развіваючыя трэнінгі нэрэдка іспользуюць ігровыя метадыкі і падыходы, дзе канстытуіруецца «ідеальнае Я» чалавека, да якому яна пачынае імкнуцца ў рэальнай жыцці. Так як аснову інфармацыйнага грамадства складаюць інфармацыйныя тэхналогіі, умствены труд, інтэлектуальны капітал, то важнейшым якаствам сучаснага чалавека становіцца спосабаўнасць да пастаяннаму адукаванню, псіхалагічная і інтэлектуальная мабільнасць. Адносіны да гэтага працэсу як да ўзвясцельнага ігры – адзіны пазітыўны выхад для чалавека, вымуўдзенаму ў наш час «пропускаяць» праз сябе велікія патокаў інфармацыі. Практыка дзеловых ігры, ігровое мадэліраванне розных сітуацыяў, ігротэрапія, аплікацыя ігры на неігровыя віды дзейнасці (іспользаванне іх не толькі ў псіхалогіі, але і палітыцы, рэлігій) на фоне пачты татальнай камп'ютарызацыі фарміруюць асобнае прадставленне аб свеце, аб рэальнасці быцця.

Ігровыя метады развіцця і ведавання

Ігровыя метады ведавання і развіцця выступаюць у наш час як адны з самых эфектыўных. Гра з'яўляецца вядучай дзейнасцю чалавека з ранняга дзтва і застаецца такой у далейшым. Сучасная канцэпцыя адукацыі і развіцця прадпалагае фарміраванне свабоднага, творчаскага асобы, пастаянна самаразвіваючайся, спосабаўнага б'ястро рэагавары на мяняючыяся ўмовы знешняга асвяды. Такой прынцып адукацыі абязатэльна ўключае ў сябе розныя ігровыя тэхналогіі, пазвясцельныя праявіцца крэатывнасці мыслення. У педагогіцы і псіхалогіі праблему ігровай дзейнасці разрабаўвалі К.Д. Ушыньскі, П.П. Блонскі, С.Л. Рубінштэйн, Д.Б. Эльканін. Розныя прадставленні аб тэорыі ігры садржаюць канцэпцыі Ф. Шіллера, Г. Спенсера, К. Бюлера, З. Фрэйда, Ж. Піажа, К. Гросса і др. Ігровыя метадыкі тэсна звязаны з эксперыментам. У матэматыцы існуе т.н. «тэорыя ігры», пры дапамосці якой вазможна адукаванне і мадэліраванне розных сітуацыяў у палітыцы, эканаміцы, ваеннай сфэры. У псіхалогіі сярод ігровых метадык выдзяляюць «трансакцыяналы аналіз», у сацыялогіі – «сацыяльнае інжынернае» і «управленне ўвясцельнямі». Ігровыя метады ведавання трыбуюць ад чалавека энэргыі, крэатывнасці, напружання ума, кантроля за выкананнем правіл. Імэнна асобына мысліцельна

деятельность генерирует в человеке такие возможности, какие не раскрываются при пассивном усвоении уже готового знания. Самостоятельное декодирование, интеллектуальный труд и личные усилия делают полученное знание не только эмоционально окрашенным, но и самым ценным, так как оно добыто собственными усилиями.

Процессы обучения и развития напрямую связаны с мотивацией, которая помогает осознать стратегию своего поведения, выработать собственные цели, ответственность за свои поступки, моделировать программу своего развития. Игра как виртуальная, духовная сфера деятельности развивает способность к абстрактному мышлению. В системе высшего образования применяются такие интеллектуальные игры и технологии:

1. *Кейс-метод*. Он предполагает несколько возможных вариантов решения проблемы; именно этим он и ценен, так как развивает нетривиальное, свободное и творческое мышление.

2. *Творческие сюжетно-ролевые игры*. Целью игры является «примеривание» на себя различных социальных статусов для расширения собственных гносеологических горизонтов. Проживание самого себя в других условиях обязательно понуждает к пониманию другого, чужого сознания и культуры.

3. *Квест-игры (игры-путешествия)*. Они могут быть математическими, географическими, юридическими, биологическими, историческими и т.д. и предполагают аналитическое вычленение каких-либо конкретных параметров (критериев) в изучаемом объекте. Источниками для игры выступают книги, карты, задачи, документы, артефакты, события, исторические источники и т.д.

4. *Интеллектуальная игра «Что? Где? Когда?»*. Цель такой игры – расширение эрудированности участников, развитие интеллектуальной мобильности.

5. *Игры на воображение*. При помощи определённого набора категорий или понятий необходимо создать текст на заданную тему. Цель игры – развитие креативности, способности к интеллектуальному моделированию и идеализации.

6. *Разгадывание и составление кроссвордов* преследует цель расширить гносеологический горизонт человека при составлении кроссворда, а также проверить свои интеллектуальные возможности в процессе ответов на вопросы.

7. *Организация дебатов*. Она предполагает деление студентов на две группы, каждая из которых получает один из двух антиномичных тезисов. Задача каждой группы – найти аргументы в пользу своего тезиса. Целью такой игровой формы является проявление способности логической аргументации, доказательства своей позиции, развитие творческого мышления. Важным результатом такого метода работы является повышение уровня коммуникативных навыков.

Игра применяет как логику, рассудок, эксперимент, так и интуицию, которые являются разными способами постижения мира. Игра заставляет вживаться в свой текст как в процесс движения понятий и категорий [9, с. 60, 68]. Игра формирует важнейшую потребность человека – потребность в новом знании, потребность в стремлении к саморазвитию. Игра также воспитывает в человеке осознание собственной свободы и ответственности за свою деятельность, т.е. формируются нравственные принципы и убеждения. Поэтому необходимо констатировать, что игровые формы обучения и развития не только рациональны (полезность, рассудочность знаний), но и иррациональны (мотивация, эмоциональность) по своей сущности.

Современная успехология утверждает, что человек может быть по-настоящему хорош только тогда, когда делает то, что ему нравится. То, что нам нравится, и есть наша игра, хобби – любимая деятельность, которая имеет свои законы, жанры, правила, мотивацию. Игра относится, согласно Й. Хейзинги, к иррациональной сфере. Это трудно оспорить. И с возрастом человек не перестаёт играть. Меняется только цена игр, а сама игра приобретает новые смыслы, ценностные ориентации и мотивацию.

Карьера, её выстраивание во времени и пространстве также может рассматриваться в качестве игровой, состязательной деятельности человека.

Ментальность современного общества заставляет производить переосмысление ценностей. Ценность самого человека начинает определяться через степень включённости его в информационное пространство, через количество денег, которое он способен заработать, через качество услуг, которое он может оказать обществу. Если жизнь человека – это игра, то каковы условия и правила этой игры? Если жизнь – это игра, то она есть проживание или прожигание времени? Каковы жизненные цели в этой игре? В попытке найти ответы на эти вопросы возникают новые направления научно-популярного знания, такие как тайм-менеджмент, успехология и др.

Во многом игра рассматривается в настоящее время как жизненная позиция, где важен сам факт присутствия субъекта на игровом поле. Как и ранее, игра воспринимается как искусство, агон, конкуренция, состязательность, спорт. Очевидно, что игровая деятельность напрямую связана с мировоззренчески-ментальными основами современного общества. Она изменяется вместе с ними, приобретая всё новые причудливые формы, конституируя новые ценности и новые игровые реальности.

Заключение

Античная философия сформировала общечеловеческую гуманитарную парадигму на все времена: «Истина = Благо = Красота». Эта система ценностей вечна по своей сущности, она комплиментарна высшей нравственной сущности человека. В античности и средневековье, в современной религиозной культуре достигающий высот в профессиональной деятельности человек рассматривался как тот, кому удалось дотронуться до Неба, соприкоснуться с миром Бога (богов). Сама общественная деятельность выступала как *служение* трансцендентному началу, разумному и упорядоченному. Поэтому любые аспекты игры/коммуникации рассматривались сквозь призму «трансцендентное – имманентное».

Современная информационная культура конституирует новую триаду ценностей: «Информация = Власть (Время) = Деньги». Эта триада работает в онлайн-режиме – «здесь и сейчас», отсылая сознание к деятельности, направленной по свои целям вовне человека: даже перфекционизм как стремление к совершенству рассматривается как средство для реализации целей здесь-бытия. Деятельность рассматривается как *пользование* различными ресурсами, ценнейшим из которых – время.

Коды, знаки и символы игры и коммуникации репрезентируют систему ценностных ориентаций информационного общества. Игра и коммуникация во всех своих формах выступают как базис духовной культуры современного человека. Их всеобщность и универсальность делают их неотъемлемыми характеристиками информационной цивилизации. В способах коммуникации и игры человечество, как правило, едино, но семантическое пространство информации всегда неодинаково для различных социальных и национальных общностей. Поэтому выработка универсального языка общения может сыграть важнейшую функцию становления общегуманитарной ценностной системы во всём мире. Без анализа и осмысления феноменов игры и коммуникации невозможно конституирование социальных институтов, общностей, движений и организаций.

Результаты данного исследования могут быть применены в преподавании учебных курсов по социальной философии, теории культуры, философской антропологии. Материалы статьи применимы для дальнейших исследований проблемы межкультурной коммуникации в современном мире, где постоянно вырабатываются всё новые формы информационного взаимодействия между людьми, странами и народами.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тоффлер, Э. Шок будущего / Э. Тоффлер ; пер. с англ. – М. : АСТ, 2002. – 557 с.
2. Тоффлер, Э. Третья волна / Э. Тоффлер. – М. : АСТ, 2004. – 781 с.
3. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М. : Academia, 2004. – 788 с.
4. Семеновских, Т. В. Клиповое мышление – феномен современности [Электронный ресурс] / Т. В. Семеновских. – Режим доступа: <http://jarki.ru/wppress/2013/02/18/3208/>. – Дата доступа: 16.10.2015
5. Бусыгина, О. В. Функционирование информации как фактора достижения оптимального режима массовой коммуникации : дис. ... канд. филос. наук [Электронный ресурс] / О. В. Бусыгина. – Казань, 2003. – 174 с. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/funktsionirovanie-informatsii-kak-faktora-dostizheniya-optimalnogo-rezhima-massovoi-kommunik#ixzz3ooxgJj3v>. – Дата доступа: 16.10.2015.
6. Рябухина, В. В. Коммуникация как предмет философско-культурологического анализа : дис. ... канд. филос. наук [Электронный ресурс] / В. В. Рябухина. – СПб., 2007. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/kommunikatsii-kak-predmet-filosofsko-kulturologicheskogo-analiza#ixzz3oijM88mD>. – Дата доступа: 18.10.2015.
7. Шестаков, В. А. Функционирование средств массовой коммуникации: философско-культурологический анализ : дис. ... канд. филос. наук [Электронный ресурс] / В. А. Шестаков. – СПб., 2006. – 202 с. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/funktsionirovanie-sredstv-massovoi-kommunikatsii-filosofsko-kulturologicheskii-analiz>. – Дата доступа: 18.10.2015.
8. Шайхитдинова, С. К. Информационное общество и «ситуация человека»: Эволюция феномена отчуждения : дис. ... д-ра филос. наук [Электронный ресурс] / С. К. Шайхитдинова. – Казань, 2004. – 303 с. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/informatsionnoe-obshchestvo-i-situatsiya-cheloveka-evolyutsiya-fenomena-otchuzhdeniya>. – Дата доступа: 18.10.2015.
9. Хейзинга, Й. Homo Ludens. Статьи по истории культуры / Й. Хейзинга. – М. : Прогресс – Традиция, 1997. – 416 с.
10. Кутырёв, В. А. Человеческое и иное: борьба миров / В. А. Кутырёв. – СПб. : Алетейя, 2009. – 264 с.; Чеснокова, Т. Ю. Постчеловек. От неандертальца до киборга / Т. Ю. Чеснокова. – М. : Алгоритм, 2008. – 368 с.; Тульчинский, Г. Л. Постчеловеческая персонология. Новые перспективы свободы и рациональности / Г. Л. Тульчинский. – СПб. : Алетейя, 2002. – 677 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 23.10.2015

Ivanchina O.N. Play and Communication in Information Civilization: Philosophical-cultural Analysis

This article deals with play and communication as key aspects of information society. The author suggests classification of play forms and distinguishes specific features of their functioning in modern world. Play and communication reflect value aspects of a person's spiritual world and make their new trine: «Information = Power (Time) = Money». The article deals with actable methods of perception and development and analyzes whether such methods are timely or not. Play and communication in all their forms are viewed upon as basis of modern people's spiritual culture.

УДК 77

О.В. Финслер

канд. филос. наук, доц., доц. каф. философии
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина

ОСОБЕННОСТИ ФОТОГРАФИЧЕСКОГО ОБРАЗА: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

В статье анализируется специфика фотографического образа, осуществляется его сравнение с живописным и кинематографическим образами. Благодаря своей способности к изменению реальности, неподвижности, безмолвию движений, фотография утверждает себя в качестве одновременно самой «чистой» и самой искусственной экспозиции образа. Однако фотообраз способен возвеличивать «наблюдаемое» без всяких искажений и украшений. Его смысл состоит во вхождении в пространство реальности, но не с целью покорения, а с целью проявления смысла человеческого бытия.

Введение

Специфика художественного образа фотографии состоит в её уникальной способности выявлять нечто скрытое от человеческого взгляда. Есть что-то парадоксальное в том, что отсутствие объективности мира обнаруживается с помощью фотографического объектива, считал Жан Бодрийяр [1]. Действительно, благодаря своей способности к изменению реальности, безмолвию движений фотография утверждает себя в качестве одновременно самой «чистой» и самой искусственной экспозиции образа. В то же время фотография меняет понятие техники. Техника становится возможностью двойной игры: она усиливает концепт иллюзии и визуальные формы. Техническое устройство и мир превращаются в соучастников. Смысл фотографического образа состоит во вхождении в пространство реальности, но не с целью покорить его, а чтобы вступить с ним в коммуникацию. «О чем невозможно говорить, о том следует молчать. Но о том, о чем невозможно говорить, можно молчать, показывая образы» [2, с. 34].

Фотография всегда стояла у истоков современной масс-медиа культуры и первой демократизировала образ. В наши дни фотография настолько насытила пространство визуальными изображениями, живущими своей жизнью, что начала терять статус вдумчивого искусства. Образ обладает огромной привлекательностью, но сегодня он все более удаляется от классической фотографии. Труднее становится почувствовать глубину, задачу, идею, эстетику современной фотографии. Это требует усилий среди кричащих цветных картинок, мертвых декораций, обилия привнесённых деталей, постановочных масок и т.д. Умение анализировать классическую чёрно-белую фотографию, концентрироваться и созерцать утрачивается, потому что современный человек привык к хаосу как внутри себя, так и снаружи. Сейчас мы переживаем эпоху «иконического поворота», где образ является онтологическим условием существования. Образ отсылает к другому образу, ведя нас по тропе бесконечного лабиринта визуальной информации.

Понятие художественного образа

Художественный образ – это образ искусства, создаваемый художником в процессе особой творческой деятельности по специфическим правилам искусства с целью сообщения своего образа зрителю или слушателю. «В отличие от абстрактного словесного обозначения предмета или события, апеллирующего к рассудочному сознанию, специфика и преимущество образа заключаются, согласно Гегелю, в том, что образ представляет нашему внутреннему видению предмет в полноте его реальной явленности. Существенным оказывается интерес художника к внешней стороне предмета под углом зрения высвеченности в ней «сути» [3, с. 187]. Образ, даже если он не самостоятелен, – вовсе не копия какого-то реального события. Такое событие способно послужить толчком для создания образа. Но сам образ всегда является результатом худо-

жественного вымысла. В нем сливаются самые разные, порой, совершенно не связанные с создаваемым художником образом его наблюдения и чувства. Даже в самом элементарном образе находит в конечном счете свое выражение вся жизнь художника.

Черты художественного образа таковы: 1) эмоциональность: образ всегда воплощает определенную общую точку зрения создавшего его художника, конкретный способ его художественного видения; 2) неполнота: иногда художественный образ оказывается неполным не в силу замысла самого художника, а по причине того, что тот пытается передать нечто такое, что и ему самому видится смутно и не кажется вполне понятным; 3) многофункциональность: образ может описывать некоторую ситуацию, выражать чувства художника (что, впрочем, также является описанием, но уже не внешнего, а внутреннего мира), оценивать те или иные ситуации и, наконец, внушать публике определенные чувства, заклинать ее, умолять и т.п. [3].

Категория художественного образа сформировалась в эстетике сравнительно поздно. С самого начала теория образа опиралась на учение Аристотеля о мимесисе – подражании художника жизни в ее способности производить цельные совершенные предметы и о связанном с этим удовольствии узнавания в произведении искусства того, что ранее наблюдалось в жизни. Во второй половине XX в. понятию репрезентативного образа, способного только к подражанию, было резко противопоставлено понятие симулякра – образа, ничему не подражающего и не имеющего в силу этого какого-либо реального прототипа.

Отличие фотообраза от живописного и кинематографического образа

Фотография как один из самых молодых видов искусства рождается в эпоху романтизма, когда автор приравнивался чуть ли не к демиургу, но, будучи детищем техники, она же и приговорила автора к «смерти». «Авторство фотографа в фотографии всегда было под вопросом потому, что фотокамера фиксировала реальность такую, какая она есть. Фотография вписывалась в новую парадигму осмысления мира, где автор и реальность сливаются. Картинка, которую запечатлевает фотограф, неотделима от его внутреннего видения мира. Поэтому автор действительно превращается в «светочувствительный материал», причем не только в узком, но и в широком смысле. Особый язык фотографии как вида медиаискусства предполагает выработку специфического восприятия «через глаз». Фотография рассматривается уже не только как вид искусства, но и как вид антропологического опыта. Фотография с первых моментов своей истории искала свои специфические выразительные свойства, которые изменили метод познания мира. Черно-белая фотография, наряду с первыми опусами кинематографа и сопоставлением различных оттенков белого и черного, обращала зрителя к предельному прочтению образа. Первоосновы фотографии связывались с опытом света, с сопоставлением духа и тела, живого и неживого, тонкого мира и материального и т.п.» [4, с. 123].

Фотографический образ, безусловно, обрел свою специфику, отличающую его от живописного и кинематографического образа. Но если особенности кинематографических образов очень подробно проанализированы рядом теоретиков кино и в фундаментальном философском труде Ж. Делёза «Кино», то фотообраз нуждается в более тщательном осмыслении. В анализе арт-фотографии (термин, используемый В. Савчуком) еще не наработан дискурс, специфический для фотообраза. Тем не менее язык теоретиков и философов фотографии находит понимание среди теоретиков и философов медиа. Фотография как вид посредничества является новым языком, связанным с переходом от логоса к образу как доминирующему в культуре с растворением автора (субъекта) в своем произведении. Не случайно преобладающими жанрами, посвященными фигуре фотографа, являются интервью, беседы, опыт саморефлексии (близкий жанру исповеди). Одним из жанров фотоисповеди, или дневника, можно считать и фотоальбом. На заре фотографии внимание фотографа ориентировалось более на «ставший» образ, обусловленный долгим позированием. В диалектике исторического развития фо-

тографічнага образа можна адзначыць рух ад «ставага» образа да «ставага» [5].

У 60–80-х гг. ХХ в. назіраецца всплеск інтэраса световага кінэматографа да фатаграфіі: на экраны выходзяць фільмы А. Хічкока «Акно ў двор» (1954), «Ана вас любіць!» С. Дзевянскага (1956), «Сладкая жыццё» Ф. Фелліні (1960), «Фатаувелічэнне» М. Антоніані (1966), «Зігзаг удачы» Э. Рязанова (1968), «Аліса ў гарадах» В. Вендэрс (1974). У большасці гэтых фільмаў фатаграф прадстаўлены як тып творчага чалавека, блізкага бродзяга, чалавек-авантюрыст, падглядаючы за другімі. Асобняком стоіць савецкі фільм «Ана вас любіць!», дзе фатаграфіа ўспешнага красавца-героя (галоўны візуальны сімвал савецкага чалавека сталінскага эпохі), прызначаная прывесці да сябе сімпатіі героіні, аказваецца бессільнай перад вобразам рэальнага чалавека – простага, некрасівага, але смелага парня, «анцігероя» новай хрушчэўскага эпохі. Фільм інтэрасен у гістарычнага перспектыве змяны дамінаруючых вобразнага ідэнтыфікацыі савецкага чалавека. Па словам фатаграфав, сам факт фатаграфіравання мяняе адчуванне ходу часу: пачынае адчувацца кожная секунда, хвіліна, час суб'ектывна растагваецца.

У канцы ХХ – пачатку ХХІ вв. узнікае новая хваля інтэраса кінэматографа да фатаіскусства: «Фатаграф» Х. Франкліна (1992), «Фатафеі. С феямі шуткі плохі» Н. Уіллінга (1997), «Фата за час» М. Раманека (2002), «Дарога ў прейсподню» С. Мендэса (2002), «Папараці» П. Абаскаля (2004), «Полуначны экспрэс» Р. Кітамуры (2008), «Сьёмкі ў Палерма» В. Вендэрс (2008). Гэты этап можна характарызаваць як спробу размышлення над феноменам фатаграфічнага вачынення як асобнага антрапалагічнага вопыта. Вобраз фатаграфа-каррэспандэнта ў фільме Х. Франкліна «Фатаграф» раскрываецца як вобраз чараўніка, які ўспывае да месца прайсшэсціва раней за ўсё. Так як герой мысліць, што фатаграфія – та жа жывопіс, ён выстраівае кадр, дадавае ў яго неабходныя прадметы пры сьёмках пагібшага чалавека. Фатаграфія атрымаецца лепш, калі ў ёй ёсць асобнае напружанне. Аднак у такой жывопіснага выстроенага кампазіцыі губляецца этычнага аспект. Тое, што можна жывопісі і кіно, нельга фатаграфіі. Прыданне пафоса, акцёрскага трагізма фатаграфічнага вобразам можа лішыць іх нраўнасці. Дзела ў тым, што фатаграфія, як ні адзін від іскусства, валодае некай адстраненнасцю ад самага творца ў сілу сваёга тэхнічнага спецыфікі, паэтума максімальна павінна быць правдывой і естэснага. Фільм «С феямі шуткі плохі» ілюструе міф аб тым, што фатаграфія можа запечатлець тонкі свет. Свет прадстаўляе сабой многавымнага прастранства з рознымі часавымі вымярэннямі і фізічнымі параметрамі. Азначваючая мысль фільма аб тым, што смерць – гэта толькі пераход у іншага вымярэнне, не відымага чалавечасму глазу. Падобным адчуваннем прастранства і часу пронізана фільм «Аб'ектыв жаляний» Дж. Сурці (2009). Внук атрымае ў наследства фатаапарат, які можа зафіксаваць заўтрашні дзень. Так фатаграфія надзяецца прарочаскімі ўласцівасцямі. «Полуначны экспрэс» Р. Кітамуры азначвае адно з містычных ўласцівасцяў і адначасна агульнанага задач фатаграфіі: прыбліжаць чалавека да асобнага астрым і апасным сюжэтам жыцця. Фільм «Папараці» П. Абаскаля расказвае аб безнраўнасці, экстрэмальнасці паводкаў фатакаррэспандэнтаў, гатовых на любыя праступленія рады «астрой» фатаграфіі. Лічынства папараці здыць явнага паказана як стрываючаяся да запырэдельнага і сакральнага. У фільме В. Вендэрс «Сьёмкі ў Палерма» паказана савецкі фатахудожнік, схільны да філасофскага рэфлексіі. Пападаючы ў Палерма, ён пачынае вачыць тое свет, які часта фіксуе толькі фатакамера з інага адчуваннем часу. І ў тое часе як ён нікогды не задумываўся аб тым, што і яго хто-то вачыць фатаграфіруючага, ён суткаецца з некім ангелам, падглядаючым за ім – «смерцю», пускаючым у фатаграфа сваі стрэлы [5].

Фатаграф часта вынуждзены апраўдвацца і аб'ясняцца, яўляецца лі ён художнікам, т.е. тым, хто стварае, а не проста фіксуе рэальнасць. Атуда розніца: спе-

цифика живописного образа, ставшего, обобщенного, «законченного», противостоит фотографическому образу как прежде всего «становящемуся», несформированному гештальту. Фотографическое видение предполагает специфическую настроенность на улавливание тончайших оттенков настроения, движения, переключения, изменения обычной «картинки» действия (интересный ракурс, особое освещение, цвет, трансформация привычной формы и т.д.). Фотография создается очень часто спонтанно, требуя от фотохудожника нахождения в моменте «сейчас». Готов ли фотограф слышать себя, думать, проникать за грани реальных предметов или просто бездумно нажимает на кнопку совершенного технического средства – от этого будет зависеть результат творчества. Именно эта «острота зрения» делает из фотографов хороших корреспондентов. Репортажность подразумевает фиксацию момента «здесь и сейчас». Какой бы интересной ни была фотография, через неделю она теряет свою цену как «факт реальности». Специфика фотографии заключается и в том, что по прошествии довольно большого отрезка времени даже не очень интересная в художественном смысле фотография будет иметь ценность. Образы фотографии подобны мечте. Формы как бы растворяются в окружающей их воздушной оболочке, дематериализуются, обретают зыбкость очертаний; тем самым создается своеобразное впечатление незаконченности, формирования образа на глазах у созерцающего полотно человека. Элемент внезапности, связанный с озарением, чудом (то, чего не удастся достичь живописи) – прерогатива фотографии.

Фотография борется против единственной, исключительной точки зрения на мир, единственным определением которой служит то, что она есть местопребывание художника. «Как новое искусство, художественная фотография возрождает принцип многоцентральной перспективы, отсылающей нас к дорациональному (т.е. нелинейному и неоднозначному) восприятию мира. Исчезает прежняя реальность и появляется сверхреальность. Не случайно среди ведущих направлений в фотографии критики отмечают особую роль сюрреализма. Хронотоп новой художественной фотографии воспроизводит калейдоскоп миров. Наконец, фотография визуализирует образы сновидения с его мистическими особенностями: остаточными образами прошлого, нелинейно текущим временем, «кентаврическими» образами, зарождающимися от поворота головы взирающего, новыми ликами. Сон с его семантикой размытой, искаженной реальности как бы воспроизводит виртуальный мир желаний человека. Фотография запечатлевает душу последнего и через нее – его становящийся, виртуальный мир, зазеркалье с его непознанными смыслами» [6, с. 143].

Специфика фотографического образа: исчезновение реальности

Прежде всего необходимо поставить под вопрос автоматическое производство фотографических образов. Мгновенность фотографии не следует путать с simultанностью реального времени. «Поток изображений, которые создаются и уничтожаются в реальном времени, безразличен к третьему измерению фотомомента. Визуальный поток знает только изменение. У образа больше нет времени, чтобы стать образом. Чтобы появился образ, должен быть момент становления, которое может случиться лишь когда шумный мир приостанавливается и окончательно отменяется. Роль фотографического образа заключается в раскрытии буквальности в объекте (фотографический образ, являющийся выражением буквальности, становится магическим вершителем исчезновения реальности). Фотографический образ является в некотором отношении материальной формой передачи отсутствия реальности, которая “принимается с такой непосредственностью и легкостью потому, что мы уже ощущаем: нет ничего реального (Борхес)” [2, с. 121]. Обычно подобная философия отсутствия реальности недостижима. В классической философской традиции субъект затмевает объект. Поэтому способность образа раскрывать буквальную реальность игнорируется в пользу эстетики и потребности устанавливать связи с другими образами. Большинство образов говорят, рассказывают истории; их шум нельзя заглушить. Они стирают молчаливую сигнификацию своих объектов.

Однако фотография предлагает избавиться от всего, что останавливает и скрывает выражение безмолвной реальности.

Фотография помогает нам очиститься от влияния субъекта. Она в отличие от живописи позволяет раскрыться магии объектов. Фотография также способствует техническому совершенствованию взгляда (через объектив), который может защитить объект от эстетической трансформации. Фотографический взгляд обладает своего рода бесстрашием, позволяющим ему ненавязчиво схватывать облик объектов. Он не стремится исследовать или анализировать реальность. Напротив, фотографический взгляд «буквально» прикасается к поверхности вещей, проясняя фрагменты их облика. Это сродни очень краткому мигу откровения, за которым тут же следует исчезновение объектов. Поэтому для работы фотографов характерна быстрота, легкость в «схватывании» ситуаций, эмоций, которые тут же исчезают (будь то закат или улыбка ребенка). Безусловно, речь не идет о постановочной фотографии. Но какая бы фотографическая техника ни использовалась, всегда остается только одно – свет. Фотография – это письмо света. Свет фотографии остается истиной образа. Фотографический свет не реалистичен и не естественен, но и не искусственен. Скорее, этот свет есть само изображение образа, его собственное мышление. Он исходит не из одного-единственного источника, а из двух: объекта и взгляда. Как говорил Платон, образ возникает на пересечении света, идущего от объекта, и света, идущего от глаза.

Жан Бодрийяр считал, что фотография освобождает мир при помощи мгновенной видимости его репрезентации (она не репрезентирует мир напрямую; репрезентация – это всегда игра с реальностью). Фотографический образ – не репрезентация, а фикция. Возможно, через фотографию мир переходит к действию и навязывает свою фиктивность. Фотография заставляет мир двигаться, а мир входит в фотографическое действие. Благодаря этому между нами и миром устанавливается некое соучастие, поскольку мир всегда есть не что иное, как непрерывный переход к действию.

Занимаясь фотографией, мы не видим многого. Некоторые художественные детали становятся доступны нашему зрению только после съёмки. Лишь объектив «видит» вещи. Мы никогда не сталкиваемся с реальным присутствием объекта. Обмен между реальностью и ее образом невозможен. В лучшем случае между реальностью и образом обнаруживается фигуративное соответствие [7]. «Чистая» реальность (если такая вообще возможна) – это вопрос без ответа. Фотография также вопрошает «чистую реальность». Она обращает вопросы к Другому, но не ждет ответа. В небольшом рассказе «Приключение фотографа» Итало Кальвино пишет: «Застать Бице на улице, когда она не знала, что он наблюдает за ней, поймать ее в спрятанный объектив, сфотографировать ее, не только оставшись незамеченным, но и не заметив ее, удивиться ей, как если бы она была недоступна его взгляду, любому взгляду... Он хотел обладать невидимой Бице, Бице абсолютно одинокой, Бице, присутствие которой предполагало отсутствие не только его, но и кого бы то ни было» [2].

В фотографии мы всегда говорим на языке исчезновения объекта. Он был когда-то; его больше нет. Фотографический акт предполагает некое символическое убийство. Но это не просто «убийство объекта». Субъект, располагающийся с обратной стороны объектива, тоже исчезает. Каждый щелчок фотоаппарата кладет конец реальному присутствию и объекта, и субъекта. В этом акте взаимного исчезновения мы также обнаруживаем перетекание между субъектом и объектом. В этой странной взаимности, возможно, обнаруживается источник решения проблемы «недостаточной коммуникабельности» общества. Исчезновение рефлексии в осколочной информации и техногенных достижениях прошлого и нашего веков во многом предредило возникновение нового вида искусства – фотографии. Именно фотография наиболее глубоко отразила нравственный конфликт и философию своего века. Вот почему современная фотография (а не только фотожурналистика) использует снимки «реальных жертв», «реальных погибших» и «реальных бедняков», снимки, которые тем самым превращаются в доку-

ментальное свидетельство и воображаемое сострадание. Но, однако, страдание и насилие трогают нас гораздо меньше, когда им уже приписан смысл и когда они открыто выставлены на всеобщее обозрение. Нам кажется, что мы страдаем, глядя на изображение, но мы просто созерцаем нечто далекое от нас. Нас там нет. Образ должен воздействовать на нас непосредственно (обязательно наше присутствие), он должен навязывать нам свою специфическую иллюзию, он должен говорить с нами на своем особом языке, чтобы его содержание могло повлиять на нас. Перенести аффект в реальность можно, лишь осуществив решительный контрперенос образа. Фотография скорее говорит об умении быть внимательным к мелочам, а значит, к самой жизни. Хороший снимок (правдивый образ) говорит скорее о способности художника жить здесь и сейчас, находиться в точке безвременья. А потому фотографический образ тесно связан с исчезновением реальности. Ведь каждую секунду нашей жизни мы теряем прошедший миг (исчезаем мы сегодняшние и возникаем мы завтрашние). Искусство способно точно показать момент остановки жизни. Поэтому и вызывает сопереживание как необъяснимое чувство утраты и сожаления о прошедшем. Но, с другой стороны, фотография не сожалеет об ушедшем, она бесстрастно его фиксирует для того, чтобы человек, не заметивший многого вокруг себя, сумел осознать и осмыслить свою жизнь в момент встречи с утратой.

Ж. Бодрийяр говорит об исчезновении реального под тяжестью слишком большого числа образов. Но не будем забывать, что и образ исчезает под давлением реальности. Фактически, реальным жертвуют гораздо реже, чем образом. Вместо того чтобы оплакивать падение реального до поверхностных образов, лучше поставить вопрос о подчинении образа реальному. Каждый раз, когда нас фотографируют, мы невольно становимся в ментальную позицию перед объективом фотографа, точно так же как его объектив занимает позицию перед нами. Даже ребенок теперь умеет позировать. Всем известно, какую позу из обширного поля воображаемых соответствий следует принимать. Но фотографическое событие находит свое место в противостоянии объекта и объектива и в насилии, вызываемом этим противостоянием. Фотографический акт – это дуэль. Это выпад против объекта и ответный выпад объекта. Тот, кто игнорирует данное противостояние, вынужден искать приют в изобретении новых фотографических техник или в фотографической эстетике. Так легче.

Можно лишь мечтать о той героической эпохе фотографии, когда все еще существовал черный ящик (*camera obscura*), а не прозрачное и интерактивное пространство, в которое он превратился позже. Можно вспомнить арканзасских фермеров 1940-х гг., которых снимал Майк Дисфармер. Они стояли перед камерой безропотно, добросовестно и церемонно. Камера не пыталась понять их или заставить их врасплох. Не было стремления ухватить их «естественность» или то, «какими они становятся, когда их фотографируют» [2, с. 179]. Они такие, какие есть. Они не смеются. Они не жалуются. Они сфотографированы в своей самой простой одежде на краткий миг, на миг фотографии. Их жизнь, их радости и страдания оставлены в стороне. Они вознесены над своими чувствами до безличного изображения их участи. *Образ открывает себя в том, что есть; он возвеличивает наблюдаемое как чистую реальность без всяких искажений и украшений. Он открывает в нас то, что не является ни хорошим, ни плохим, ни «объективным», то, что, напротив, остается непонятным. Он показывает не то, что соответствует реальности, а выявляет сверхчеловеческое в нас, и он ничего не обозначает.*

Заключение

Сегодня фотографы привыкли подглядывать за объектами, а объекты научились прятаться за искусственными позами и масками. Где истина фотографических образов? Она осталась где-то в стороне от той молчаливой игры, которую ведёт современное искусство. Просто «быть» стало загадкой не только для человека, но и для искусства в целом. Люди озабочены тем, чтобы найти то, что уже есть. Отсюда многочисленные пра-

вила, техники, методики создания, но само созидание – это просто внимательность, открытие того, что есть рядом. В любом случае, объект – это не более чем воображаемая линия. Мир – это объект, который одновременно близок и неуловим. Является ли фотография зеркалом, на краткий миг запечатлевающим воображаемые лики мира? Или просто человек, ослепленный увеличенным отражением своего собственного сознания, искажает зрительную перспективу и смазывает ясность мира? Приближает ли нас фотографический образ к «реальному миру», который в действительности бесконечно далёк? Или этот образ держит мир на дистанции, создавая искусственное впечатление глубины, которое оберегает нас от близкого присутствия объектов и от их виртуальной опасности? [2].

Вероятно, нет ничего удивительного в том, что фотография возникла в качестве технологического посредника в индустриальную эру, когда не только реальность начала исчезать, но «и сам человек, и даже Бог» (Ницше). Возможно, что исчезновение реальности и дало толчок данной технической форме. Возможно, фотография – это ещё один рывок в погоне за угасающей действительностью, которая исчезает в безмерно растающем информационном пространстве. Возможно, фотография – это шанс человека на собственную жизнь... Реальность сумела мутировать в образ. Это ставит под вопрос наше упрощенное понимание зарождения технологии и появления современного мира. Быть может, не технический прогресс стал виновником нашумевшего исчезновения реальности, а, наоборот, все наши технологии (со всеми их последствиями) являются итогом угасания реальности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Baudrillard, J. La Photographie ou l'Écriture de la Lumiere: Litteralite de l'Image / J. Baudrillard. – Paris : Galilee, 1999. – P. 175–184.
2. Бодрийяр, Ж. Система вещей / Ж. Бодрийяр. – М. : РУДОМИНО, 2001. – 377 с.
3. Никитина, И. П. Философия искусства : учеб. пособие / И. П. Никитина. – М. : Омега-Л, 2008. – 560 с.
4. Шугайло, И. В. Специфика фотографического образа / И. В. Шугайло // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер. 7. Филос. Социол. и социал. технологии. – 2010. – № 2 (12) – С. 122–126.
5. Медиафилософия. III. Фотография / под ред. В. В. Савчука, М. А. Степанова. – СПб. : С.-Петербург. филос. об-во, 2009. – 255 с.
6. Савчук, В. В. Философия фотографии / В. В. Савчук. – СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2005. – 256 с.
7. Китаев, А. Субъектив. Фотограф о фотографии / А. Китаев. – СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2006. – 378 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 10.10.2015

Finsler O.V. Specificity of the Photographic Image: Philosophical Analyses

The article analyzes the specificity of the photographic image, made its comparison to the picturesque and cinematic images. Due to its ability to change the reality, the stillness, the silence of movements, photography affirms itself as both the most «pure» and the most artificial exposition of the image. However, photo image is able to magnify the «observed» without distortion and beautifying. Its meaning consists in entering into the space of reality, not to conquer, but to display the meaning of human existence.

УДК 1:18

Е.С. Шевчук

канд. филос. наук, доц., доц. каф. философии

Ровенского государственного гуманитарного университета (Украина)

КОНЦЕПЦИЯ «ОТКРЫТОЙ» ЭСТЕТИКИ МЕЧИСЛАВА ВАЛЛИСА

В статье рассматриваются основные положения эстетической концепции Мечислава Валлиса: его взгляд на статус эстетики как науки, важность эмпирических исследований и интердисциплинарного подхода, признание художественного и особенно эстетического плюрализма. Автор анализирует главные характеристики современного искусства, выделенные Валлисом. Особое внимание посвящено презентации весьма актуальной программы Валлиса «открытой» эстетики, которая учитывает появление все новых явлений в искусстве. Утверждается, что «открытая» эстетика должна отречься от желания к построению закрытых систем искусства или эстетических ценностей. Она должна быть гибкой и готовой в любую минуту брать во внимание появление новых художественных явлений или заново открытых и интерпретированных художественных памятников прошлого.

Одним из известнейших польских эстетиков XX в. является Мечислав Валлис (1895–1975). Автор оригинальной концепции эстетического переживания и эстетических ценностей Валлис большое значение придавал вопросу о статусе эстетики как науки. Кроме того, в своих работах ученый поставил точный диагноз дальнейшего развития искусства. Задачей нашего исследования является анализ ключевых понятий эстетической теории М. Валлиса, в частности, его взгляд на предмет, методологическую направленность современной эстетики, а также рассмотрение основных положений его концепции «открытой» эстетики.

В предисловии к работе «Переживание и ценность» вслед за М. Дессуаром М. Валлис различает эстетику и науку об искусстве [1, с. 9]. Однако говорит и о пересечении этих дисциплин, поскольку обе они основываются на эмпирических исследованиях. Свою эстетическую программу Валлис называет «эмпирической, позитивистской и сциентической» [2, с. 220]. Он говорит о интердисциплинарности эстетических исследований, которые должны включать историю искусства, культуры, этнологии, психологии и социологии, обращает внимание на необходимость ограничения европоцентризма в исследованиях искусства. М. Валлис первым из польских эстетиков начал работать в направлении новой эстетической модели, которая бы учитывала изменения, произошедшие в искусстве, а также в эстетическом сознании XX в. Важно при этом, что он не поддавался распространённой в то время риторике кризиса искусства. Валлис был убежден в художественном и эстетическом плюрализме. Плюрализм позиции польского философа связан с изучением им теорий И. Канта, Д. Юма и В. Витвицкого. В своих работах он развивал взгляд о многообразии мира эстетических предметов. Как отмечает Т. Пенкаля, «эрудиция и эстетическая чувствительность позволили ему [Валлису – К.Ш.] узреть красоту многих предметов и явлений, поэтому его произведения более близки для сегодняшнего читателя» [2, с. 33]. М. Валлис был убежден в существовании разных, но равноценных произведений искусства, различных видов эстетических переживаний (переживаний прекрасного, чудовищного, возвышенного и т.д.) и видов эстетических предметов, соответствующих им (прекрасные, чудовищные, возвышенные и т.д.), а также различных видов эстетических ценностей: прекрасное, чудовищное, возвышенное и т.п. Все это свидетельствует о художественном и эстетическом плюрализме его концепции [2, с. 160].

Мир эстетических предметов в концепции М. Валлиса значительно шире, чем мир произведений искусства. К миру эстетических предметов, согласно ему, относятся предметы и явления природы, действия человека и общности, мы как предметы эстетического познания, произведения техники, научные и философские доктрины и т.д. Уже само использование термина «мир» относительно эстетических явлений говорит о не-

которой безграничности, открытости описываемой сферы. Валлис – один из немногих польских эстетиков, которые обратили внимание на необходимость открытия эстетики на внехудожественные явления. Кроме того, он обращал внимание на поточную интуицию, которая не сводит термин «эстетический» к сфере, тесно связанной с искусством. Эстетик обращал также внимание на растущую волну восприятия внехудожественных структур как художественных, говорил, например, об эстетическом удовольствии в результате собственного вида и даже от какого-то из этапов своей жизни. Выделение подобных моментов определяется современной терминологией как проблема эстетизации повседневности.

Эстетическим предметом в концепции М. Валлиса являются также явления природы, хотя они и имеют иной характер по сравнению с эстетическими переживаниями произведений искусства. М. Валлис подчеркивает, что произведения искусства всегда чем-то ограничены (в пространстве или во времени), тогда как природа в большинстве случаев есть чем-то безграничным, неограниченным как в пространстве, так и во времени. Возбудители природы намного сильнее, чем возбудители искусства. Природа воздействует на все ощущения, тогда как произведения искусства в большинстве случаев воздействуют только на некоторые определенные виды ощущений. В своих эстетических работах, в исследованиях об автопортрете и в «Истории зеркала» М. Валлис развивает вполне современное положение об ощущении эстетической ценности человеческого тела, а также процессов нашей психической жизни. Он пишет, что наше тело или его части, которые мы видим непосредственно или же как отображение на воде или в зеркале, само по себе или такое, что выражает некоторые психические состояния, может принести нам эстетическое удовольствие [1, с. 248]. Рассматривая жизнь через призму эстетичности, мы, как считает Валлис, часто стилизуем ее с помощью мыслей, украшаем, поэтизируем. При этом он отмечает, что И.В. Гете свою автобиографию назвал «Aus meinem Leben. Dichtung und Wahrheit» («Из моей жизни. Поэзия и правда»). Во многих текстах, в частности, в работе «Переживание и ценность» («Przeżycie i wartość»), Валлис отмечает, что чем богаче эстетическая культура человека, тем больше явлений может для него стать предметом эстетической контемплиции.

М. Валлис обращал внимание на эволюцию художественных трендов. В этом проглядывается влияние концепции понимания искусства В. Дильтея, а также видения эстетики, стремящейся к позитивному упорядочению знаний об искусстве. Тезис о восприятии искусства прошлого через соотнесение с настоящим и акцептации в связи с этим разных горизонтов понимания говорит о близости взглядов Валлиса и теории Гадамера.

Польский эстетик говорит о непрерывности в искусстве. Он считает, что историческая дистанция позволяет нам увидеть линии, ведущие от предыдущего направления к следующему даже тогда, когда в момент появления новый кажется полным отрицанием давнего. Например, в момент появления сецессии в конце 90-х гг. XIX в. она считалась антинаправлением, но, когда в первом десятилетии XX в. в искусстве появились новые движения (рационально-функциональная архитектура, нефигуративное искусство, экспрессионизм, сюрреализм и т.д.), они казались противоположностью сецессии.

В духе герменевтики М. Валлис говорит о возможности присвоения того, что чужое, но не без критики, а с точки зрения всего доступного знания, которое меняет наше понимание искусства. Эстетик утверждает, что каждое новое направление, каждое выдающееся произведение искусства модифицирует восприятие истории, помогает увидеть связи, которых раньше мы не замечали. Он утверждает, что историю искусства нельзя понять как один длительный процесс, как историю одной художественной традиции. Таков основной тезис работы «Ciągłość i nieciągłość w dziejach sztuki» («Непрерывность и прерывистость в истории искусства») [2]. Изменения в искусстве происходят, считает он, и постепенно, и скачками, говорит, что в истории искусства встречаются как постепенные переходы, медленное перетекание одних форм в другие, так и внезапные изменения, появление новых форм, которые не являются продолжением пред-

шествующих. И более всего примеров тому можно встретить, как отмечает Валлис, в архитектуре: именно скачкообразно произошел переход от романского стиля к готике. Переход же от ранней к зрелой, а потом к поздней готике происходил постепенно.

Изменения, происходящие в современном искусстве, свидетелем которых был Валлис, склонили его к признанию недостаточности используемых ранее процедур интерпретации. Насколько древнее искусство коренилось в кодифицированной системе значений, настолько новое искусство, как считает эстетик, определяет символическая неумелость. В одной из рецензий он пишет, что сегодня эстетическая рефлексия расходится с художественным творчеством.

Валлис утверждает, что с начала XX в. глубокие изменения произошли в искусстве, в художественной культуре и эстетической чувствительности. Появились или развились новые виды искусства: массовое тиражирование, перформанс, художественная фотография и т.д. Изменения затронули также традиционные виды искусства. Например, поэты перестали воспринимать поэзию как средство рациональной передачи мыслей и стали подразумевать под ней заклинание или магию, «действующую» своим звучанием и образами, особенно на иррациональные и подсознательные уровни психики. Использование новых материалов (гель-бетон, сталь, стекло) и новых конструкций (скелетной, висячей, пружинной) дало возможность архитекторам отойти от традиционной статики, обогатило разнообразностью форм и придало сооружениям свободный вид. Появились две отрасли пластики: беспредметная живопись и беспредметная скульптура. Изменения коснулись и музыки: происходит соединение тонов традиционных инструментов со звуками, созданными электромашинами и т.п. [3, с. 3].

Среди основных характеристик современного искусства М. Валлис называет: 1) стирание границ между видами искусства и художественными явлениями, а также соединение между собой техник разных видов искусства; 2) поляризация отношения к действительности; 3) поляризация отношения к строению произведения искусства; 4) обращение к активному участию реципиента; 5) алеаторизм и 6) антикаллизм.

По поводу стирания границ между видами искусства (первой выделенной Валлисом характеристики современного искусства) он отмечает, что в современном искусстве рисунки и ткани обретают третье измерение, приближаются к рельефу и круглой скульптуре; архитекторы (Гауди, Райт и Ля Корбуси) оформляют сооружения как огромные скульптурные глыбы, тогда как скульпторы (Габо, Певснер) конструируют свои произведения в виде сооружений. Стираются границы между прозой и стихом: с одной стороны, проза становится ритмичной и живописной, с другой – стих «отрекается» от ритма, использует поточные слова и обороты.

Наряду со стиранием границ между отдельными видами искусства в XX в. имеет место страстное желание расширить и обогатить арсенал традиционных средств и инструментов и соединение техник разных видов искусства. Композиторы пытаются ввести в музыку пространственный элемент, размещая отдельные группы инструментов в разных местах концертного зала. Живопись соединяется с искусством слова, становится «пиктопоэзией» (термин В. Браунера). Материалом живописи становится практически все: не только краски, но и песок, стекло, паралон, пакетики, сукно и т.д. Скульптурные конструкции из металла, пластмассы или стекла освещаются с разных сторон, в результате обветривания им придают движение, соединяют их со звуком – все это позволяет, с точки зрения Валлиса, говорить о «кинетизации» или «сонотизации» скульптуры. В спектаклях используется словесный текст, музыка, игра актеров и цвето-световые эффекты в соответствующем архитектурном или парковом обрамлении. Вспоминает Валлис также феномен *environment* (художественное оформление окружения с помощью всех возможных средств: огня, воды, света, электрики и т.п.) и *mixed media* (акции, объединяющие в целостность различные средства: язык, музыку, танец, свет, кино, телевидение и т.д.).

Поляризация отношения к действительности – это еще одна характеристика современного искусства, выделенная М. Валлисом. Эстетик обращает внимание, что, с одной стороны, существуют нереалистичные направления, которые смело деформируют действительность (фовизм, экспрессионизм) или раскладывают ее на составные части и строят из них новые целостности (кубизм), или же создают такие целостности из отдельных элементов действительности, каких мы никогда не встречали или какие не могут существовать согласно законам природы (сюрреализм), или, наконец, такие, которые полностью отказываются изображать действительность (абстракционизм). С другой стороны, налицо желание богатого, детального и конкретного воспроизведения (особенно в беллетристике, художественной фотографии, кинематографе) психической жизни современного человека и полной «спорности» реалий XX в. (Пруст, Джойс, советская проза (А. Толстой) и кино (Эйзенштейн) 1920-х гг., неореализм в итальянском кино и т.п.).

Относительно третьей характеристики современного искусства М. Валлис отмечает, что, с одной стороны, существует стремление к как можно большей свободе в композиции произведения искусства, что граничит с бесформенностью («новая повесть», появившаяся во Франции в 1950-х гг., ташизм, или «l'informel», в живописи), а с другой – возникает стремление к более четкой, слаженной структуре произведения (двенадцатитоновая техника в музыке, инициированная А. Шонбергом, художественные композиции Мондриана). М. Валлис предполагает, что в этих двух подходах к строению произведения искусства нашли выражение две стороны психики современного человека, пережившего потрясение двух войн и тяжелые испытания послевоенного времени: ее беспокойство и ужасы проявились в произведениях со свободным строением, а ее ностальгия по стабильности и порядку – в произведениях с наиболее слаженной композицией.

Обращение к активному участию реципиента – следующая характеристика современного искусства, анализируя которую М. Валлис ссылается на открытие Р. Ингарденом схематичности и незавершенности произведения. Именно для заполнения лакун произведения, для его эстетической конкретизации, а также для раскрытия его тайной сущности очень важна роль реципиента. В современном искусстве подобная характеристика приобретает еще большее значение. Среди примеров Валлис называет повесть Джойса «Улисс»; новые музыкальные произведения, рецепция которых требует умения компонировать целостность с кусочков; пластичные произведения «кинетического искусства», а также так называемые «хеппенинги».

«Алеаторизм», т.е. фактор случайности некоторых элементов в творческом процессе, М. Валлис называет важным элементом возникновения произведений современного искусства. Часто именно случайные слова, например, вычитанные со словаря, могут стать возбудителем внимания поэта, либо пение птиц может лечь в основу музыкального произведения. Иногда художник в рамках подконтрольной ему целостности допускает случайность в создании некоторых элементов (исполнение современных музыкальных композиций, работы ташиста Дж. Полока – «drifting», творчество польского художника Т. Бжозовского).

М. Валлис одним из первых среди польских эстетиков обратил внимание на проблеме «антиэстетизма» и «антикаллизма» в современном художественном творчестве (последняя, выделенная им, характеристика современного искусства). Эстетик обращает внимание на то, что экспрессивная, чудовищность, гротескность, или макабричность, не были чужды создателям поздней готики (Грюневальд, Босх), барокко (В. Лил) и символизма (Бодлер), но никогда тяга к брутальности, кутерьме и потрясению не имела такого значения, как, например, в экспрессионизме.

В докладе на Международном конгрессе по эстетике в Бухаресте (1972) М. Валлис определяет характеристики антиэстетизма. Он различает полное отбрасывание эстетических ценностей и некоторый отказ от формирования эстетически «мягких» ценностей. Вопреки существовавшим в конце 1960-х гг. обвинениям в антиэстетичности

искусства философ предлагает говорить о актикализме как тенденции возникновения произведений с отличными от эстетических в традиционном понимании ценностей. Такие характеристики современного искусства, как агрессия, шок, потрясение, брутальность, он относил к типу «острые» эстетические ценности. Поэтому в смене типа ценностей не видел кризиса искусства. Эстетик интересовался основанием антиэстетизма, или, скорее, антикаллизма. Он предполагал, что его фундаментом может быть пресыщение антично-ренессансным идеалом гармоничности красоты и умеренности, сопротивление коммерческой эксплуатации женской привлекательности в рекламе, а также поиск «новых впечатлений» и отображение климата нашей эпохи с ее частым использованием принуждения и насилия. Валлис утверждает, что традиционная концепция искусства как произведения, вырастающего главным образом из эстетических мотивов, должна быть пересмотрена. Подчеркивает, что нельзя рассматривать концепцию произведения искусства как органическое единство.

Наряду с изменениями в искусстве, как отмечает Валлис, произошли важные изменения в художественной культуре и эстетике. Например, расширились горизонты нашего восприятия художественных проявлений в результате открытия и познания эстетических ценностей произведений «экзотического искусства», т.е. произведений неевропейских народов с высоким уровнем культуры: египетской, вавилоно-ассирийской, индийской, китайской, японской, мексиканской, перуанской и т.д. В начале XX в. произошел перелом в отношении к «примитивному искусству» – искусству коренных народов Африки, Австралии, Океании, Америки. Это случилось благодаря возникновению новых нереалистических направлений в живописи и скульптуре. Способствовало этому также пресыщение классическим западным искусством и тяга к искусству первобытному, стихийному, инстинктивному, иррациональному, подсознательному. Более того, в сфере пластического искусства, в основном благодаря нереалистическим движениям, была оценена эстетическая стоимость народного искусства разных стран, а также творчество «наивных» художников и скульпторов. С конца XIX в. интерес стали вызывать рисунки детей. В последнее время вызывают внимание с точки зрения эстетической перспективы даже произведения умственно отсталых людей. Эстетическую чувствительность человека XX в., как отмечает М. Валлис, обогатила также податливость на чары, соблазн, чувствительность к движению, тонам и звукам, свету и цветам современного города, к своеобразной красоте машин и технических инсталляций, красоте различных аспектов микрокосмоса – микроорганизмов и микроструктур, увеличенных с помощью стеклышек [3, с. 15–16].

В статье «Изменения в искусстве и изменения в эстетике» М. Валлис говорит о выводах, какие должна сделать эстетика в связи с теми глубокими изменениями, которые произошли в искусстве, художественной культуре и эстетической чувствительности современного человека. М. Валлис считает, что эстетика должна быть «открытой» явлениям, которые лежат по ту сторону традиционных представлений о художественности. Искусство же более проникновенно можно рассматривать через призму эстетики, которая не ограничивается самим искусством.

В этом контексте можно вспомнить тенденции в современной эстетике, а именно, не только расширение тематики произведений искусства, но также появление новых течений в самой эстетике. Можно, скажем, вспомнить такие направления современной эстетики, как эстетика окружающей среды и связанная с ней эстетика стихий, эстетика спорта, эстетика бизнеса, эстетика повседневности и т.д. В общем, занятие эстетикой вне эстетики (термин В. Велша) сегодня необходимо. Такова точка зрения многих современных исследователей. Идею о том, что в некотором смысле наше повседневное окружение подчиняется тем же законам, что и произведения искусства, можно встретить в концепции техники Валлиса.

М. Валлис утверждает, что эстетика требует новых понятий, новых исследовательских подходов. Одним из них может быть понятие «открытого произведения»,

предложенное У. Эко и допускающее существование многих и незавершенных интерпретаций (причем ни одна из них не может иметь привилегированного значения). Эта концепция прекрасно вписывалась в программу эстетики М. Валлиса, основывающуюся на художественном и эстетическом плюрализме. «Открытость» эстетики должна учитывать такую же открытость описываемых ею произведений. Эстетика должна принять во внимание появление новых направлений, радикально порывающих с традицией, но обязана при этом учитывать длительный процесс изменений в прошлом. Как отмечает М. Валлис, глубокие преобразования, свидетелями которых мы являемся, нужно искать в XIX в. и раньше. Поэтому эстетика должна быть открытой по отношению как к древнему, так и новейшему искусству. Это программа плюралистической эстетики, открытой для всех новых явлений в искусстве, по-разному воспринимающих и интерпретирующих действительность, имеющих разную семантику и структуру, выросших на разной экзистенциальной почве. Это проект эстетики, осознающей «постоянную провидзорность» собственных решений. Такая эстетика понимает, что в этом мире все меняется, что время от времени появляются новые виды искусства, новые направления и художественные проявления.

«Открытая» эстетика должна отречься от желания к построению закрытых систем искусства или эстетических ценностей. Наоборот, она должна быть гибкой и готовой в любую минуту реагировать на появление новых художественных явлений или заново открытых или по-новому интерпретированных художественных памятников прошлого и постоянно пересматривать своё к ним отношение. М. Валлис убежден, что будущее именно за такой эстетикой.

Анализ эстетической концепции М. Валлиса показал, что современная эстетика характеризуется интердисциплинарностью, плюрализмом, антикаллизмом и эстетизацией повседневности. Ключевой элемент его концепции – это провозглашение необходимости учитывать те изменения, которые происходят сегодня в сфере художественного творчества, открытость эстетики для новых явлений в искусстве. Философ был противником построения нормативности, замкнутых и самодостаточных эстетических концепций. В целом концепция «открытой» эстетики Валлиса, направленная на преодоление существующего разрыва между эстетической рефлексией и художественным творчеством, без сомнения, является весьма актуальной и сегодня.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 29.05.2015

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Wallis, M. *Przeżycie i wartość. Pisma z estetyki i nauki o sztuce (1931–1949)* / M. Wallis. – Kraków : Wydwo Literackie, 1968. – 323 s.
2. Wallis, M. *Wybór pism estetycznych* / M. Wallis. – Kraków : Universitas, 2004. – 316 s.
3. Wallis, M. *Przemiany w sztuce i przemiany w estetyce* / M. Wallis // *Studia Filozoficzne*. – 1972. – № 10 (83). – S. 3–18.

Shevchuk K.S. The Conception of «open» Aesthetics of Mieczyslaw Wallis

The article is devoted to the analysis of main ideas of Mieczyslaw Wallis' aesthetics. Author pays attention to his view on the status of aesthetics as science, importance of empirical investigations and interdisciplinary approach, the acceptance of artistic and aesthetical pluralism. It is also analyzed Wallis' interpretation of the main characteristics of modern art. Author pays the special attention to the presentation of Wallis' highly relevant program «open» aesthetics that takes into account the emergence of new phenomena in art. It was demonstrated that «open» aesthetics should renounce the desire to build a closed system of art or aesthetic values. It must be flexible and ready at any moment to take into account the emergence of new artistic phenomena, or rediscovered and interpreted the artistic monuments of the past.

УДК 316.28

Ю.Н. Ермолович*магистр филол. наук, преподаватель-стажёр каф. философии
Гродненского государственного университета имени Янки Купалы***ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И РЕГИОНАЛИЗАЦИИ
КАК ВАРИАНТЫ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ**

В статье рассматриваются процессы, происходящие в социокультурном пространстве разных регионов мира, отмечается их амбивалентность. С одной стороны, это глобализация культуры, порой переходящая в культурную экспансию и культурный империализм, чему способствует одностороннее функционирование информации. С другой стороны, это усиление этнической фрагментации, расцвет национализма, региональное возрождение, недоверие к любым формам межгосударственных союзов, что делает противостояние между глобальным и локальным характерной чертой современности. Отмечается, что, несмотря на взаимопроникновение культур, в последнее десятилетие в социокультурном пространстве разных регионов мира усиливаются именно процессы регионализации. Консенсус между гегемоническим проектом и проектом несоизмеримости культур возможен благодаря поиску общего как способу достижения целей, а также воплощению в жизнь субъект-субъектных отношений.

Введение

Современные взгляды на процессы, происходящие в сфере культуры в разных регионах мира, диаметрально разделились: отстаиваются противоположные точки зрения. С одной стороны – это *апологеты объединения и унификации мира* (впервые тезис о возникновении монокультурного мира сформулировал М. Маклюэн [1]) на основе единой экономически ориентированной культуры (З. Бжезинский [2], В.С. Егоров [3], М. Чешков [4]), глобализации культуры (М. Элброу [5], Р. Робертсон [6]). К этой группе можно отнести и приверженцев концепции диалога между различными социокультурными системами (Ю.В. Яковец [7], К.С. Гаджиев [8]), полагающих, что межкультурный и межцивилизационный диалог в условиях глобализации становится преобладающей тенденцией развития человечества. По их мнению, среди конфликтов и дезинтеграции, имевших место в истории человечества, моменты объединения и интеграции все активнее и зримее. Цивилизация мыслится непрерывной и всемирной, ее субъект – человечество в целом. Борьба против глобализации как объективной, императивной, необратимой исторической тенденции бессмысленна. Частные проявления глобализации могут варьироваться под воздействием субъективного человеческого фактора.

Другой полюс представляют *теоретики несоизмеримости несоединимости и перманентной враждебности различных культур* (С. Хантингтон [9], Г. Киссинджер [10], Ж.-Ф. Лиотар [11], Б. Ключников [12]). Современный культурологический и философский дискурс в вопросе об отношениях между культурами изобилует метафорами «вызов» [13; 14], «столкновение» [9], «раскол» [15], что не характеризует глобализационные процессы в культуре как нечто спокойное и объективно принимаемое. Исследователи едины в одном: если до XX в. любые новообразования более-менее гармонично вписывались в систему культуры и постепенно адаптировались к ней, то уже в XX в. наблюдается процесс адаптации самой культуры к тем изменениям, которые произошли с качественным преобразованием информационного пространства с его переходом на глобальный уровень. Сегодня получается, что «все культурные аспекты, делающие француза французом, итальянца – итальянцем, датчанина – датчанином, мексиканца – мексиканцем, должны быть разрушены, потому что это барьеры на пути к глобализованному рынку» [16, с. 190].

Научный руководитель – Ч.С. Кирвель, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы

Исходя из существования полярных взглядов на процессы, происходящие в социокультурном пространстве разных регионов мира, целью данной статьи является выявление тех факторов, посредством которых можно найти консенсус между гегемоническим проектом и проектом несоизмеримости культур. Задачи исследования: определение временных рамок, в которых происходили процессы глобализации и регионализации; выявление последствий этих билатеральных процессов; определение перспектив регионализации как новой формы глобальных трансформаций.

Для создания наиболее полной картины происходящих в мире социально-культурных трансформаций обратимся к теориям, которые развивались на протяжении трех последних десятилетий (переломным моментом считаем перестроечную эпоху в СССР). Теоретики глобализма с конца 1980-х гг. склонны были говорить о глобализации культуры, понимая под ней ускорение интеграции наций в мировую систему в связи с развитием современных транспортных средств и экономических связей, формированием транснациональных корпораций и мирового рынка в условиях воздействия на людей средств массовой информации. К глобализации культуры близка концепция холотехно-демократии М. Бунге, в рамках которой он предлагает культурную демократию как дополнение к демократии политической и экономической в целях достижения «квалифицированного равенства» в общественном строе, пронизанном социотехнологией. Социотехнологии будут основываться на науке и рациональном правлении союза народа и экспертов.

С появлением способов быстрой связи и перемещения взаимодействие культур перешло на иной уровень. Если раньше влияние доминирующей культуры на культуру реципиента ограничивалось определенным локусом, то сегодня благодаря СМИ, спутниковой связи и средствам передвижения практически нет препятствий для пропаганды и распространения культурных идей и ценностей. С точки зрения М. Маклюэна, глобальность культуры поддерживается именно «электронным человеком» с его восприятием, мышлением, мировоззрением и психологией, адаптированными электронными средствами коммуникации. Глобализованная культура прежде всего характеризуется расширением территориальной среды существования, «жизнью в дороге», виртуальным пространством массмедиа, транснациональным и транскультурным. Она вынуждает пересмотреть представления о родной земле и родине.

Использование в сфере культуры современных информационно-коммуникативных технологий повышает интенсивный информационный обмен. В то же время превращение информации в товар приводит к тому, что товарные отношения неизбежно распространяются на сферу культуры: неравномерно распределяются в мире научные и культурные центры; вызывает вопрос качество потребляемой информации. Вместе с тем глобальное влияние современных информационно-коммуникативных технологий в основном наблюдается лишь на уровне специфических контекстов (например, международный валютный рынок), нежели на уровне общего культурного сознания.

Глобальное знание сосредоточивается у сравнительно узкого круга участников особых международных взаимодействий. Культура, претендующая на статус глобальной, ведет адаптивную деятельность, трансформируя локальные культуры.

В случае одностороннего движения информационных потоков какая-либо культура осуществляет экспансию в регионы с иными культурами. В древности это обеспечивалось путем этноязыковой или религиозной экспансии (эллинизация северо-восточной Африки, арабизация Испании и др.). В современном технологизированном мире к культурной экспансии (вестернизации, китаизации, исламизации) ведут перемещения не столько людей, сколько информации. Одностороннее функционирование информации сегодня приравнивается к культурному империализму, рассматривается как информационная агрессия, информационная или культурная экспансия, декультурация. Субъектом такого воздействия чаще всего называют именно западноевропейскую цивилизацию, включающую в себя Североатлантический регион. При данном типе межкультур-

ной коммуникации западная культура оценивается как универсальная, соответствующая принципу рациональной эффективной организации экономической деятельности и социальных отношений. Образ жизни и потребительские предпочтения, сложившиеся на Западе, распространяются на иные цивилизационные пространства путем одностороннего потока информации от «центра» к «полупериферии» и «периферии», а формирующаяся культурная элита, наиболее подверженная модным влияниям, способствует утверждению и закреплению в обществе прозападных ценностей и ориентаций.

Таким образом, апологеты унификации мира рассматривали глобализацию культуры как кумулятивный процесс, прямо пропорциональный техническим новшествам в индустрии транспортных, экономических и информационных коммуникаций. Подобная характеристика глобализации культуры отражает линейный подход к пониманию исторического процесса, игнорируя ценностную составляющую, которая способна существенно изменить характер межкультурных контактов. К тому же такая глобализация культуры может (с переходом количественных изменений в качественные) принять облик культурного империализма, который выражается в гегемонии развитых стран в различных сферах общественной жизни, в том числе и принудительном распространении западных ценностей.

Теоретики несоизмеримости различных культур полагают, что никакие меры не упразднят конфликтов разных регионов. В качестве главного конфликтогенного элемента многие рассматривают религиозный фактор. Подобные теории, с одной стороны, объясняют неизбежность военных конфликтов и столкновений (например, Запада и исламского мира), а с другой – делают излишними поиск компромиссов и понимания между ними, отрицают равные права различных культур на существование в будущем, в то время как основа неразрешимости многих конфликтов современности заключается в том, что «современной глобальной системой управляют лица с тоталитарным мышлением, которые не могут принять позицию даже самого крохотного государства, если она будет отличаться от их подавляющей идеологии» [17, с. 25].

М. Цорн отмечает, что процессы объединения, на которые обычно ссылаются идеологи и сторонники глобализации, пока охватывают не более 30% стран мира, а значит, не являются глобальными. «Хваленая глобализация лишь на одну треть реальна, а на две трети есть виртуальное изобретение ее адептов и идеологов» [18, с. 243].

Поскольку многие неевропейские культуры признают сверхиндивидуальные (прежде всего религиозные) ценности, не соотносимые с европейскими ценностями индивидуальных прав и свобод, то главные ценности Запада и Востока несовместимы. Вследствие этой несовместимости война культур и ценностей уже идет, этим в значительной степени объясняются кровавые конфликты, напряженность в отношениях индивидов, стран и даже континентов. Множество ценностных ориентаций, религиозных и полурелигиозных смысловых определений вызывает ненависть и презрение у сторонников фундаменталистских религиозных взглядов. Повсеместно возникает и активно проявляется в разных локусах мира религиозное, этническое, региональное «возрождение», что превращает противостояние между локальным и глобальным в характерную черту современности. Эти региональные «контрпроцессы» активизировались с 90-х гг. XX в., когда почти официальным курсом США было объявлено формирование нового мирового порядка после падения СССР как второго полюса. Одновременно с этим начинается возрождение ислама и развитие восточных государств, в первую очередь Китая и Индии. А «при соприкосновении западного высокомерия, исламской нетерпимости и китайской напористости» [9, с. 532] могут возникнуть опасные столкновения.

Отметив беспрецедентное увеличение количества межкультурных контактов начиная со второй половины XX в. в связи с распространением средств передвижения и их доступной стоимостью, Э. Тоффлер указал на происходящие одновременно процессы локализации и национализации культур, что объяснил физической неприспособ-

ленностью человеческого организма к столь быстрым изменениям, каких требует интенсивно проходящая глобализация [19, с. 241]. В таком случае локализация является естественным и неизбежным ответом на вызов времени. Проявлением регионализации также является усиление «этнической фрагментации». Этнические группы претендуют не просто на сохранение своей культуры, на автономию, но и на отдельное существование от тех стран, с которыми они связаны тесными историческими, экономическими и культурными узами (шотландцы в Англии, каталонцы в Испании, абхазцы и осетины в Грузии). Национально-этническая рознь зачастую разжигается искусственно и перерастает в военные конфликты и длительные, чуть ли не перманентные войны с применением экстремистско-террористических методов (противостояние тутси и хуту в Руанде, русских и украинцев – в восточных областях Украины).

В ходе фрагментации противоречия и различия в каждой из стран накапливаются, в результате чего внутреннее единство в этих странах размывается, ослабляя национальные государства. Так, в ЕС в последнее время разногласия увеличиваются, грозя «сжатием» территории единой Европы. Например, летом 2011 г. на волне экономического кризиса и в целях противостояния ему итальянский городок в 500 жителей Филеттино объявил об автономии, создал свой народный банк и стал выпускать местную валюту – фьюрио, которая с сентября того же года стала ходить наравне с евро.

Оттеснение национального потреблением единых товаров и услуг и массовой культурой низкого уровня «питает противодействия того типа, которые З. Фрейд назвал “нарциссизмом малых культур”, обостряет так типичную для многих людей и даже стран вражду к иностранцам, недоверие к любым формам межгосударственных союзов» [21, с. 50–51]. Есть много сомнений и относительно того, являются ли унификация и интеграция, протекающие в современном обществе, признаками сближения людей (образа жизни людей). С распадом традиционных культур (субкультур) происходит разрыв поколений, ускоряющий триумфальное шествие антикультуры под прикрытием молодежной контркультуры, бунтующей против геронтократии современного общества в развитых странах мира. Выход локальных культур на общий, глобальный уровень сегодня сильно затруднен, как и «процесс становления глобальной солидарности граждан» [21, с. 295]. Мир выглядит очень раскрепощенным, но не дружественным. Даже в одной культуре существуют различные течения, субкультуры и контркультуры, которые доказывают несводимость всех культурных течений в одно русло. В связи с этим все более актуальным становится вопрос знакомства разных культур друг с другом. «Связь времен рвется, и чтобы общество не деградировало, культуру надо не просто внедрять – ей надо обучать» [22, с. 55–56]. Именно волевое стремление к унификации породило «трагически не единый мир», поскольку любая унификация – это упрощение и обеднение. Разнообразие же обеспечивает устойчивость системы и является законом социального баланса [23, с. 593].

Консенсус между данными поляризованными теориями, которые, с одной стороны, очерчивают гегемонический культурный монолит с несколькими сохранившимися очагами сопротивления, подлежащими устранению, а с другой – восемь-девять несоизмеримых и неизбежно конфликтующих культур, можно найти, обратившись к моделям, по-иному осмысливающим мир культуры будущего. К таким альтернативным моделям развития мирового взаимодействия культур, согласно У. Макбрайну, можно отнести идеальную речевую ситуацию Ю. Хабермаса (теория коммуникативного действия) и тезис К. Маркса о том, что «радикальная критика и подрыв и в теории, и на практике капиталистической системы являются необходимой предпосылкой будущего расцвета более человеческих обычаев и институтов в то время, когда экономические факторы более не будут господствовать в обществе» [24, с. 83].

На наш взгляд, идея Хабермаса, несмотря на свою идеализированность, обладает эвристичностью при условии формирования новой мировой этики, основанной на при-

нциях участия и бескорыстия. «О коммуникативных действиях можно говорить тогда, когда планы участвующих в них координируются посредством актов понимания друг друга, а не посредством эгоцентрической калькуляции успеха» [25, с. 73]. Теория коммуникативного действия, предложенная Хабермасом, может служить образцом для формирования реальных взаимодействий в современном глобализующемся мире. Субъект-субъектные отношения и интерсубъективный результат действия способны сохранить существование человеческого рода в условиях глобальных кризисов XXI в. Субъектом глобального межкультурного коммуникативного действия, согласно теории Юргана Хабермаса, способен стать лишь индивид (или коллективная идентичность), который идет на коммуникацию со своими ценностями и убеждениями, не используя при этом собеседников в своих целях.

Заключение

Подавляющее большинство культур и цивилизаций сегодня втянуты в процесс глобальных техногенных трансформаций. По уверениям идеологов глобализма в его нынешней форме, глобализация должна служить взаимодействию и обогащению национальных культур. На деле же национальное оттесняется потребительством единых товаров и услуг и массовой культурой низкого уровня. В условиях интенсификации глобализации эта опасность все возрастает. Для стабилизации системы и преодоления дисбаланса необходим выход из парадигмы гомогенизации (экономической и культурной), а диалог культур должен стать обязательным элементом взаимодействия цивилизаций.

Социокультурным трансформациям современности характерна гибридизация разных сфер общественной жизни. С одной стороны, наблюдается тенденция к нивелировке этнонациональных, религиозных и культурных границ, с другой – национальные, религиозные, культурные и иные меньшинства требуют большей автономии.

Открытость границ для культурного влияния и расширяющееся культурное общение приводят, с одной стороны, к обмену положительным опытом, обогащению собственной культуры, подъему ее на более высокую ступень развития, а с другой – к ее истощению за счет унификации и стандартизации, распространения одинаковых культурных образцов по всему миру. В развитии мировой культуры необходимо участие разных локальных цивилизаций, обладающих специфическими неповторимыми чертами. Таким образом, регионализация как форма глобальных трансформаций представляет локальным цивилизациям возможность развиваться в соответствии с имманентно присущими им чертами, что сохранит многообразие мировой культуры, а межкультурные коммуникации перестанут быть сугубо утилитарно-прагматичными и перейдут на уровень диалога по обмену опытом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Маклюэн, Г. М. Галактика Гутенберга: становление человека печатающего / Г. М. Маклюэн. – М. : Академический проект ; Фонд «Мир», 2005. – 496 с.
2. Бжезинский, З. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство / З. Бжезинский. – М. : Междунар. отношения, 2010. – 287 с.
3. Егоров, В. С. Философия открытого мира : учеб.-метод. пособие / В. С. Егоров. – М. : Моск. психол.-социальный ин-т ; Воронеж : НПО «МОДЭК», 2002. – 320 с.
4. Чешков, М. Глобализация: сущность, нынешняя фаза, перспективы / М. Чешков // Pro et contra. – Осень 1999. – С. 125–126.
5. Albrow, M. The Global Age: State and Society beyond Modernity / M. Albrow. – Stanford CA : Stanford University Press, 1997. – 246 p.
6. Robertson, R. Globality and Modernity / R. Robertson, M. Kathleen. – London, 2002.
7. Яковец, Ю. В. Диалог цивилизаций в контексте времени / Ю. В. Яковец // Диалог культур. Повестка дня. – М., 2005. – С. 11–22.

8. Гаджиев, К. С. Мировой экономической кризис: политико-культурное измерение / К. С. Гаджиев // Вопр. филос. – 2010. – № 6. – С. 3–19.
9. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка / С. Хантингтон // Новая постиндустриальная волна на Западе: антология / под ред. В. Л. Иноземцева. – М., 1999.
10. Kissinger, H. World Order / H. Kissinger. – New York : Penguin Press, 2014.
11. Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар. – СПб. : Алетейя, 1998. – 160 с.
12. Ключников, Б. Исламофобия / Б. Ключников // Наш современник. – 2011. – № 6. – С. 217–228.
13. Мальковская, И. А. Глобализация и транскультурный вызов незападного мира / И. А. Мальковская // СОЦИС. – 2005. – № 12. – С. 3–12.
14. Кизима, С. Вызовы национальным интересам и безопасности Беларуси и России в условиях глобализации / С. Кизима // Парламентское собрание Союза Беларуси и России : информ. бюллетень. – 2010. – № 1. – С. 22–24.
15. Хабермас, Ю. Расколотый Запад / Ю. Хабермас. – М. : Весь мир, 2008. – 186 с.
16. Казинцев, А. Симулякр, или стекольное царство / А. Казинцев // Наш современник. – 2003. – № 12. – С. 183–199.
17. Дрвески, Б. Суверенитет народа Беларуси / Б. Дрвески // Проблемы управления. – 2014. – № 3. – С. 23–26.
18. Степанянц, М. Т. Поликультурность: глобальный и российский аспекты / М. Т. Степанянц // Диалог культур в глобализирующемся мире: мировоззренческие аспекты / Отв. ред. В. С. Степин, А. А. Гусейнов ; Ин-т философии. – М. : Наука, 2010. – С. 241–294.
19. Тоффлер, Э. Шок будущего / Э. Тоффлер. – М. : АСТ, 2002. – 557 с.
20. Диалог культур в глобализирующемся мире: мировоззренческие аспекты / Отв. ред. В. С. Степин, А. А. Гусейнов ; Ин-т философии. – М. : Наука, 2010. – 437 с.
21. Русаков, А. Ю. Информационные коммуникации и социальные отношения : дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.11 / А. Ю. Русаков. – СПб., 2008 – 311 с.
22. Бестужев-Лада, И. В. Педагогический потенциал культурологии / И. В. Бестужев-Лада // Культура, культурология и образование (материалы «круглого стола») // Вопр. филос. – 1997. – № 2. – С. 3–56.
23. Бабосов, Е. М. Современный социум: характер и направленность развития / Е. М. Бабосов, Ч. С. Кирвель, О. А. Романов. – Минск : Четыре четверти, 2013. – 728 с.
24. Макбрайн, У. Глобализация и межкультурный диалог / У. Макбрайн // Вопр. филос. – 2003. – № 1. – С. 80–87.
25. Хабермас, Ю. Теория коммуникативного действия / Ю. Хабермас // Современная западная теоретическая социология : рефер. сборник / под ред. Н. П. Поляковой. – М. : ИНИОН РАН, 1992. – Вып. 1. – С. 57–101.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 13.07.2015

Yarmalovich Y.N. Processes of Globalization and Regionalization as a Variant of Social and Cultural Transformation

The article examines the processes occurring in the socio-cultural environment of different regions of the world. Their ambivalence is highlighted. On the one hand, it is the globalization of culture, sometimes turning into a cultural expansion, and cultural imperialism, helped by a one-sided operation information. On the other hand, it is the increase of ethnic fragmentation, the heyday of nationalism, regional regeneration, distrust of all forms of inter-state alliances, making the confrontation between the global and the local characteristic of modernity. However, the interpenetration of cultures inevitably takes place. In the last decade in the socio-cultural environment in different regions of the world the regionalization increases. The consensus between the hegemonic projects and projects is possible by the incommensurability of cultures as a way to search for a common achievement of the objectives, as well as the realization of the subject-subject relations.

УДК 332.021

Г.И. Иванчин*старший преподаватель каф. политологии и социологии
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина***ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ «НАЦИЯ»
С СЕРЕДИНЫ XIX В. ДО КОНЦА XX В.**

В статье рассматриваются основные подходы к определению понятия «нация» с середины XIX в. до конца XX в., коннотации этого термина в исторической ретроспективе, начиная с эпохи Средних веков, идея создания самостоятельной научной дисциплины – нациологии. Особое внимание уделяется подходам, в которых все рассмотренные модели типологизации нации аккумулированы в двух принципиально различных теоретико-методологических направлениях: примордиалистском и конструктивистском, часто называемым модернистским.

Начало XXI в. должно было стать примером успешности глобализационных тенденций и стратегий, наиболее ярко проявляющихся в экономике, культуре, информационной сфере, но проблема национального получила «второе дыхание» практически во всех регионах мира, что является естественной реакцией национальных макросообществ на угрозу утраты национальной идентичности. В связи с этим важным представляется обращение к теории нации, изучение основных подходов к определению нации и коннотации этого термина в исторической ретроспективе.

Вопрос «*Qu'est-ce qu'une nation?*» («Что такое нация?»), заданный в Сорбонне 11-го марта 1882 г. Эрнестом Ренаном, до настоящего времени не получил однозначного ответа. Все дефиниции нации имеют одну основу: она является человеческим сообществом. Но расхождения во взглядах настолько велики, что некоторые исследователи вообще отказываются от попыток дефинирования. Один из самых известных специалистов в области национальных проблем Ганс Кон утверждал: «Ее (нации – Г.И.) точное понятийное определение невозможно. Национальность является историческим и политическим понятием, а слова «нация» и «национальность» пережили уже немало изменений значений» [1, с. 4]. Своего рода итог попыток дефинирования наций подводит Элиас Канетти: «Стараются найти определение национального как такового: нация, говорят, это то-то и то-то. Верят, будто бы дело в том, чтобы найти правильное определение. Стоит его найти, и можно будет применить его сразу ко всем нациям. Берут в качестве основы язык, или территорию, или литературу, или историю, или способ правления, или так называемое национальное чувство, – и в любом случае исключения оказываются важнее, чем правило. Кажется, ухватил что-то живое за свободный кончик случайного одеяния, но оно легко сдергивается, и ты опять остаешься с пустыми руками» [2, с. 183]. Польский историк Б. Зентара выделил две, с его точки зрения, главные причины трудностей, связанных с определением понятия «нация». Это, во-первых: «несовершенство терминологии, связанной со всей национальной проблематикой. Слова “нация”, “племя”, “национальность”, “народ”, употребляемые для определения различных этнических общностей, сами имеющие богатое историческое прошлое: не были придуманы учеными, но жили тысячи лет в устах людей, не ищущих терминологической точности. К тому же не только границы понятий, связанных с этими терминами, размыты, но слова с тем же самым происхождением могут в различных средах и исторических контекстах получить различное значение» [1, с. 4]. И во-вторых: «Принадлежность ученого к конкретной политической группировке или симпатизирование данному политическому направлению часто решало той либо иной дефиниции нации; тем более это касалось политиков, часто выступающих в диспутах теоретического характера» [1, с. 4]. Вторая причина еще раньше рассматривалась польским социологом Ю. Халасиньским, который писал следующее: «Эта многозначность (с определениями нации – Г.И.)

имеет источник не в кабинетах логиков и методологов, но в практической политической жизни, в общественных движениях, которые пользуются этим термином в разных смыслах, соответственно своим потребностям» [3, с. 36]. Еще одной очень важной причиной следует выделить «мозаичный метод изучения наций» [4, с. 16], т.е. отсутствие специальной научной дисциплины, которая, систематизировав накопленный за много десятилетий опыт междисциплинарного исследования проблем нации, смогла бы выработать целостное знание об этом феномене. Этнология, этнография, философия, социология, история, политология и другие науки не рассматривают национальную проблематику в комплексе ее богатейшего содержания, а исследуют утилитарно необходимые для себя аспекты этого явления. Конец XX в. дал миру феномен «национального ренессанса», который и в XXI столетии является альтернативной глобализации парадигмой существования народов. Не имея принимаемого большинством исследователей нации определения, нельзя делать вывод о ее иллюзорности или отсутствии (даже трактовка Б. Андерсоном нации как «воображаемого сообщества» подразумевает ее существование, хотя и не в общепринятых категориях). Британский ученый Х. Сетон-Уотсон считал, что «никакая “научная дефиниция” нации не может быть придумана; все же феномен существовал и существует» [5, с. 5]. Во второй половине XX – начале XXI вв. появились новые работы по национальной проблематике, которые могут стать серьезной научно-методологической основой для конституирования новой научной дисциплины или направления в уже существующих. Ряд ученых (О.И. Бочковский, М.И. Обушный, Г.В. Касьянов) предложили создать специальную науку – нациологию, которая комплексно изучала бы феномен нации. Другие (П. Манчини, Э. Ренан, О. Бауэр, Б. Андерсон, Э. Геллнер, К. Дейч, Э. Смит, Э. Хобсбаум, Е. Вятр, Ф. Знанецкий) продолжили традицию изучения нации в рамках разных социально-гуманитарных дисциплин.

Рефлексия над понятием «нация» возможна только при условии решения вопроса «терминологического хаоса», как его определил О.И. Бочковский [4, с. 15]. Терминология по данному вопросу взята из классической латинской литературы. Ее образовывали понятия «gens», «natio» и «populus». Этимологически «natio» и «gens» произошли от глагола «рождаться» и означали потомство, т.е. первоначально они определяли общности кровного происхождения. Л. Ребет, исследуя происхождение этих понятий, пришел к выводу, что «слово “нацио” употреблялось в латинском языке одинаково к людям и животным и значило то же самое, что и раса, порода, племя» [6, с. 7]. В период республики словом «gentes» первоначально определялись патрицианские роды. Со временем термины «natio» и «gens» охватили более широкие этнические группы. Римляне конца республики и империи словами «gentes» и «nationes» называли варварские племена, не имеющие государственности, а себя же называли «populus». «В этом случае элементом, цементирующим общество, не было – как у варваров – общее происхождение, но государственная организация» [1, с. 20].

Это противопоставление цивилизованного «populus Romanus» и варварских «nationes» и «gentes» переняли из наследия классического Рима раннехристианские писатели. Так, в латинском тексте Библии термин «populus» использовался для христиан, а «nationes» и «gentes» для язычников. Греческий текст Евангелия содержал слово «ляос» для обозначения христианского либо еврейского народа и «этне» применительно к язычникам. Проанализировав ряд произведений писателей латинского средневековья, Б. Зентара делает вывод, что они «использовали для определения этнических общностей термины “gens” и “natio”, веря, что их члены объединены, прежде всего, общим происхождением, а на втором месте – языком, обычаями и образом жизни» [1, с. 23].

В эпоху раннего средневековья произошло терминологическое выравнивание и цивилизованных «populi» и варварских «gentes» и «nationes». Термин «populus» стал распространяться в значении народа, противостоящего власти и в целом аристократии.

В средневековых университетах студенты делились на «нации» по территориальному принципу. В Парижском университете существовали следующие нации: французская, нормандская, пикардийская и английская. Три первые, очевидно, охватывали студентов с территории Франции (французская нация – студенты из Иль-де-Франс), а четвертая – всех иностранцев; с уменьшением численности англичан в Париже четвертая «нация» сменила название и стала «немецкой». Университет в Болонье имел две «нации»: цитрамонтанцев (итальянцев) и ультрамонтанцев (иностранцев). В Праге также существовали четыре «нации»: баварская, саксонская, чешская и польская.

По примеру университетов церковь стала проводить деление духовенства на «нации» при проведении Вселенских Соборов. Уже на Соборе в Лионе 474 г. Римский Папа вел переговоры с кардиналами по национальным группам, созданным на чисто административной основе. Это было следствием попыток монархии получить влияние на церкви своих территорий. Собор в Констанце (1414–1418), на котором участники голосовали не индивидуально (как этого требовало господствующее со средневековья убеждение об универсальности христианского мира), а по критерию нации. Этот Собор утвердил деление участников по национальному критерию. Вместе с тем ряд провинций Империи (Савойя, Лотарингия и Прованс) по языковому принципу вошли в состав французской нации.

Для Нового времени характерна общая тенденция относить слово «нация» к политически активной части населения, к высшим слоям как носителям силы и славы. Низшие слои, силой обстоятельств политически пассивные, назывались народом. Только в противопоставлении к другим народам население данного государства выступало как цельная единица, причем, очевидно, относительно принципа, что подлинным представителем народа являются монархии и дворянство.

В годы Великой Французской революции конца XVIII в. термин «нация» стал означать страну, государство и народ как нечто единое. Таким образом, произошла смена известной еще с древности иерархии понятий «народ» и «нация». Именно с Французской революции слово «нация» означает в противоположность к слову «народ» высшую ступень бытия общества.

Значительный научный интерес представляет типология дефиниций нации, которую предложил польский социолог Е. Вятр. В существующих определениях нации (до конца 1960-х гг.) он выделил две основные группы: генетическую и структурную. «Первую (группу – *Г.И.*) образуют дефиниции, в которых нация определяется указанием на факторы, которые сложились к ее образованию. В точном смысле слова такие определения не являются «дефинициями», но трактовка их как таковых обусловлена обстоятельством, что во многих теоретических работах ... в роли дефиниций выступают именно такие определения. ... Вторую группу дефиниций образуют те, которые определяют нацию через указание на какие-то ее признаки, которые («всегда» либо «вообще») должны характеризовать общественную группу, называемую нацией» [7, с. 184]. Далее в рамках структурного типа определений Вятр различает четыре подгруппы дефиниций, определяющих нацию в зависимости от того, при использовании каких признаков нация дефинируется: 1) в категориях материальных признаков; 2) в политических категориях; 3) в культурных категориях; 4) в категориях сознания [7, с. 184]. Вместе с тем ученый признает, что в рамках «каждого из этих типов можно выделить подварианты в зависимости от признаков, на которые авторами сделан главный упор, либо также от выступающих в литературе комбинаций признаков» [7, с. 184]. Генетические дефиниции определяют нацию как продукт истории и включают три базисных тезиса: 1) нация является результатом общих исторических судеб; 2) нация является общностью, сформированной на основе определенных признаков, общих для национальной группы; 3) на-

ция является результатом общих исторических судеб, проявляющихся в национальном чувстве [7, с. 185–186].

Вышеназванные типы дефиниций делают упор на то, что нация является продуктом исторического развития. Иногда следом за таким определением идет только описание и анализ конкретного нациетворительного процесса. В другое время ищутся особенные признаки, которые созданы в течение этого развития и составляют атрибуты нации. Особым вариантом этого подхода является предположение, что в национальном сознании (определенном с опорой на те или иные критерии, чаще всего на критерий отношения к государству или государственной идее) отражается степень зрелости процесса образования нации. Определения третьего типа генетической дефиниции придают другой смысл сознанию, чем объективным особенностям нации, потому что они являются либо факторами, делающими возможным образование нации, либо признаками, произведенными в течение развития нации, а сознание есть признаком того, что нация уже сформировалась.

Структурные дефиниции образуют наиболее сложный комплекс определений. В частности:

1. Дефиниции нации как явления с определенными материальными признаками:

- а) нация есть общность, конституированная через материальные признаки;
- б) нация – общность с определенными материальными чертами и с определенными чертами сознания; в дефиниции не делается иерархизация важности этих признаков [7, с. 187].

Различая эти два типа дефиниций нации, указывающих на определенные материальные признаки нации (территория, экономика и др.) или в связи с сознанием, или без него, совсем не подлежит сомнению, что в других дефинициях материальные факторы никакой роли не играют. Однако характерной чертой этой группы дефиниций есть то, что материальные признаки выступают здесь как самостоятельные или всегда присутствующие (но самое меньшее равноценные с другими) особенности нации.

2. Дефиниции нации как политической единицы:

- а) нация есть совокупность граждан государства;
- б) нация является сущностью государства и других политических институтов, их содержанием;
- в) нация есть осознанная политическая общность [7, с. 188–190].

Точнее других о сущности дефиниций этих типов написал американский теоретик Карл Дейч: «В век национализма национальностью является народ, который оказывает давление в направлении получения определенной степени действительного контроля над сохранением своих членов. Это народ, стремящийся к наделению себя властью, каким-то достаточно сильным инструментом принуждения, чтобы сделать возможным обеспечение повиновения его приказам в необходимой для этого степени, чтобы способствовать распространению обычаев добровольного подчинения этим приказам. ...Какими бы ни были эти инструменты власти, они используются для усиления и усовершенствования тех общественных каналов коммуникации, ...которые все вместе образуют общественную структуру национальности. ...Во всех этих случаях национальность преобразуется в нацию тогда, когда получает власть для обоснования своих стремлений. В конце концов, если националистически мыслящие члены нации достигают успеха и новая либо старая государственная организация становятся к их услугам, тогда, наконец, нация становится суверенной, а нация-государство начинает свое существование» [8, с. 78–79].

3. Дефиниция нации как культурного явления:

- а) нация – это сообщество людей пользующихся одним языком;
- б) нация – это сообщество, участвующее в определенных культурных ценностях;

в) нация – это исторически сформированное сообщество характера [7, с. 192–196].

4. Дефиниция нации как сообщества чувства:

а) нация является духовным союзом людей, осознающих себя общностью;

б) нация – общность чувства, стремящаяся конституироваться в государство [7, с. 197–200].

При всем многообразии дефиниций, приведенных в типологии Е. Вятром, следует отметить, что определенные принципиальные элементы повторяются довольно часто. Признаки нации, выступающие в различных дефинициях, можно поделить на две группы. К первой принадлежат признаки, относительно часто выступающие в дефинициях как своеобразные черты нации, позволяющие ее отличать от других сообществ. К другой можно отнести сопутствующие признаки, которые либо должны разъяснять, почему и как образовались черты первой группы, либо также могущие служить отличительным признаком одной нации от другой. Первую группу, по мнению Вятра, образуют: сознание бытия нации, воля бытия нации, определённые культурные ценности, своеобразный национальный характер и общность литературного языка. Вторая группа включает территорию, экономический уклад, политические институты (прежде всего государство), в определённых обстоятельствах религию, расовое или этническое происхождение. Здесь же иногда выделяется общность исторических судеб. Исследователь отмечает, что эти черты (вторая группа), по мнению многих авторов, могут, но не должны выступать в качестве атрибутов нации [7, с. 202–203]. Следует уточнить, что большинство дефиниций, рассмотренных учёным, принадлежат представителям различных западных научных направлений, которые анализировали понятие «нация» прежде всего в категориях «сознание», «воля», «характер» и т.д. с учетом значения других факторов (в данном случае образующих вторую группу).

Е. Вятр, представитель марксистской социологии, показал и своё понимание вопроса. По его мнению, нация – это «исторически сформировавшаяся устойчивая общность, появившаяся на почве общих исторических судеб, общего товарного хозяйства и общих политических институтов, характеризующаяся существованием государственного сознания, основного составляющего группового сознания» [7, с. 207]. Настоящая дефиниция является своего рода синтезом разных научно-методологических направлений в социогуманитарном знании. Такие составные компоненты определения, как «общие политические институты» и «государственное сознание», являются «прорывом» из господствовавшей в Восточной Европе 60-х гг. XX в. марксистской модели национальной проблемы, в которой абсолютизировались сталинские определения нации и незаслуженно игнорировались идеи Э. Ренана, О. Бауэра, К. Реннера, да и самих К. Маркса, Ф. Энгельса и В. Ленина (их идеи о роли государства в формировании нации). Свою дефиницию Вятр распространяет не на какую-либо конкретную нацию, а на нацию «вообще». Он пишет: «Определение, предложенное мною, содержит только то, что присуще всем нациям и что характеризует национальную общность как таковую» [7, с. 207].

Через 30 лет после выхода работы Е. Вятра другой польский социолог Е. Шацки, отмечая слабую теоретическую разработанность проблемы нации, осуществил критический анализ «объективных» и «субъективных» дефиниций нации. Создатели первых стремились перечислить прежде всего те признаки коллективов, называемых нациями, которые принадлежат им независимо от того, обладают ли члены этих коллективов сознанием их существования и своей к ним принадлежности. Наличие этих признаков должно было быть источником и основой такого сознания либо должно было обязательно сопутствовать ее манифестации. Однако сложность «объективного» дефинирования дала основания Шацкому сделать вывод о том, что «в каждую “объективную” дефиницию, в сущности, следовало бы вставить выражение “вообще”, “в большинстве случаев” либо “часто”, а также добавить, что “в определённых случаях” особенно боль-

шую роль играют какие-то другие факторы, опущенные в большинстве дефиниций (например, религия, которая в случае некоторых наций не может быть опущена). Однако сомнительно, была ли бы многоценной спасенная таким способом дефиниция, и, вообще, была ли бы дефиниция, поэтому попытки создания “объективных” дефиниций уже давно происходят все реже» [9, с. 153].

Основная ошибка таких дефиниций, по мнению социолога, находится, прежде всего, в самой отправной точке, которой является дорефлексионное предположение, что реально существует определенное число коллективов того же самого рода, и речь идет попросту о том, чтобы их своеобразие описать таким же самым образом, каким описывается, положим, биологический род. При этом забывается как минимум о двух вещах. «Во-первых, о том, что полностью не исключено, что само слово “нация” означает в сущности очень разные коллективы, родовое подобие которых не является бездискуссионным (а, следовательно, равно демос, как и этнос, равно население государства находятся на пути к культурной унификации, как и культурная группа, только пытающаяся организовать в государство и т.д.); во-вторых, что применение названия “нация” в отношении многих коллективов вытекает время от времени не столько из необходимости названия уже существующей вещи, сколько из убеждения о необходимости создания такой вещи согласно идеологического образца, который возник в совершенно других условиях, под влиянием совершенно других общественных сил (история двух последних столетий доставляет неисчислимо примеров диффузии идеологических образцов бытия нации)» [9, с. 153].

Неудачи попыток построения «объективной» дефиниции нации привели к преобладанию среди исследователей сторонников «субъективных» определений, которые доказывают, что общим для всех без исключения наций является более или менее распространенное чувство их существования. Когда-то в этом контексте говорилось о «национальном сознании» и «национальном чувстве»; сегодня чаще говорится о «национальной идентичности». Но по существу речь идет о том же самом: если члены какого-либо коллектива сами себя дефинируют как нацию и сумеют склонить членов других коллективов к согласию на такую их дефиницию, то этот коллектив является нацией.

Уолкер Коннор пишет: «Сущность нации ...это дело самосознания. Много проблем, связанных с дефинированием нации, следует именно отсюда, что она есть группа, которая сама себя дефинирует» [9, с. 155]. Членов таким образом понимаемой нации не должно связывать ни этническое происхождение, ни государственная организация, ни язык, ни экономическая жизнь, ни что иное, что считается независимым от состояния общественного сознания, хотя, очевидно, такие факторы вступают в игру, как правило, как корреляты этого сознания.

Отмечая «современность» анализа нации в категориях «сознание» и «самосознание», Е. Шацки выделяет ряд проблемных вопросов для данной парадигмы: 1) не определены особенности национального сознания или, лучше сказать, национального чувства (слово «сознание» в данном случае очень сильное); нет четких различительных критериев национального и этнического сознания; 2) поскольку носителями сознания являются индивиды, а не коллективы, неизвестно, когда можно говорить о национальном сознании, если известно, что длительное время большинство индивидов не считали себя нацией, а идентифицировали себя по критериям религии, подданства и т.д.; 3) национальное сознание или чувство имеет много различных артикуляций, соответствующих различным существующим внутри нации политическим ориентациям [9, с. 158–160]. Рассмотрев «объективные» и «субъективные» дефиниции нации, Е. Шацки делает вывод, что ни одна из них не является разрешением проблемы и даже «нельзя быть уверенным, что какая-либо общая теория нации станет когда-нибудь возможна» [9, с. 161].

В современных исследованиях все приведенные модели типологизации аккумулярованы в двух принципиально различных теоретико-методологических направлениях: примордиалистском (от англ. «primordial» – «исконное», «исходное», «изначальное») и конструктивистском (часто называемым модернистским). Сущность примордиалистской парадигмы точно определил известный российский этнолог В.А. Тишков: «Для примордиалистов существуют и как бы совершают свой независимый от субъективного восприятия путь некие объективные общности с присущими им чертами в виде территории, языка, осознаваемого членства и даже общего психического склада» [10, с. 3]. Исходя из такого понимания проблемы, нация рассматривается как феномен, объективно существующий в мире, что исключает креативность субъективно-индивидуального начала. Человек в данной концепции выполняет функцию статиста, не могущего повлиять на нациообразующие процессы. К примордиалистам в современной науке следует отнести лишь небольшое число ученых-этнологов, использующих достижения социобиологии для решения проблемы. Украинский исследователь Г.В. Касьянов значительно расширил круг сторонников этой концепции за счет включения исследователей, акцентирующих внимание на культурных, лингвистических, географических, социально-психологических и других компонентах нации [11, с. 3].

Конструктивистская парадигма нации в широком смысле есть комплекс многочисленных «конструктивистских», «инструменталистских», «релятивистских» и т.п. теорий, выросших на почве бихевиоризма и прагматической философии и сильно различающихся между собой и в деталях, и по сути. Представляемая мозаика подходов дает основания сделать вывод о том, что нет единой конструктивистской теории, а есть ряд подходов к решению проблемы. Дж. Комарофф так охарактеризовал сложившуюся ситуацию: «Конструктивизм – это не теория, а некоторое описательное утверждение о том, что политическое и культурное самосознание является результатом человеческой деятельности. Под сенью конструктивизма скрывается целый ряд различных подходов» [12, с. 41]. В современной теории нации преобладает конструктивистский подход к ее пониманию.

Описанные в статье подходы к определению нации, идея создания самостоятельной научной дисциплины – нациологии – являются значимыми составляющими необходимой исследовательской работы по изучению феномена национального в условиях глобализации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Zientara, B. Świt narodów europejskich. Powstawanie świadomości narodowej na obszarze Europy pokarolińskiej / B. Zientara. – Warszawa : Państwowy Instytut Wydawniczy, 1985. – 436 s.
2. Канетти, Э. Масса и власть / Э. Канетти. – М. : Ad Marginem, 1997. – 528 с.
3. Chałasiński, J. Kultura i naród. Studia i szkice / J. Chałasiński. – Warszawa : Książka i Wiedza, 1968. – 620 s.
4. Бочковський, О. І. Вступ до націології / О. І. Бочковський. – Мюнхен : Україн. Техн.-Господар. Ін-т, 1991–1992. – 340 с.
5. Seton-Watson, H. Nations and States. An Enquiry into the Origins of Nations and the Politics of Nationalism / H. Seton-Watson. – Methuen – London : University Printing House, Cambridge, 1977. – 564 p.
6. Ребет, Л. Теорія нації / Л. Ребет. – Львів : Всеукраїнський політичний журнал «Державність», 1997. – 192 с.
7. Wiatr, J. Naród i Państwo. Socjologiczne problemy kwestii narodowej / J. Wiatr. – Warszawa : Książka i wiedza, 1969. – 440 s.

8. Deutsch, K. W. Nationalism and Social Communication: An Inquiry into the Foundations of Nationality / K. W. Deutsch. – Cambridge, Massachusetts and London, England : Massachusetts Institute of Technology, 1966. – 346 p.

9. Szacki, J. Kłopoty z pojęciem narodu / J. Szacki // Humanistyka przelomu wieków ; pod red. J. Kozielińskiego. – Warszawa : Żak, 1999. – S. 150–161.

10. Тишков, В. А. Этничность, национализм и государство в посткоммунистическом обществе / В. А. Тишков // Вопр. социол. – 1993. – № 1–2.

11. Струкевич, О. К. Українська ранньомодерна нація: історико-етнонаціологічні аспекти дослідження / О. К. Струкевич // Україн. істор. журн. – 2001. – № 5 (440). – С. 3–22.

12. Комарофф, Д. Национальность, этничность, современность: политика самоосознания в конце XX в. / Д. Комарофф // Этничность и власть в полиэтничных государствах. – М. : Наука, 1994. – С. 35–70.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 09.10.2015

Ivanchin G.I. Nation: The main Approaches to the Definition of the term «nation» from the middle of the 19th century till the end of the 20th century

In this article the following points are covered: the main approaches to the definition of the term «nation» from the middle of the 19th century up to the end of the 20th century, connotations of this term in historical retrospect starting from the period of the Middle Ages and the idea of creating of such independent scientific discipline as Natiology. A special attention is given to the approaches, where all the considered models of typologization of nation are accumulated in two principally different theoretical and methodological directions. These are primordial and constructivist (or modernistic).

В.Н. Ватыль

*д-р полит. наук, проф., зав. каф. политологии
Гродненского государственного университета имени Янки Купалы*

ПОНЯТИЕ СПРАВЕДЛИВОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ДЖ. РОЛЗА*

На основе структурно-функционального и дискурсивного подходов рассматриваются место и роль концепта «справедливость» в работе «Теория справедливости» крупнейшего западного политического философа Дж. Ролза. «Теория» Ролза являет кардинальное переосмысление классической теории общественного договора. Новая версия общественного договора представлена Ролзом как некоторая гипотетическая ситуация, в которую должны быть помещены люди, выбирающие принципы справедливого социального общества. К таковым принципам он относит идею исходной позиции, идею «покрова неведения», идею приоритетных благ. В статье дается системный дискурс-анализ этих идей.

В структуре идейно-символического пространства современного либерального политического дискурса определяющее место занимают представления о нормативных началах политического общежития. Одним из таковых является понятие справедливости. Цель статьи – характеристика понятия справедливости в работе патриарха западной политической философии – Джона Ролза «Теория справедливости» (1971).

Провозгласив справедливость «первой добродетелью общественных институтов», Ролз видит главную задачу политической философии в формулировке основных принципов либерального устройства общества. Поэтому свой вариант идейно-символического пространства либерализма он, с одной стороны, излагает как обоснование концепции справедливости как честности. С другой стороны, теория справедливости Ролза представляет собой современный вариант теории общественного договора. В отличие от классических вариантов этой теории Ролз значительно пересмотрел понятие общественного договора: для него это некоторая гипотетическая ситуация, в которую должны быть помещены люди, выбирающие принципы справедливого социального общества. Ключевыми для ролзовского понимания общественного договора являются три идеи: идея исходной позиции, идея «покрова неведения» и идея приоритетных благ.

Исходная позиция (ИП), по замыслу Ролза, моделирует ситуацию выбора, которая обеспечивает свободу и равенство каждого участника. Определяющая идея здесь сводится к тому, что принципы справедливости должны и могут быть определены только в условиях свободы и равенства. Суть исходной позиции сводится к состоянию, в котором находятся индивиды при определении содержания общественного договора. Исходная позиция не описание некоего природного состояния, это эвристический прием для выработки принципов процедурной справедливости [8, с. 113–120].

Одна из главных характеристик исходной позиции – «занавес неведения». Благодаря ему все участники договора изначально находятся в равном положении, т.е. не знают или игнорируют знания о том, какими ресурсами и возможностями они наделены в реальной жизни. Занавес неведения исключает информацию о принадлежности участников к социальному слою или классу, о занимаемой должности, профессии, о материальном достатке, таланте, уме, физической силе, природе существующего общества. Этим приемом Ролз пытается смягчить негативное условие тех обстоятельств, которые толкают людей использовать природные блага и социальные условия

* Статья подготовлена в рамках темы ГПНИ «Идейно-символическое пространство политики в системе евразийской интеграции: общее и особенное» (А34-14).

в собственных интересах. «...Кажется разумным и приемлемым, что никто не должен получать преимущества или испытывать тяготы за счет естественных случайностей или социальных обстоятельств» [8, с. 129]. Такое неведение обеспечивает беспристрастность и дает возможность принять решение, исходя не из эгоистических, а из общих интересов. Эта ситуация также исключает возможность образования каких-либо коалиций, направленных против меньшинства. В таких условиях каждый человек будет стремиться защищать положение потенциально наиболее бедных и обделенных, поскольку нельзя быть уверенным, что не попадешь в дискриминируемую группу. Таким образом, считает Ролз, общество избавится от национальной, религиозной и других видов дискриминации.

Предмет договора составляют два моральных принципа справедливости. Первый обосновывает политические свободы и требует равенства в распределении основных прав и обязанностей: каждый имеет право на свободу, совместимую со свободой других. Второй принцип ориентирует на наибольшее благо для большинства: экономическое и социальное неравенство справедливы только тогда, когда несут общую пользу и компенсируют потери наиболее незащищенным членам общества. Этот принцип, согласно которому допустимо не любое неравенство, а только такое, которое максимизирует минимум. Следовательно, критерием максимизации становятся позиции наиболее слабых [8, с. 137].

Ролз настаивает на том, что «свободные и рациональные индивиды, преследующие свои интересы, в исходном положении равенства» примут именно эти принципы «в качестве определяющих фундаментальные соглашения по поводу своего объединения» [8, с. 138]. Цель концепции ИП – в конструировании рациональных условий, однозначно определяющих выбор данных принципов. Вместе с тем Ролз акцентирует внимание на ряде необходимых предусловий ИП, которые гарантируют выбор двух указанных принципов. Эти условия предполагают существование достаточно широкого спектра требований, предшествующих ИП. Прежде всего они касаются характеристики автономных рациональных участников договора и, как ни странно, социальных обстоятельств.

Каковы же эти индивиды, совершающие в ИП единственно возможный выбор? Самое главное условие, которое Ролз оговаривает, – все участники, находящиеся в ИП, «должны быть моральными личностями, созданиями, которые имеют свою концепцию блага и способны к чувству справедливости» [8, с. 144]. Один из первых российских исследователей творчества Ролза – Т. Алексеева – дала собирательный портрет участников ролзовского договора. Они «почитают себя свободными и равными личностями. Они моральны в том смысле, что по достижении разумного возраста приобретают чувство справедливости и признают это за другими. Они равны, так как считают друг друга способными иметь право определить принципы справедливости. Они свободны, так как полагают, что, во-первых, на них возложена задача разработать общие институты во имя фундаментальных целей и интересов, и, во-вторых, они не считают себя неразрывно связанными с определенными высшими целями в любое данное время, а способны пересматривать и изменять эти цели по разумным и рациональным причинам. ...Участники признают необходимость и возможность сотрудничества, предпочитая компромисс насилию» [9, с. 155; 10, с. 364].

Подобная концепция индивида, на наш взгляд, упирается в существенную проблему: откуда появляется такой индивид и как заставить работать эту инструментальную рациональность в стерильных условиях отсутствия каких-либо личных предпочтений у автономных и безразличных друг другу индивидов? Ответ на этот вопрос требует рассмотрения одного из самых интересных феноменов теории справедливости Ролза – цели. На них, к сожалению, не обратили должного внимания многие критики Ролза

(например, Сандел, Тейлор, Кроули), которые прежде всего сконцентрировались на бестелесном и внекультурном характере рационального «Я» участников ролзовского консенсуса.

Для того чтобы заставить «работать» эту инструментальную рациональность, Ролз вводит в ИП цели, т.е. предпочтения, которые бы задали первичную мотивацию выбора. Эти предпочтения детерминируются моральной способностью индивидов как рациональных существ к определенному чувству справедливости и сводятся Ролзом к предпочтению на основе моральных интуиций первичных социальных благ, основных свобод, доходов и уровня благосостояния. Но для рациональных существ, обладающих рациональностью в узком телеологическом смысле, любые нормативные идеи могут представляться лишь в понятиях интересов и благ. Поэтому люди в ИП могут воспринимать права (право печати, слова, совести и т.д.) как категорию благ среди прочих благ, и для них вопрос о чувстве справедливости может стоять лишь в контексте чувства справедливого распределения основных благ [8, с. 156–163].

Таким образом, хотя участники ничего не знают о своих конкретных целях, предполагается, что все они в процессе заключения договора движимы стремлением к определенным приоритетным благам. Это «первичные социальные блага, <которые> включают права и свободы, возможности, доходы и богатства. (Очень важное первичное благо представлено чувством собственного достоинства)» [8, с. 352]. Более конкретно, это политические свободы, свобода слова, печати, ассоциаций, совести, свобода передвижений и выбора профессии, а также социальных ролей на фоне разнообразия возможностей.

Но почему рациональные личности предпочитают именно эти блага? Что детерминирует эти блага? Здесь возможны два ответа: во-первых, то, что считается первичным благом, зависит только от естественных факторов человеческой психологии; во-вторых, понятие приоритетных благ определяется моральной концепцией личности, воплощающей некий идеал. Ролз делает выбор в пользу последней альтернативы. «Первичные блага характеризуются тогда как то, чего хотят люди, будучи свободными и равными гражданами, а также нормальными членами общества, сотрудничающими всю свою жизнь» [8, с. 363].

Здесь возникает некоторая неясность. «Чувство справедливости, детерминирующее предпочтение определенного набора благ, не является естественным фактором, оно характеризует людей, уже живущих в обществе. Для того чтобы воспитать конкретное «чувство справедливости», требуется конкретное «вполне упорядоченное общество». «Предикаты, используемые в формулировке принципов <справедливости>, должны выражать общие свойства и отношения ...и выступать в качестве публичной хартии вполне упорядоченного общества» [8, с. 379]. И Ролз определяет набор необходимых условий, которые гарантируют данный вектор предпочтений: это свободный рынок, частная собственность на средства производства, моногамия семьи, защита законом свободы мысли и совести. Это именно те социальные институты, которые должны воплощать в жизнь и развивать два принципа справедливости и принятие которых является целью первоначального договора.

Представляется, что положение о заранее заданном предпочтении определенного набора первичных социальных благ в ИП существенно ослабляет универсальный характер конструкции Ролза. По замыслу автора, позиция субъектов в ИП должна формировать идеальные условия для беспристрастности рационального выбора. Но разум в ИП Ролза не сводится к чистой рациональности (несмотря на интенции автора) – он опирается прежде всего на аксиоматическое утверждение существования общих моральных интуиций: «идея некоторого соглашения может преуспеть только если ее условия фактически широко признаны» [8, с. 384]. «Есть такие вопросы, на которые дол-

жен иметься определенный ответ. Например, мы уверены в том, что религиозная нетерпимость и расовая дискриминация несправедливы... То, во что мы верим, – беспристрастное суждение. Эти убеждения – наши временные опорные точки, с которыми должны сопоставляться любые концепции справедливости» [8, с. 389].

Введением в качестве базовой компоненты ИП чувства справедливости и списка приоритетных благ Ролз, по сути, устраняет декларируемый им ценностно-нейтральный характер ИП. В контексте данного рассмотрения следует отметить, что, являясь основой морального консенсуса, чувство справедливости и его сущностное наполнение (набор приоритетных благ) выполняют скорее функции фонового понимания, а не независимых составляющих универсальной процедуры договора [8, с. 397]. Описание взаимоотношений индивидов в ИП разворачивается на фоне существования в их сознании представлений «о должном», отсылающих к реальному ценностному консенсусу граждан либерально-демократических государств. Построение Ролза опирается на приоритет именно либеральных ценностей, имплицитно присутствующих в культуре демократических обществ: ценностей индивидуального человеческого существования, ценностей реализации целей человека и приверженности определенному типу рациональности. ИП Ролза соотносится (и достаточно жестко) с политической доктриной развитой демократии: оно имеет конкретное историческое содержание с вполне определенными действующими лицами. «Потребовался длительный период развития определенных институтов и практик, правления закона, правил уважения равенства, обычаев совместных обсуждений, индивида» [8, с. 399].

Таким образом, мы приходим к фундаментальному противоречию: с одной стороны, существование ИП предполагает некое предзаданное значение моральных ценностей: «люди должны решить заранее, как они будут регулировать свои претензии друг к другу и какова должна быть основная хартия их общества» [8, с. 292]; с другой стороны, сама суть теории справедливости, которую Ролз определяет как чисто процедурную справедливость, исключает любую предзаданность [8, с. 395].

Это теоретическое противоречие приводит к возможности достаточно неприятных практических последствий в случае реализации ролзовской концепции. Похоже, схема процедурной справедливости, очерченная Ролзом, не учитывает существования других представлений о справедливости в иных культурных контекстах, с совершенно иным списком приоритетных благ. Так, в брахманизме идея справедливости (в отличие от западного ее понимания) не сводится к равенству или принципу равного гражданства. Неравенство данных людям от природы способностей в сочетании с неравенством их социального и культурного статусов, закрепленных в кастовой системе, считаются столь необходимыми, что без этого общественные отношения перестают быть справедливыми. Индийская традиция требует не только сохранения различий, но и признания их ценности: равенство не достигается сведением к минимуму неравенства людей. Многообразие является самой природой реальности, и попытка избежать неравенства сопряжена с насильственным уравниванием неравных, а это влечет за собой неравенство между теми, кто принуждает, и теми, кого принуждают [10, с. 199; 11, с. 119–134]. Подчеркнем, что в некоторых культурах мораль глубоко контекстуальна, она вообще не придерживается никаких абстрактных принципов: правила меняются с ситуацией. Так, в контексте культуры Хабаро обмануть иностранца при торговле считается морально принятой практикой, в то время как обман соплеменников наказуем. Действия сами по себе не являются плохими или хорошими, их оценка ситуативна. Такие примеры можно приводить бесконечно, но, пожалуй, все они будут примерами, описывающими моральные установки традиционных холистских обществ, где идеал справедливости соотнесен с коллективом, а не с автономным индивидом, как у Ролза (да и вообще во всей традиции либерального права).

Впрочем, даже внутри обществ с развитыми либерально-демократическими традициями можно найти сторонников иных, чем предлагает Ролз, понятий справедливости. Например, утилитаристы, утверждающие, что в основе нравственности должно лежать стремление к наибольшему счастью наибольшего числа людей и цель развития человечества состоит в максимизации всеобщей пользы. Судя по тому, что Ролз называл утилитаризм «доминирующей систематической традицией в современной моральной философии» [8, с. 43], сторонников приоритета блага над правом было (во всяком случае, к 1971 г.) не так уж и мало.

Каким же образом в условиях множественности представлений о справедливости может быть достигнут консенсус участников договора в рамках предложенной Ролзом универсальной схемы? Возможны несколько сценариев, и ни один из них не будет благоприятным. Если признать наличие плюрализма во взглядах на справедливость, то тогда существенно должен измениться список предложенных Ролзом приоритетных благ, необходимых для того, чтобы люди, находясь за «занавесом неведения», приняли бы два принципа справедливости. Предусловия «рефлексивного равновесия» будут изменены, цепочка разорвана, процедура нарушена и справедливое решение не будет достигнуто. Но все же в этих условиях сохраняется хотя бы первый принцип (имеющий приоритет над вторым) – свободы мысли и совести, слова и собраний, политических свобод при абсолютной неотчуждаемости свободы мысли и совести.

Но возможен и другой вариант. Общественное согласие по определенной концепции благ, выдвигаемое в качестве предусловия в ИП, вероятно, достижимо и в условиях множественности концепций блага. Но при наличии различий приоритетов оно будет достигнуто только благодаря давлению государственной власти. Следовательно, нарушается первый принцип – принцип индивидуальных свобод участников договора.

Нельзя не отметить, что в более поздних работах Ролз все-таки признал присутствие тени вполне определенного общества в своей чисто процедурной теории справедливости. Политическая доктрина демократического общества может с уверенностью предположить, таким образом, что все участники политической дискуссии о правах и справедливости признают эти ценности (приоритетные блага), понимаемые в достаточно общем виде. Если члены общества этого не делают, то проблемы политической справедливости в той форме, в какой они нам знакомы, может не возникнуть» [13, с. 78].

Таким образом, Ролз скорее дал не процедурное объяснение выработки беспристрастного суждения о морально-политических вопросах, а нормативное историко-политологическое описание справедливости, имеющее место у граждан развитых демократических государств.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Малинова, О. Ю. Символическая политика / О. Ю. Малинова // Конструирование представлений о прошлом как властный : сб. науч. тр. – М. : ИНИОН РАН, 2013. – Вып. 1. – С. 15–17.
2. Малинова, О. Ю. Идеино-символическое пространство постсоветской России: динамика, институциональная среда, акторы / О. Ю. Малинова. – М. : РОССПЭН, 2013. – С. 5–21.
3. Политическая наука: новые направления / под ред. Р. Гудина и Х.-Д. Клингеманна. – М. : Вече, 1999. – С. 699.
4. Политическая наука в Западной Европе / под ред. Х.-Д. Клингемана. – М. : Аспект-Пресс, 2009. – С. 12.
5. 22 идеи о том, как устроить мир. Беседы с выдающимися учеными / под. ред. П. Дуткевича и Р. Саквы. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2014. – С. 30–61.

6. Красин, Ю. А. Идеология в трансформирующемся мире: штрихи к новому видению / Ю. А. Красин // Полис. – 2014. – № 6. – С. 149.
7. Макеева, Л. Б. Предисловие / Л. Б. Макеева // Современный либерализм: Ролз, Берлин, Дворкин, Кимлика, Сэнди, Тейлор, Уолдрон. – М. : Дом интеллект. книги, Прогресс-Традиция, 1998 – С. 9–10.
8. Ролз, Дж. Теория справедливости / Дж. Ролз. – Новосибирск : Изд-во Новосибир. ун-та, 1995. – С. 536.
9. Алексеева, Т. А. Современные политические теории / Т. А. Алексеева. – М. : РОССПЭН, 2000. – С. 155.
10. Алексеева, Т. А. Политическая философия: от концепций к теориям / Т. А. Алексеева. – М. : МГИМО ; РОССПЭН, 2007. – С. 364.
11. Бонгард-Левин, Г. М. Древнеиндийская цивилизация / Г. М. Бонгард-Левин. – Изд. 2-е. – М. : Наука ; Восточная литература, 1993. – С. 199.
12. Буддийский взгляд на мир. – СПб. : Андреев и сыновья, 1994. – С. 119–134.
13. Ролз, Дж. Идея блага и приоритет права / Дж. Ролз // Современный либерализм: Ролз, Берлин, Дворкин, Кимлика, Сэнди, Тейлор, Уолдрон. – М. : Дом интеллект. книги, Прогресс-Традиция, 1998. – С. 78.
14. Кукатас, Ч. Либеральный архипелаг. Теория разнообразия и свободы / Ч. Кукатас. – М. : Мысль, 2011. – С. 482.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 01.09.2015

Vatyl V.N. The Concept of Justice in Political Theory by John Rawls

The article considers the role and place of the concept of «justice» in the «Theory of Justice» by the major Western political philosopher John Rawls on the basis of structural-functional and discursive approach. In fact, «Theory» by Rawls is a cardinal rethinking of the classical theory of the social contract. The new version of the social contract, represented by Rawls as some hypothetical situation, which should be placed people who choose principles of a fair social society. The author refers the idea of the original position, the idea of «veil of ignorance», and the idea of priority goods to those principles. The article presents a systematic analysis of the discourse of these ideas.

УДК [32+316]-043.86

Ю.П. Бондарь*канд. полит. наук, доц., ректор**Белорусского государственного университета культуры и искусств***ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И НЕОБХОДИМОСТЬ ФОРМИРОВАНИЯ
МНОГОПОЛЯРНОГО МИРОУСТРОЙСТВА: К НОВОЙ ПАРАДИГМЕ РАЗВИТИЯ***Раскрывается сущность глобализации и необходимость формирования многополярного мироустройства на основе национально-культурной идентичности всех народов современной цивилизации.***Введение**

Возможность определять «правила игры» на международной арене обусловлена местом страны в мировой иерархии. В условиях глобализации вес того или иного сообщества уменьшается, а зависимость от других возрастает прямо пропорционально иерархической удаленности или отсталости региона от «центра» (стран «золотого миллиарда»). Все это, разумеется, определяется по лекалам западных ценностей и критериев, которые навязываются в качестве универсальных принципов всему человечеству. Чрезвычайно важным здесь является то, что эта зависимость связана не только с военным и экономическим принуждением (как в случае натовской агрессии против Сербии, Ливии, военными угрозами в отношении Сирии и других неугодных стран или долгами перед МВФ).

Западные стандарты, или «правила игры», принимаются также и в силу предположения, что они ведут к благополучию и процветанию. Возможность приобщения к благам западной цивилизации становится своеобразным «пряником», ради которого страны «периферии», не вдающиеся в тонкости противоречий между сохранением своей культурно-цивилизационной идентичности и реальными условиями материального процветания западного типа, идут на шаги, ущемляющие их независимость и интересы. Это связано с эффектом ключевого механизма глобализации – информационно-пропагандистского пиара, направленного на формирование представлений о возможности для стран «периферии» достигнуть благополучия при условии подражания западной парадигме развития. В результате создается ситуация, когда глобализация, выгодная только западным странам, изображается как императив развития всего человечества.

Особенности глобализации на современном этапе

Глобализация – это не некий объективный процесс, а вполне управляемый механизм продвижения Запада на мировой рынок идей, услуг и товаров. Существует прямая связь между духовным и материальным аспектами этого управляемого процесса. Массовая культура, как идеологическая основа глобализации, стимулирует именно ориентацию на западное понимание развития производства и потребления. Массовая культура выступает в качестве рекламы, глобального пиара, цель которого – осуществить ценностную экспансию на страны «периферии» и сформировать добровольную зависимость потребителей от соответствующих западных товаров и услуг. И хотя дорогие машины и сантехника существуют лишь в рекламно-виртуальном мире, тем не менее в результате операции глобального пиара и коррозии ценностных ориентаций это виртуальное благополучие зачастую воспринимается потребителями в качестве реального.

В подобном обществе смыслом жизни становится примитивная идеология потребления, не имеющая ничего общего с базовыми принципами классической демократии: свободой, равенством, братством, честностью, гражданственностью. В результате постсоветские республики, оказавшиеся объектом экспансии массовой культуры потре-

бления, получают вместо демократии и благосостояния суррогат западной цивилизации псевдоценности, её социальные и духовные отбросы. Влияние такой культуры оказывается чрезвычайно негативным на постсоветское общество в силу её антигуманной природы. Отсюда результат: олигархия, маргинализация, преступность, наркомания, детская беспризорность, нравственная деградация – негативные явления, характерные для т.н. демократического развития постсоветских республик. Идейный и социальный хаос продуцирует еще большую ценностную зависимость постсоветских республик от Запада и ориентацию на него во всех сферах жизни. Ибо единственным выходом из кризиса считается безоговорочное принятие западных рекомендаций реформирования экономики и общества. Все это ведет не только к потере экономического и политического суверенитета, но и к полной утрате национально-культурной идентичности.

Если Советский Союз принадлежал к «центру» с точки зрения привлекательности и способности оказывать влияние на события в мире, то в 1990-е гг. постсоветские республики, за исключением Беларуси, стремительно деградировали в направлении «периферии». Сейчас наступил момент осознания представителями постсоветской элиты печального итога этих «преобразований» и начала формирования определенной идейно-политической базы для более трезвого и реалистического осмысления создавшейся ситуации. Стало очевидным, что глобализация является лишь идеологической ширмой коммерческих appetитов транснациональных корпораций и стратегических интересов Вашингтона. Руководство США уже не тратит энергии на формирование положительного образа страны в мире, все меньше прислушивается к голосу ООН и все чаще использует агрессивную фразеологию, будучи уверенным в своей безнаказанности.

Опыт современной истории показывает, что для реализации своих интересов западные страны используют разнообразные механизмы. С одной стороны, формируется система зависимости постсоветских республик от «центра» в виде кредитов Международного валютного фонда, Всемирного банка, политических «рекомендаций» Совета Европы, ОБСЕ, с другой – культивируется иллюзия возможности вступления их в клуб стран «центра» при условии послушного следования в фарватере политики Запада (партнерство с НАТО, программа «Восточное партнерство», ассоциация с Евросоюзом, принятие в ВТО) и отказа от укрепления собственной государственности и интеграции на постсоветском пространстве. Следование такому сценарию развития в постсоветское время не приблизило ни одну из стран СНГ к заветному благоденствию, поскольку путь к «центру» в современных условиях лежит в прямо противоположном направлении: не в попытках оторваться от «периферии» за счет конфронтации с другими постсоветскими республиками (наглядный пример – антироссийская политика нынешнего руководства Украины), а в отстаивании и продвижении собственных интересов и духовных ценностей.

Национально-культурная идентичность в условиях глобализации

Данная конкретизация и дифференциация имеет прямое отношение не только к демократии, но и к наметившимся общим направлениям подхода к кардинальному вопросу о соотношении внешних влияний и национально-культурного наследия в плане использования их в реализации стратегии развития Беларуси в современных условиях. Это отношение структурируется в соответствии с тремя основными позициями:

1. Западные ценности и связанная с ними транснациональная идентичность объявляются игнорируемыми высшие национальные ценности белорусов и их самобытной идентичности. Безусловно, эти изоляционистские принципы ведут к замкнутости и искусственному ограничению процесса модернизации экономики и политической культуры, к неоправданной гипертрофии консерватизма и провинциализма.

2. Определенные слои «национально-сознательной» интеллигенции трактуют культурное наследие восточнославянской общности и особенно русского народа как выражение отсталости, невежества и деградации и всячески возвеличивают западную цивилизацию как единственно прогрессивную. При этом сложный и противоречивый процесс становления независимых государств описывается с помощью политических клише западных политологов: «крах коммунизма», «развал советской империи», «торжество западной цивилизации». Поклонники западных ценностей в постсоветских республиках награждают всякое чувство и стремление к единению наших народов свойством «совковости». Сторонники принципа «заграница нам поможет» упускают из вида тот факт, что обещаемый скорый переход на рельсы западного процветания обернулся в ряде постсоветских республик экономическим крахом, приватизацией национальных богатств, накопленных старшими поколениями, финансовыми пирамидами и дефолтами. Однако они не унимаются и прибегают к средствам политической и идеологической демагогии. К такой демагогии относятся: строительство политических мифов и постоянный поиск «врагов свободы и демократии», неумные претензии на обладание истиной в последней инстанции, желание сразу добиться ошеломляющих результатов или хотя бы через «500 дней», наклеивание ярлыков на политических оппонентов.

3. Признание самоценности и самодостаточности как западной, так и восточнославянской идентичности, а также связанных с ними достижений в различных сферах материальной и духовной культуры. При этом естественным признается приоритет в белорусской культуре элементов, определяющих союз с Россией на уровнях историческом, политическом, экономическом, ментальном, в меньшей степени – на уровне религиозном.

Очевидно, что на пути защиты собственных интересов, интеграции на постсоветском пространстве, консолидации совместных усилий на международной арене постсоветские республики встретят сильное противодействие, ибо новые конкуренты Западу не нужны. Тем не менее есть ряд признаков, указывающих на то, что такой путь развития для постсоветских республик возможен.

Во-первых, это грядущая демифололизация политики глобализации. Уже сегодня видно, что «транснациональность» многих корпораций – один из современных мифов, так как все они имеют штаб-квартиры в конкретных столицах, их руководители имеют гражданство, основные налоги платят в «материнской» стране, менеджеры вполне ощущают свою национальную идентичность. В будущем национальная принадлежность ТНК станет еще более заметной, так как сильные государства в силу заинтересованности распространения своего международного влияния будут все более активно поддерживать свои ТНК. Страны с традициями сильного государства получают определенные преимущества в этом плане, так как их бизнес-элиты будут более лояльны к интересам своих стран, а правительства будут оказывать последним активную поддержку в реализации коммерческих проектов.

Соответствующая фразеология государственного прагматизма в США, России, КНР и других странах отражает зарождение новой парадигмы мирового развития, формулируемой в терминах национального интереса и многополярного мира. Лидерство в мире в этом плане будет пониматься как способность наиболее эффективно продвигать на международный рынок собственные идеи, услуги и товары силами своих транснациональных корпораций. Для постсоветских республик подобными корпорациями являются российские естественные монополии плюс совместные финансово-промышленные группы и интеграционные программы, работающие в атомной, оборонной, машиностроительной и других отраслях промышленности. Постсоветские республики должны всемерно стимулировать научную, культурную, экономическую и политическую

интеграцию, чтобы способствовать выходу отраслей промышленности на международный рынок.

Другим важнейшим признаком, указывающим на формирование новой парадигмы мирового развития, является преодоление в Беларуси и России «периферийного сознания» постсоветского времени, включающего такие элементы, как комплекс неполноценности (совковость), идеологию покаяния, ощущение пессимизма и безысходности. Выход из состояния «периферийного сознания» состоит в противодействии негативному влиянию примитивной западной массовой культуры как основного идеологического инструмента политики глобализации. Интеллектуальный и нравственный потенциал постсоветских республик следует максимально использовать, чтобы заинтересовать мир собой, иметь возможность предложить свои духовные и материальные достижения для строительства справедливого экономического и политического миропорядка, занять приоритетное место в развитии человечества.

Идея интеграции во многом опирается на поддержку достаточно многочисленных групп населения, которыми распад СССР воспринимается как зло или национальная трагедия, ассоциируется с экономическим кризисом и резким обострением социальных проблем. «Можно перечислить много причин такой нашей интеграционной активности на постсоветском пространстве. Это прежде всего выгодно для нас с точки зрения экономики. Ведь это наш рынок. И мы должны здесь быть едиными, мы все в этом заинтересованы» [1, с. 12].

Одним из мощнейших факторов, определяющих значимость реальной и относительно быстрой интеграции на постсоветском пространстве, следует считать фактор геополитический. Анализ развития интеграционных процессов на постсоветском пространстве убедительно свидетельствует о том, что они являются непосредственным отражением дальнейшего обострения геополитического противоборства в мире, в частности, за наследие бывшего Советского Союза. Анализ ситуации в мире показывает, что ни одна из стран СНГ, включая Россию, не сможет обеспечить в формирующихся новых международных отношениях свою субъектность в одиночку. Потенциал для выполнения роли субъекта может образоваться лишь в случае интеграции стран на постсоветском пространстве. Альтернатива – пребывание каждой из постсоветских стран на периферии центров силы, в зоне геополитического влияния которых они окажутся. Трудность здесь состоит в том, что на всем постсоветском пространстве только Россия обладает необходимыми ресурсами, опытом и стремлением к существованию в качестве независимого субъекта мировой политики и экономики. Все остальные республики бывшего СССР исторически были либо подчинены другим центрам силы, либо ассимилировались и интегрировались в другие политические структуры. На протяжении последних 200 лет такой структурой для них была Российская империя, а затем Советский Союз.

Перспективы современного мира

Интересы этих новых государственных образований имеют локальный характер, решить самостоятельно свои проблемы они зачастую не в состоянии, и основным вопросом для них является выбор внешнего полюса тяготения. Постсоветские страны уже сегодня имеют многовекторную ориентацию, оказываясь в зоне действий разных экономических и культурных центров. Эти процессы достаточно четко прослеживаются и в Центрально-Азиатском регионе, и в Закавказье, и в Украине и Молдове. В настоящее время идет активное формирование основных компонентов системы международных отношений, которым предстоит, видимо, определять расстановку сил в мире по крайней мере на ближайшие 20–30 лет. Новая структура международных отношений еще не сформировалась окончательно, но сегодня можно говорить о борьбе в процессе

ее создания двух тенденций – интеграционной и глобализационной: создания многополюсного мира и желание превращения современного мироустройства в однополюсный с доминирующим положением США. «Особенностью современных процессов глобализации является то, что ТНК и ТНБ заинтересованы в создании в незападных странах плацдармов для своего бизнеса каналов, через которые можно перекачивать сырье, материальные и финансовые ресурсы. Такая дирижируемая Западом глобализация предусматривает втягивание незападных государств в международное разделение труда, но только в его неокOLONIALном варианте (под какими бы красивыми лозунгами это ни делалось, например: «поддержка демократических реформ», «борьба с тоталитарным прошлым» или «утверждение общечеловеческих ценностей» и т.д.). Именно на такую асимметричную интеграцию направлены основные рекомендации Международного валютного фонда, Международного бюро реконструкции и развития» [2, с. 156].

Успехи или неуспехи постсоветской интеграции обычно рассматриваются лишь с экономической точки зрения, в то время как выявление реального интеграционного потенциала наших стран требует обобщающего политологического взгляда на проблему, основанного, в том числе, на дифференцированной оценке отдельных элементов культуры (соответственно, и отдельных областей интеграции) – историко-этнического, политического, ментального и социально-экономического. Вместе с тем следует признать, что степень цивилизационной, культурной и экономической общности стран СНГ является важнейшим интеграционным фактором. Главным побудительным мотивом интеграции стала потребность сохранения друг для друга стабильного и емкого совокупного открытого евразийского рынка. И даже если в результате структурной перестройки удастся повысить конкурентоспособность товаров на внешнем рынке, общий евразийский рынок не только не утратит своей привлекательности, но и получит мощные импульсы к дальнейшему развитию производства как в количественном, так и в качественном отношении.

Но кроме общего рынка в отношениях между республиками бывшего СССР продолжают действовать глубинные, долговременные факторы, обуславливающие необходимость их интеграции. Главный из них – сохранившаяся, несмотря на возникающие деформации, высокая степень хозяйственной взаимозависимости, которая базируется на отраслевом и суботраслевом разделении труда, региональных взаимосвязях, выходящих за границы новых государств, тесной кооперации на уровне предприятий и научно-технических учреждений. Предприятия оборонного комплекса, крупные объединения металлургии, химии, машиностроения, электротехники и приборостроения, относившиеся к промышленности союзного подчинения, составляют основу промышленного потенциала всех без исключения новых независимых государств и практически могут работать лишь в режиме тесной производственной и технологической кооперации.

Важную роль в обеспечении безопасности и устойчивого экономического развития начинает играть и такая интеграционная группировка с участием стран бывшего СССР, как Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). В нее вошли в качестве членов Россия, Китай, Казахстан, Киргизия, Таджикистан и Узбекистан. А Индия, Иран, Монголия и Пакистан участвуют как наблюдатели. Сегодня ШОС, объединяющая страны с общим населением около 3 млрд человек, многими международными экспертами оценивается как еще один крупнейший полюс силы, формирующийся на основе принципов регионального единения и цивилизационного родства. Получив явную (в том числе военно-политическую) поддержку России и Китая, другие среднеазиатские страны начали демонстрировать способность к определенной независимости от деструктивной деятельности США и готовность в случае усиления давления на них вырабатывать новые формы отражения этого давления посредством механизма ШОС.

В настоящее время речь уже идет о необходимости создания мощного евразийского союзного государства. Для этого сегодня складываются уникальные возможности: глобальные изменения в международной системе неизбежно ведут к новой геополитической реальности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лукашенко, А. Г. Беларусь в современном мире : выступление Президента Республики Беларусь на встрече со студентами и преподавателями БГУ, 12 фев. 2008 г. / А. Г. Лукашенко. – Минск : БГУ, 2008.

2. Орлова, И. Б. Современные цивилизации и Россия / И. Б. Орлова. – М. : ИСПИ РАН, 2000.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 18.02.2015

Bondar Y.P. Globalization and the Necessity of Formation of Multipolar World Order

The article reveals the essence of globalization and the necessity of formation of a multipolar world order, which is based on the national and cultural identity of all people of modern civilization.

УДК 32.01

Н.А. Антанович*канд. полит. наук, доц., доц. каф. политологии
Белорусского государственного университета***КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ДИНАМИКА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЙ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА»,
«ПОЛИТИЧЕСКАЯ СЕТЬ», «СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО»,
«ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ»**

Понятие «политическая система» является обобщающей категорией, позволяющей комплексно изучать процессы принятия решений в зависимости от динамики общественно значимых проблем. Понятие «политико-административная система» выступает инструментом изучения государственного и политического управления. Поисковой зоной в развитии политической теории являются концепции политических сетей, социального и политического пространства, которые используются для изучения полицентричных, изменчивых взаимодействий социальных акторов. Отличительной характеристикой категорий социальное и политическое пространство является социальный конструктивизм, направленный на разработку приемов институциональной и символической организации социума. Понятие «политическое поле» эффективно для анализа идеологической конкуренции субъектов политики в социально-проектной деятельности.

Цель статьи – выявить динамику ключевых категорий политической науки с точки зрения их объяснительного потенциала в политическом анализе.

Фундаментальные изменения в науке всегда касаются средств и методов познавательной деятельности в целом и изменения категориального аппарата в частности. В середине XX в. сложилась теория политических систем, надолго определившая категориальный аппарат политической науки, а термины «политическая система», «подсистема политики», «тип политической системы», «политический режим» стали основополагающими для политологического дискурса. В XX в. представления о специфике системного и институционального подходов к анализу политической системы вошли в теоретическое основание и политической науки, и конституционного права.

Классик системного подхода Д. Истон развивал идею целедостижения как основополагающую для политической системы. Политическая система у Истона, по сути, являлась методологическим средством анализа того, как импульсы «входа» («требования») преобразуются в решения и действия властных институтов на «выходе». Детализацию изучения политической системы обеспечил политический функционализм (в форме структурно-функционального подхода). Работы Г. Алмонда, С. Вербы, К. Дойча продемонстрировали продуктивность понятия «политическая система», благодаря которой стало возможным анализировать политические институты, исполнение индивидами политических ролей, а также исследовать коммуникационные процессы. Выделение *функций системы (System functions), процесса (Process functions) и политического курса (Policy level functions)* [1] стало классическим в политической науке. Модель политической системы «вход – выход» обладает объяснительным потенциалом для изучения государственного и политического управления.

Для конкретизации изучения процессов государственного и политического управления используется понятие «политико-административная система». Она включает совокупность взаимоотношений между: а) структурными элементами системы государственной власти (политическое руководство – законодатели – исполнительная власть); б) исполнительной властью (в лице государственных служащих) и гражданами, а также их организациями [2]. При построении модели политико-административной системы учитывается соотношение политического и административного управления

в каждой конкретной стране. Однако описанная выше модель должна наполняться анализом напряженных взаимоотношений (в форме конкуренции за власть и принятие решений), возникающих между реальными акторами политического поля. Подобные конкретные разработки актуальны для белорусской политологии.

Развитие любой науки рассматривается через смену методологических подходов. В политической науке в качестве таковых традиционного выделяют бихевиоризм, системный анализ, функционализм, теорию рационального выбора, неоинституционализм [3, с. 34–35]. Под влиянием постмодернистских изменений в политической науке начали использоваться новые термины, значительное внимание уделяется анализу политического дискурса (как совокупности коммуникативных практик), получил применение сетевой подход. Приведем здесь две цитаты, указывающие на серьезные концептуальные перемены в современных социальных науках. Первый пример. Известный социолог П. Штомпка призывал к преодолению «системно-организмических моделей общества» и «дихотомии социальной статики и динамики» [4, с. 25]. Второй пример. И.Л. Прохоренко отмечает, что «политологи обратили пристальное внимание на неинституциональные факторы, определяющие специфику и динамику политических процессов (демографические, этно- и социокультурные изменения, перемены в ценностных предпочтениях) с целью преодолеть макросубъектный подход» [5, с. 68].

Итак, поисковой зоной в развитии системной теории являются концепции политических сетей, социального и политического пространства и поля. Перейдем к их рассмотрению.

Сетевой подход (network approach) направлен на осмысление процессов, происходящих в обществе под влиянием современных информационно-коммуникативных технологий (ИКТ). Сетевой подход основан на применении понятий «социальная сеть» и «политическая сеть» (сопряженные понятия: «сетевое общество», «сетевое управление», «сетевые войны»). Политические сети изучали Д. Ноук и Дж. Куклински, Р. Родес, Т. Берцель, М. Кастельс, Э. Хейвуд, Дж. Петерсон, Л.В. Сморгун, А.В. Олескин, А.В. Курочкин. Работа Д. Ноука и Дж. Куклински по сетевому анализу была опубликована еще в 1982 г. [6].

Организация социальной жизни может быть основана как по иерархическому, так и по сетевому принципу, описывающему неформальные социальные взаимодействия на протяжении всей человеческой истории. Хотя социальные и политические сети не являются «изобретением» информационного общества, однако именно в нем приобретают принципиально новые характеристики. «Сетевые структуры» XXI в. – «феномен постмодерна». Политические события, явления культуры и даже личной жизни предстают в форме потоков сообщений. Меняется социальная структура, связь человека с конкретными территориальными сообществами ослабевает, а возможности современных ИКТ и интернет-коммуникации позволяют создавать экстерриториальные группы на основе личного выбора и интереса.

Политическая сеть – разновидность социального сообщества, которое на неформальной основе связывает между собой политических субъектов со сходными политическими позициями, убеждениями, интересами. Политические сети могут формироваться и на уровне элитарных группировок («железные треугольники», включающие представителей законодательной, исполнительной власти и лоббистов), и на уровне широкого массового взаимодействия. Политико-управленческие сети соединяют государственных и негосударственных акторов. Современные ИКТ позволяют использовать сетевое взаимодействие в государственном управлении для обратной связи между центрами принятия решений и обществом (e-government).

Для описания и анализа *полицентричных, постоянно воспроизводимых, изменчивых взаимодействий* социальных акторов используют понятия *социального и полити-*

ческого пространства, политического поля. Самые ранние упоминания понятия «социальное пространство» встречаются в работах Г. Зиммеля, П. Сорокина, а позднее – П. Бурдьё, М. Фуко. Согласно П. Бурдьё, социальное пространство конструируется по различению позиций социальных агентов: место в социальном пространстве «может быть охарактеризовано через его релятивную позицию по отношению к другим местам ... и через дистанцию, отделяющую это место от других» [7, с. 35–36]. П. Бурдьё исследовал, как социальное пространство вписывается в физическое пространство, воплощаясь в архитектуре и топонимике городов, фиксируя символические позиции различных правящих элит. Концепция М. Фуко основывалась на особом наборе понятий, куда наряду с понятиями «власть», «дискурс», «знание», «стратегия» входил термин «пространство». М. Кастельс использовал понятие «пространство потоков»: информационные потоки кардинально меняют традиционное географическое и городское пространство, переплетаются с ним [8].

А.Т. Бикбов и С.М. Гавриленко отмечают, что «всякое социально-теоретическое описание общества, при всем многообразии существующих подходов, в основе своей содержит пространственную схему, которая приписывает социальному миру ту или иную предельную форму упорядоченности» [9, с. 1].

Г.А. Аванесова и О.Н. Астафьева предлагают такое определение *социального пространства*: это «характеристика социального восприятия и моделирования человеком окружающего мира с точки зрения его геотерриториальной протяженности, историко-временных особенностей, а также в аспекте его ценностно-смысловой определенности» [10, с. 367].

А.Ф. Филиппов провел анализ социального пространства, выявив его аналитико-прогностические возможности [11]. Социум рассматривается как: 1) нечто наблюдаемое, месторасположение тел; 2) место взаимодействия акторов в зависимости от их социальной дистанции; 3) символическое пространство конструирования социума и дискурс об этом конструировании.

Понятие пространства мыслится вместе с его характеристиками: место (расположение, протяженность, размерность, система координат) – граница – дистанция. С нашей точки зрения, понятие социального пространства:

- 1) позволяет анализировать текущие, изменчивые социальные практики;
- 2) приобретает свои специфические формы в определенном физико-географическом, предметном пространстве (объективация и материализация);
- 3) имеет культурно-историческую (цивилизационную) специфику;
- 4) имеет сложное строение, включая различные подпространства/поля (политическое, правовое, символическое, экономическое);
- 5) содержит идеально-конструирующую (ментальную составляющую), формируясь в определенном бытии, оказывает на него конструирующее воздействие (оно объективируется в определенном типе культуры).

Социальное пространство конструируется на основании определенных проектов/стратегий. Природно-географическое и даже физическое пространство рассматриваются как проекция ментальной составляющей социального пространства.

Как бытийный феномен современное социальное пространство конструируется благодаря ИКТ и предстает исследователю как *сеть действий*, совершаемых в определенном пространственно-временном континууме (ситуация) социальными акторами/агентами. Конфигурация различных пространств определяется силовыми отношениями между акторами/агентами действия, т.е. их стремлением к доминированию, обладанию тем или иным видом капитала, стремлением сохранить/изменить свои диспозиции (т.е. «места» в социальном пространстве).

Современная эпоха – время борьбы за социальное пространство (не столько за природно-географическое, сколько за политико-идеологическое и символическое пространство). Социальное пространство специфическим образом отражается в сознании, затем мы конструируем свое пространство жизни. Д.В. Михалевский верно отмечает: «На каждом историческом этапе социальное пространство и его структуры отражают уровень и структуру развития сознания человека» [12, с. 4].

Как мы уже отмечали выше, формами организации социального пространства могут быть *иерархии и сети*. Иерархии социальных акторов жестко организованы и достаточно сильно «привязаны» к физико-географическому пространству (например, обладание недвижимостью, гражданство). Социальные сети формируются неиерархическим способом, являются экстерриториальными, обладают достаточно высоким потенциалом социальной мобилизации. В современной социальной науке особое внимание уделяется изучению взаимодействия *пространства мест* и *пространства потоков* (пример: пространство мест изменяется благодаря высокой скорости физических перемещений индивидов; возможности удаленной работы и предоставления услуг кардинально меняют социум, создаются «чартерные города»).

Применительно к «социальному пространству» корректней говорить *не просто о структуре, а о его внутреннем строении (конфигурации)*: не все элементы выстроены иерархично, многие рядоположены, построены по сетевому принципу.

Социальные дистанции между акторами влияют на формирование политического пространства, а диспозиции акторов вместе с «напряжениями» между ними определяют конфигурацию *политического поля*. Примеры борьбы за социальное и физическое пространство, которые трансформируют социум, – этнические чистки, депортации, приводящие к захвату земли и недвижимости.

Следует отметить *нарративность* термина «социальное пространство». Она проявляется в желании «все рассказать заново», т.е. переосмыслить социальную реальность в специфических терминах, преодолев жесткую дихотомию объективного и субъективного. Новая терминология делает акцент на текучести, фрагментарности и изменчивости. Концепт пространства побуждает исследователя ставить следующие вопросы: «Где происходит действие?», «Как мы воспринимаем, “отражаем” пространство» и «Как мы можем его формировать?», «Как индивиды и группы осваивают и преобразуют социальное пространство?». В духе социального конструктивизма ставится вопрос *о придании смысла* осваиваемому социальному пространству. К примеру, в монографии «Перформативность, политика и производство социального пространства» («Performativity, Politics, and the Production of Social Space»), вышедшей под редакцией Майкла Гласса и Робина Роуз-Редвуда утверждается: «Конституирование политического как пространства социального действия является перформативным. ... Теория политической перформативности подчеркивает непредсказуемость/случайность политики, лежащей в основе любого притязания на власть» [13, с. 7]. Авторы исходят из понимания перформативности как практичности, действенности речевых актов (по Дж. Остину) и роли дискурсивных практик в легитимации власти.

Итак, в социальном пространстве 1) реализуются различные практики по воспроизводству сложившихся отношений на основе устоявшихся в данном социуме ценностей, норм и правил; 2) структурируются новые социальные, экономические, политические и иные практики на основе статусных и мировоззренческих отличий. В различных социальных пространствах складывается свой порядок отношений и иерархий в силу диспозиций, занимаемых ключевыми акторами (диспозиции политических акторов формируют политические поля).

Проблематика социального пространства актуальна для современной политологии. Исследовательская проблема для политологов формулируется так: как социальное

пространство становится политическим и как социальные явления политизируются. К примеру, П.Н. Плугатаренко считает, что толчком для изучения категории «политическое пространство» стала «политизация всех сфер жизнедеятельности, качественное изменение управленческих технологий» [14, с. 3].

Понятие «*политическое пространство*» все более активно используется в современной политической науке. Изначально понятие «политическое пространство» стало концептуализироваться благодаря геополитическим изысканиям (Ф. Ратцель рассматривал государство как «пространственный организм»; Дж. Макиндер называл стратегически важным пространством «хатленд»). При этом политическое пространство приравнивалось к физико-географическому. Постепенный процесс введения термина «политическое пространство» в современный научный оборот шел под влиянием коммуникативного и сетевого подходов, неоинституционализма. Лейтмотивом названных направлений исследования является *социальный конструктивизм*, направленный на разработку приемов институциональной и символической организации социума. Ограниченность физико-материалистических представлений о политическом пространстве преодолевается. Обозначенную исследовательскую динамику фиксируют многие авторы. Приведем мнение И.Л. Прохоренко: «На сегодняшний день достигнуты несомненные успехи в концептуализации политического пространства: оно все менее жестко привязывается к территории, трактуется почти исключительно как “виртуальное”, хотя иногда и продолжает оставаться синонимом “территории” и “места”, т.е. излишне локализуется, сохраняя дуализм материального и воображаемого» [5, с. 69].

Современные специализированные научные работы по проблемам политического пространства написаны И.В. Котляровым, И.Л. Прохоренко, Г.В. Пушкаревой, А.С. Шустом. Среди ученых, разрабатывающих «политическое пространство», следует назвать Н.В. Гришину, Ю.Г. Жеглову, Н.В. Лунгову, С.А. Мартиросян, Д.Г. Мюллера, П.Н. Плугатаренко, Ю.В. Родионову, А.А. Эбзеева: в их кандидатских диссертациях политическое пространство стало основополагающим термином. В 2012 г. под редакцией Г. Фергюсона и Б. Джонса вышла книга «Политическое пространство: пределы изменений и управление в глобализирующемся мире».

В настоящее время в политической науке ученые активно включились в разработку понятия политического пространства и выявление его сущностных характеристик. Н.В. Гришин, например, указывает, что теория политического пространства является «одним из перспективных достижений постнеклассической науки, чей потенциал пока только реализуется» [15, с. 3–4]. Он считает, что политическое пространство есть «специфичный феномен политической сферы, образуемый поддержкой социальными агентами политического агента» [15, с. 5]. Г.В. Пушкарева утверждает, что политическое пространство является «одним из видов социального пространства, оно фиксирует дистанции и различия в области формирования, функционирования и развития политических властных отношений, т.е. охватывает не все многообразие социальных различий, а лишь те из них, которые связаны с политикой как особой системой взаимосвязей и взаимодействий в обществе» [16, с. 167]. П.Н. Плугатаренко определяет политическое пространство как «многоуровневое образование, в котором разворачиваются отношения по поводу завоевания, удержания и использования власти» [14, с. 18].

Политическое пространство существует как: а) объективное пространство существования/наличия политических акторов; б) интересубъективное и коммуникативное пространство взаимодействия акторов; в) символическое пространство борьбы за определенный идеологический проект устройства общества и государства.

Конфигурация политического пространства конституируется политическими различиями (дистанциями) и диспозициями акторов. Политическое пространство постоянно воспроизводится и конструируется в социальных практиках. Существенную

роль здесь играет идентичность политических элит и отдельных индивидов. Индивидуальная и коллективная идентичность рассматривается рядом авторов (И.Л. Прохоренко [5, с. 72], Г.А. Пушкарева [16, с. 169]) как фактор, конституирующий политическое пространство. Другой значимый фактор – осознание и воспроизводство социальных дистанций между акторами пространства на основе ряда различий (по обладанию различными видами капитала).

Поскольку в политическом пространстве возникают напряжения между его акторами, то постоянно формируются меняющиеся политические поля. Эта идея, высказанная П. Бурдьё, подхвачена множеством современных исследователей. Так, Д.Г. Ротман рассматривает политическое поле как категорию для обозначения «реального пространства, охватывающего территорию определенного государства, в границах которого осуществляется *противостояние идеологических концепций*, предлагаемых населению отдельными политиками, политическими объединениями, группами или альянсами, стремящимися получить правовыми или в отдельных случаях неправовыми методами властные полномочия». Внутренняя конфигурация политического поля имеет следующую структуру: «авансцена» – «ядро» – «периферия» [17, с. 4, 5].

С нашей точки зрения, инструментализация понятия «политическое поле» с применением дискурс-анализа позволяет: 1) проследить функционирование дискурсивного контроля в структуре массовой культуры; 2) выявить сравнительные характеристики политического дискурса официальных и неофициальных субъектов политики с точки зрения идеологической конкуренции в социально-проектной деятельности; 3) раскрыть особенности влияния интеллектуального поля на институционализированное дискурсивное поле политики (как в сфере публичной конкуренции, так в принятии государственных решений).

Применение в сфере государственного управления категорий социального и политического пространства заключается в акцентировании внимания на: 1) функционировании политико-административной системы; 2) неинституциональных факторах, определяющих динамику политических процессов; 3) особенностях формальных и неформальных практик поведения субъектов политики; 4) знаково-символическом представлении политики.

Таким образом, на протяжении десятков лет обобщающей категорией политической науки являлось понятие «политическая система», дополненное понятием «политико-административная система». Следует тщательно заботиться о кристаллизации и сохранении наработанного концептуального ядра теории политических систем, отличая его от поисковой зоны, в которой идет речь как о развитии терминологии, так и об объяснительных моделях политики. Концепции социального и политического пространства, политических сетей позволяют исследовать реалии современного информационного общества с характерными для него полицентричными взаимодействиями социальных акторов. Понятие «политическое поле» эффективно для анализа идеологической конкуренции субъектов политики в социально-проектной деятельности. Отличительной характеристикой категорий социальное и политическое пространство является социальный конструктивизм, направленный на разработку приемов институциональной и символической организации социума.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сравнительная политология сегодня: мировой обзор / Г. Алмонд [и др.] ; науч. ред. пер.: М. В. Ильин, А. Ю. Мельвиль. – М. : Аспект пресс, 2002. – 535 с.
2. Антанович, Н. А. Методология политического анализа процесса государственного управления / Н. А. Антанович. – Минск : БГУ, 2012. – 247 с.

3. Теория и методы в современной политической науке: первая попытка теоретического синтеза / под ред. С. У. Ларсена. – М. : РОССПЭН, 2009. – 751 с.
4. Штомпка, П. Социология социальных изменений / П. Штомпка ; пер. с англ. / под ред. В. А. Ядова. – М. : Аспект Пресс, 1996. – 416 с.
5. Прохоренко, И. Л. О методологических особенностях анализа современных политических пространств / И. Л. Прохоренко // Полис. – 2012. – № 6. – С. 68–80.
6. Knoke, D. Network Analysis. Beverly Hills / D. Knoke, J. Kuklinski. – CA : Sage, 1982. – P. 195–222.
7. Бурдьё, П. Социология политики / П. Бурдьё ; сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. – М. : Socio-Logos, 1993. – 336 с.
8. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс ; пер. с англ. / под научн. ред. О. И. Шкаратана. – М. : ГУ-ВШЭ, 2000.
9. Бикбов, А. Т. Пространственная схема социальной теории как форма объективации властного интереса теоретика: Парсонс, Фуко / А. Т. Бикбов, С. М. Гавриленко // Пространство и время в современной социологической теории. – М. : Ин-т социологии РАН, 2000. – С. 33–65.
10. Аванесова, Г. А. Пространство социальное / Г. А. Аванесова, О. Н. Астафьева // Социологический словарь / отв. ред. Г. В. Осипов, Л. Н. Москвичев. – М., 2014. – С. 367–368.
11. Филиппов, А. Ф. Социология пространства: общий замысел и классическая разработка проблемы [Электронный ресурс] / А. Ф. Филиппов. – Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/logos/number/2000_2/09.html. – Дата доступа: 30.05.2015.
12. Михалевский, Д. В. Формирование социального пространства и его структур (социально-философский анализ) : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / Д. В. Михалевский. – М., 2011. – 26 с.
13. Performativity, Politics, and the Production of Social Space / Edited by Michael R. Glass and Reuben Rose-Redwood. – New York : Routledge, 2014. – 278 p.
14. Плугатаренко, П. Н. Современное политическое пространство: особенности и тенденции его формирования (теоретико-методологический анализ) : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.01 / П. Н. Плугатаренко. – М. : [б.и.], 2012. – 21 с.
15. Гришин, Н. В. Политическое пространство как объект теоретических и прикладных политических исследований : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / Н. В. Гришин ; Волгогр. акад. гос. службы. – Волгоград, 2001. – 24 с.
16. Пушкарева, Г. В. Политическое пространство: проблемы теоретической концептуализации / Г. В. Пушкарева // Полис. – 2012. – № 2. – С. 166–176.
17. Методы социологического изучения особенностей функционирования политического поля / Д. Г. Ротман [и др.] ; под ред. Д. Г. Ротмана, В. В. Правдивца. – Минск : Бел. гос. ун-т, 2007. – 139 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 25.06.2015

Antanovich N.A. Conceptual Dynamics in Political Science: Comparative Analysis of the Concepts of «political system», «the political network», «social space», «political field»

The aim of the article is to reveal the dynamics of the key categories of the political science from the point of their explanatory capacity. The concept of «political system» is the generalizing category, describing a complex decision-making processes, depending on the dynamics of public problems. The concept of «politico-administrative system» is an instrument to study public administration and political governance. The concepts of political networks, social and political space, which can be used to study the polycentric, changing interactions of social actors are the heuristic area in the political theory development. A distinctive feature of the categories of social and political space is social constructivism, aimed to develop tools of institutional and symbolic organization. The concept of «political field» is effective in analyzing ideological competition and social engineering projects.

УДК 341.231.14-021.414

И.И. Котляр

*канд. филос. наук, проф., проф. каф. политологии и социологии
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина*

ПРИМЕНЕНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА В КОНТЕКСТЕ ПООЩРЕНИЯ И ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ОСНОВНЫХ СВОБОД

В статье раскрыты важнейшие аспекты проблемы: понятие традиционных ценностей; правильное понимание традиционных ценностей; необходимость расширения состава традиционных ценностей; практика изучения и применения традиционных ценностей в контексте поощрения и защиты прав человека. Статья адресована научным, педагогическим и идеологическим работникам, студентам, изучающим проблемы прав человека.

Для достижения цели и задач статьи необходимо ответить на ряд вопросов. *Первый* вопрос: **о каких традиционных ценностях идёт речь?** У каждого народа свои ценности; у белорусского народа свои:

1. Труд. Труд был и остается важнейшим способом добывания белорусами жизненных благ. Эта ориентация на производительную деятельность предопределяется рядом специфических факторов их существования. Во-первых, генетической предрасположенностью славян к добрососедским отношениям с другими народами: белорусы никогда не покушались на чужое добро и не вели завоевательных войн. Во-вторых, белорусы не располагали и не располагают такими природными ресурсами, благодаря которым они могли бы, подобно некоторым другим народам, обеспечить безбедное существование себе и своим будущим поколениям. В-третьих, привычка белорусов к труду сознательно культивировалось православным духовенством как базовая ценность славяно-русской цивилизации, где человек призван собственными усилиями, отношением к своим ближним и окружающей его природе создавать гармоничный, возвышенный порядок. В-четвертых, сложилось так, что белорусы в своей истории являлись в основном объектом эксплуатации со стороны представителей других этнических общностей, а значит, они не могли пользоваться трудом других.

2. Идеалы социального равенства и справедливости. У белорусов глубокая приверженность идеалам социального равенства и справедливости, неприятия унижающего человеческого достоинства какого бы ни было угнетения. Мир, разделенный на богатых и бедных, сильных и слабых, господ и слуг, всегда воспринимался белорусами как жесточайшая несправедливость. Такой мир, по убеждению белорусов, подлечит переустроению на началах равенства людей и принципах справедливого распределения между всеми членами сообщества выгод и тягот совместного существования.

3. Толерантность. Толерантность проявляется в уважительном отношении к людям, отличающимся своим темпераментом, складом мышления и образом жизни. Подавляющее большинство белорусов высоко ценят каждую черту своего характера. Ценится и такое качество, которое именуется белорусским словом «памяркоўнасць»; оно истолковывается как способность адаптироваться к существующим условиям, рассудительность, отсутствие склонности к крайним решениям и действиям, стремление достичь согласия со своими партнерами. Безусловно, этим своим качеством белорусы как бы восполняют такие черты характера, как неумение идти «средним» путем и отсутствие меры.

4. Терпимость. Так, для поведения белорусов характерным является терпимое отношение к иным этническим и конфессиональным группам и общностям. На бело-

русской земле находили себе укрытие и возможность спокойной жизни преследуемые в различных странах Европы и Азии категории населения: евреи, татарские переселенцы, русские старообрядцы и другие. История Беларуси не знает массовых эмиграций населения по причине национальной или религиозной нетерпимости. С другой стороны, у белорусов отсутствует мессианское сознание. У подавляющего большинства белорусов высоко ценится гостеприимство и бескорыстие. Высоко ценится и такая черта жизнедеятельности, как трудолюбие.

5. Коллективизм. Коллективизм есть основной принцип жизнедеятельности белорусов. Можно сказать и так: белорусы генетически тяготеют к коллективизму, но понимают и ценят значение принципа индивидуализма как в жизни отдельных людей, так и в жизни всего общества.

6. Гостеприимство и бескорыстие у подавляющего большинства белорусов, как говорится, в крови.

7. Свобода. Белорусы знают цену свободы. Вся история народа свидетельствует об активном сопротивлении иноземным захватчикам. Самый яркий пример – героический подвиг народа в годы Великой Отечественной войны.

Второй вопрос: Правильное понимание традиционных ценностей.

По нашему мнению, с точки зрения практики, важную роль играет **правильное** понимание ценностей общества. Рассмотрим это на примере понятия «свободы». Известно, что во Французской Декларации прав человека и гражданина 1789 г. свобода определяется как возможность делать все, что не вредит другому. Конечно, каждый имеет право на свободу. Но у каждого свое понимание свободы. Многие понимают свободу предельно широко как поведение без каких-либо ограничений, что на практике приводит к отрицательным результатам. В учебном процессе и воспитании конкретного человека необходимо исходить из того, что свобода есть прежде всего способность к самоуправлению.

Управлять другими, управлять целой страной могут лишь те, кто научился управлять собой, своими мыслями и чувствами, своей собственной стихией. Лишь те могут установить порядок в стране, кто установили порядок внутри себя, привели в порядок собственную волю и направили ее к высшей цели... Свобода не означает произвола, не означает, что каждый может делать «что в голову взбредет»; свобода предполагает уважение ко всякой человеческой личности, признание ее неотъемлемых прав, бережное отношение к собственной и чужой душе. Свобода невозможна без дисциплины, без обуздания и самоограничения, без подчинения себя той истине, которая и делает человека свободным. Свобода должна быть сопряжена с ответственностью; свободный человек не насилует, не ворует – он и другим дарует свободу.

Необходимо помнить, что нет человека, который не любил бы свободу. Но справедливый человек требует ее для всех, несправедливый только для себя; все тираны, когда-либо жившие на свете, тоже верили в свободу – в свободу для себя. А те, кто громче других кричит, требуя свободы, не очень охотно ее терпят, если свободой владеет большинство. Нельзя также забывать о том, что тенденция чрезмерного восхваления обеспеченности наносит ущерб свободе, что в обществе необходим принцип ограничения свободы.

Известный немецкий философ Гегель писал: «Когда мы говорим, что свобода состоит вообще в возможности делать, чего хотим, мы должны признать такое представлено полным отсутствием культуры мысли». Мы должны признать и то, что злоупотребление свободой всегда наносит обществу огромный вред. Этот тезис полностью соответствует рекомендациям, изложенным в резолюции Совета ООН по правам человека №21-3: «Поощрение прав человека и основных свобод благодаря более глубокому пониманию традиционных ценностей человека».

*Третий вопрос: **Необходимость расширения состава традиционных ценностей.***

Такая необходимость для многих обществ назрела давно. Прежде всего, на наш взгляд, есть необходимость включения в состав традиционных ценностей *Достоинства*, на что обращено особое внимание во Всеобщей Декларации прав человека, принятой ООН в 1948 г. Так, в преамбуле Декларации записано: «Принимая во внимание, что признание достоинства, присущего всем членам человеческой семьи, и равных и неотъемлемых прав их является основой свободы, справедливости и всеобщего мира». В ст. 1 Декларации также записано: «Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства».

Принципиальную важность имеет также включение в состав традиционных ценностей общества *Ответственности*, которая не записана во Всеобщей декларации прав человека и Международных пактах о гражданских и политических правах, экономических, социальных и культурных правах. Тем не менее она имеет огромное значение для прав человека. Ответственность обеспечивает стабильность, организованность, порядок, традиционность, толерантность, контроль над страстями и саморегулирование социума в целом. Там, где присутствует ответственность, до минимума снижается опасность хаоса и самоуничтожения. Ответственность не приправа к свободе, а фундаментальный принцип жизнедеятельности человеческого общества. Свобода содержит ответственность и проявляется в целесообразности, нацеленности на благо и стремление его уважать. Сфера ответственности личности поражает своей грациозной обширностью и глубиной. Мы отвечаем перед собой, перед семьей, коллективами, малыми и большими социальными общностями. Для многих совсем не пустой звук ответственность перед Отчиной, нацией, государством. Прежде всего это касается ответственности, которая возлагается на личность в форме требования общества, но немаловажное значения имеет и внутренняя ответственность. Она функционирует на разных «этажах» человеческого сознания. Ответственность не тождественна по своему объему понятию обязанности. Ибо она в равной мере относится и к правам человека, которыми надо пользоваться умело и ответственно, не нанеся ущерба другим членам общества.

*Четвертый вопрос: **О практике изучения и применения традиционных ценностей в контексте поощрения и защиты прав человека.***

В системе образования при изучении вопросов, связанных с традиционными ценностями, можно и нужно более широко использовать возможности учебного процесса, особенно в рамках учебных курсов «Философия», «Политология», «Основы идеологии белорусского государства», «Права человека», «Права ребенка». На лекциях, семинарских занятиях необходимо обращать внимание студентов на проблемы ответственности каждого из них перед людьми и законами общества. Немаловажно и то, что права человека изучаются как явления мировой культуры и цивилизации. Учет ценностей традиционных культур позволяет расширить и активизировать деятельность по защите прав человека. При этом необходимо учитывать, что все культуры пронизаны определенными общими принципами:

- 1) ни одна культура не допускает эксплуатации человеческих существ;
- 2) ни одна религия не разрешает убивать невиновных;
- 3) ни одна цивилизация не принимает издевательств или террора;
- 4) издеательства противоестественны человеческому сознанию;
- 5) жесткость и беспощадность считаются неприемлемым явлением в любой культурной традиции.

Естественно, что практика изучения и применения традиционных ценностей должна расширяться и обогащаться. Методологией подхода является гармоничное сочетание прав человека, обязанности и ответственности. Принципиальную важность

представляет учет традиционных ценностей в воспитательном процессе и особенно воспитание в духе уважения прав человека.

Исследования проблемы необходимо проводить, используя для этого семинары, конференции разных уровней. Данная работа должна приобрести системный характер. В качестве дополнительных мер может стать организация научных исследований о значимости Достоинства в жизни общества, каждого человека, о понимании таких традиционных ценностей, как Достоинство, Ответственность, Свобода, о влиянии национальных культурных особенностей страны на общий процесс повышения эффективности защиты прав человека.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердяев, Н. Свободный народ / Н. Бердяев // Народоуправство. – 1917. – № 1.
2. Гегель, Г. Сочинения / Г. Гегель. – М – Л., 1934. – Т. 7. – С. 44.
3. Мельник, В. А. Цивилизационные основания идеологии белорусского государства : учеб. пособие / В. А. Мельник. – Минск : БИП-С Плюс, 2005. – 119 с.
4. Котляр, И. И. Права человека и высшая школа : монография / И. И. Котляр. – Минск : Тесей, 2007. – 232 с.
5. Евменов, Л. Ф. Достоинство человеческой личности в системе прав человека / Л. Ф. Евменов // «Философские исследования» : сб. науч. трудов ; Ин-т философии НАН Беларуси. – Вып. 1. – 2014. – С. 172–188.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 25.09.2015

Kotlyar I.I. Application of Traditional Values of Humankind in the Context of the Promotion and Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms

The article analyzes the role of traditional values in the context of the promotion and protection of basic human rights and fundamental freedoms. The important aspects of the problem: traditional values in question; the correct understanding of traditional values; the need to expand the composition of traditional values; the practice of study and application of traditional values in the context of the promotion and protection of human rights are revealed. The article is useful for researchers, teachers and ideological staff, students studying human rights issues.

САЦЫЯЛОГІЯ

От редколлегии: В феврале 2016 года советский и выдающийся белорусский философ, культуролог и социолог, доктор философских наук, академик, руководитель центра изучения социально-инновационного развития и заведующий сектором социологии политики и государственного управления Института социологии НАН Беларуси Евгений Михайлович Бабосов встречает свой 85-летний юбилей. Редколлегия и Международной совет «Весніка Брэсцкага ўніверсітэта» поздравляют Евгения Михайловича с наступающим юбилеем, выражают самые теплые и сердечные пожелания крепкого здоровья на долгие года, дальнейших творческих успехов, благополучия, мира и согласия. Евгений Михайлович и его ученики и коллеги по Институту социологии НАН Беларуси активно печатаются на страницах нашего журнала в рубрике «Социология». Надеемся и впредь на дальнейшее плодотворное сотрудничество.

УДК 141.319.8

Ф.И. Храмцова

*д-р полит. наук Российской Федерации и Республики Беларусь,
проф., проф. каф. теории и истории государства и права*

Филиала Российского государственного социального университета в г. Минске

ФЕНОМЕН ЧЕЛОВЕКА И АНТРОПНО-КОСМОЛОГИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП ЭВОЛЮЦИИ В ФИЛОСОФСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ Е.М. БАБОСОВА

В первой части статьи показано значение философского творчества академика Е.М. Бабосова в разработке проблемы феномена человека и антропо-космологического принципа эволюции – одной из важнейших в современной философии; во второй – его роли в международном сотрудничестве между научными сообществами Республики Беларусь и Российской Федерации как на академическом уровне ряда научных организаций в рамках совместных научно-исследовательских проектов, форумов, сессий, так и в создании научной школы на базе Российского государственного социального университета (РГСУ, г. Москва) и его Филиала в г. Минске. Статья посвящена 85-летию юбилею академика Евгения Михайловича Бабосова.

В науке, как и в любой другой значимой сфере жизнедеятельности, есть общепризнанные звезды первой величины. Безусловно, к таковым принадлежит высокое имя белорусского академика Е.М. Бабосова.

До настоящего времени в оценке уникальности достижений ученых используется достаточно валидный оствальдовский критерий генеративности научно-теоретических идей и продуктивности научных школ, разработанный в конце XIX – начале XX века в рамках теории энергетизма как направления философии. Знаменитый немецкий ученый-естествоиспытатель Вильгельм Оствальд, более известный как биолог и химик, Нобелевский лауреат (1909), разработал «энергетический императив» как регулятор «затрат энергетических потерь» в изучении, анализе психических и социальных явлений и процессов, в том числе «затрат ментальной энергии, что тождественно значению экономной продуктивной умственной работы». В понимании В. Оствальда, «энергетический императив есть общее правило вся-

кого. В понимании В. Оствальда, «энергетический императив есть общее правило вся-

кого человеческого действия, простирающееся на все виды человеческой деятельности, вплоть до самых возвышенных и благородных проявлений» [1, с. 137].

Исходя из ведущих признаков критерия, академик Е.М. Бабосов по праву творец новых знаний, способов их практического применения, фундатор-методолог белорусской социологической науки, энциклопедист, выдающийся философ III тысячелетия, исповедующий веру в силу разума и науки, в основе которых феномен человека как сознательной и созидательной сущности, главной движущей силы прогресса.

В поисках нового конструктивного синергетизма XXI века Е.М. Бабосов генерирует оригинальные по новизне, масштабу и прорывности исключительно актуальные антиэнтропийные идеи всеобщей коэволюции человека, природного, социального и духовного мира; человекомерности социальной модернизации систем; метапарадигмальности проектирования и поливариативного прогноза в условиях новых порогов социодинамической сложности и перманентности глобальных социальных турбуленций.

Основная заслуга и непреходящая научно-практическая ценность трудов академика Е.М. Бабосова состоит в генерализации общей концепции феномена человека как биологического и надбиологического, сознательного существа на основе интерпретации антропо-космологического принципа путем конструктивного опыта пропаганды новых знаний на уровне всех институтов общества и государства, их интеграции для выработки основы созидательного курса на «человекомерный» миропорядок, выход из кризиса национальных, межнациональных, наднациональных сообществ.

В рамках постнеклассической науки Е.М. Бабосов развивает, по-новому синтезируя положения синергетической теории, идеи эволюционной концепции, образцы космологической парадигмы, раскрывая специфические свойства, динамику, механизмы необратимых, нелинейных, вероятностных процессов окружающей социальной, природной и духовной реальности как теоретического базиса трактовки «стрелы времени» (категории философии в русле антропоморфизма и междисциплинарной интеграции отраслей знания: философии, естествознания, биологии, антропологии, квантовой физики, космологии, христианского богословия) в реконструкции синтетической картины мира как трансформирующегося, трансцендентного по сути объекта познания. Создаваемое научное полотно яркой палитрой футурологической перспективы эволюции поражает, предвосхищая самое богатое воображение глубиной логики и силой аргументов, смыслами и выводами философского проекта.

Символичен факт, что Е.М. Бабосов выдвигает одно из самых смелых обобщений антропо-космологического принципа к решению философской проблемы смыслов жизни, эволюции человека и целостного универсума на метапарадигмальной основе, чего до него не сделал ни один из современных философов, и именно по этим главным направлениям ученый перешагнул принятые в науке рамки, связав и сопоставив, по сути, достаточно эклектичные в своих подходах отдельные теории, концепции и гипотезы, при этом определив в центр поиска и «ткань ареала исследования» ключевой вопрос христианства как феномена постнеклассической науки. Наличие антропо принципа взаимосвязи между крупномасштабными, метagalacticкими свойствами Вселенной и существованием в ней человека, различные трактовки этого принципа, его формулировки означают, что «постнеклассическая наука вполне осознанно стремится к тесному контакту в познании своих объектов с философией и другими формами мировоззрения, включая богословскую (курсив наш – Ф.Х.), как важнейшими способами самопознания человека» [2, с. 151].

В основу такой методологической постановки проблемы ученым определена новая закономерность интенсивности прирастания *христической энергии* (*energie christique*) в энергетически-радиальном и тангенциальном многообразии духовного и социального конвергирующего мира на основе общих законов притяжения и постоянства [3, с. 11].

Авторская трактовка феномена христианства здесь во многом согласуется с подходом французского философа-эволюциониста, палеантрополога Пьера Тейяра де Шардена на эволюционную сущность христианства как «движения в силу своей укорененности в Прошлом и постоянно присущих моментов эволюции, имеющей явные черты филогенетического ствола (*un phylum*), который ... прогрессирует в точности в направлении, предусмотренном *стрелой биогенеза*» (курсив наш – Ф.Х.) [3, с. 11]. Исходя из сказанного, следует сделать важный вывод о диалектико-феноменологической детерминации эволюционных циклов и эмпирического закона рекуррентности *психогенеза* (по Н.И. Вавилову), *христоргенеза* (по святому Павлу и святому Иоанну), *ноогенеза* (по В.И. Вернадскому) и *космогенеза* (по Дж. Уиллверу) в конвергирующем социальном и духовном мире [2, с. 152]. В таком спектре разноплановых интерпретаций истинного антропного принципа эволюции человека и Вселенной кроется суть многогранной и дихотомной по своему характеру проблемы, которая может быть разрешена через диалог естественнонаучной, философской и теологической мысли [2, с. 153].

Наряду с этим в качестве теоретического приращения философской науки также следует выделить важнейшие результаты научного поиска Е.М. Бабосова, уровень которых позволяет рассматривать их как ценный инструментарий решения актуальных проблем человека, науки, общества, благодаря выявлению ряда детерминаций антиэнтропийной направленности социального бытия на основе *универсального закона усложнения*, согласно которому с увеличением психофизической сложности объектов и индивидов возрастает сознание. В этом, по мнению ученого, заключен так называемый «примат внешнего», который детерминирует высокий уровень восприятия, развития сознания индивида от степени сложности материальной структуры, лежащей в основе саморазвития. Таким образом, в результате научного поиска, предпринятого академиком Е.М. Бабосовым, сформулирован ряд принципиально новых положений, выводов, которые рассматриваются как бесценный научный капитал в эффективной реализации гносеологической функции процесса познания. Итак, кратко изложим суть этих выводов.

1. Объектом познания является человек как центр конструирования универсума (глобального целостного мира), использующий потенциал трансцендентной этимологии во всей полноте своих биологических и надбиологических свойств, особенностей, различий, которые не должны быть основанием социальных, политико-правовых ограничений индивидов, групп, общностей.

2. Человек – это центральное место антропогенеза и венец космогенеза, носитель ноосферы; не статический мир, а ось и вершина эволюции, что принципиальным образом влияет на процессы всеобщей конвергенции в условиях глобализации.

3. Эволюция ноогенеза человека и «человекомерная» модернизация экзогенно-эндогенных факторов универсума невозможна без интеграции политико-национальных интересов, координации усилий всего политического мира по преодолению и устранению индивидуализма, расизма, глобального тоталитаризма, – путем «мегасинтеза гигантской психобиологической операции».

4. Научную основу всеобщей эволюции индивидов, социальных групп, общностей составляет единство филогенетических и онтологических закономерностей как *глобальной триады универсальных законов развития и трансформации феномена человека в феномен человечества по основаниям*:

- эволюция влияет на возрастание сознания;
- возрастание сознания ведет к единению;
- единение есть условие качественно нового скачка по главной оси развития человечества.

Здесь следует кратко очертить основные особенности антропно-космологической концепции феномена человека в трактовке, предпринятой академиком Е.М. Бабосовым.

вым, эволюционные возможности изучения генезиса психики, механизмов познания для построения новых гипотез, теорий, парадигм, метапарадигм.

Во-первых, зафиксирована и обоснована детерминация сознания как сингулярного вида деятельности и связанной с ней регулятивной функцией понижения энтропийности энергии мозга, что обусловлено хранением, концентрацией, переработкой многопоточной информации субъектно-объектной природы. Концептуально обосновано и эмпирически доказано, что эволюция человека и целостного универсума невозможна без расширения свобод и коммуникаций, влияющих на усиление субъективного фактора модернизации социальной реальности и ее структур.

Во-вторых, раскрыт антиэнтропийный потенциал символических кодов, особенности знаков архетипического свойства, механизмы влияния, которые объективированы в социально значимых видах деятельности: труде, науке, политике, спорте, искусстве, творчестве, производстве и технологиях и т.д., интенсивно влияющих на осознанность и мотивацию целей, намерений, человеческих действий для удовлетворения различных потребностей; на процессы усвоения, освоения и преобразования социального опыта, в ходе которых происходит развитие и саморазвитие личности, целенаправленная активная деятельность, изменение качеств личности, характера действий, окружающей социальной реальности. Отсюда следует вывод, что в результате применения антиэнтропийного потенциала культуры возрастает антиэнтропийность социального бытия как организованного порядка личной и общественной жизни [4, с. 16].

И, в-третьих, выделена важнейшая роль нравственной детерминации как высшего проявления усвоенных человеком моральности, чести, совести, долга, гуманности, выполняющих саморегулирующую и корректирующую функции в повышении качества жизни, обеспечении социального согласия и прогресса, как механизмов приращения энергии антиэнтропийности социального бытия. Новизна положений концепции состоит в обосновании новой антиэнтропийной закономерности социальной энергии как суммарного наращивания созидательного, творческого потенциала в опосредованном влиянии на устойчивость, стабильность развития общества и качество жизни человека.

Вместе с тем философские, социологические, политологические и педагогические воззрения Е.М. Бабосова, глубина научной мысли, притягательность его харизмы, душевность, открытость, лидерские качества, искусство прирожденного оратора, организаторский талант, – все это, вне всякого сомнения, оказало значительное влияние на становление и развитие исключительно дальновидной стратегии международного сотрудничества в 90-х гг. XX века между научными сообществами Республики Беларусь и Российской Федерации как на академическом уровне ряда научных организаций в рамках совместных научно-исследовательских проектов, форумов, сессий, так и в создании научной школы на базе Российского государственного социального университета (РГСУ, г. Москва) и его Филиала в Минске.

Здесь следует уточнить, что научное становление автора данной статьи в качестве соискателя ученой степени доктора политических наук, ее защиты в ВАК Беларуси, работы в должности профессора РГСУ (г. Москва), а затем заведующего кафедрой теории и истории государства и права в Филиале РГСУ в Минске, – осуществлялось при непосредственном участии, поддержке академика Е.М. Бабосова и взаимного сотрудничества в рамках российско-белорусских научно-практических мероприятий. Так, в 2000-х годах на базе РГСУ, была создана уникальная научная школа «Россия в глобальной системе социальных координат: историко-социологическая компаративистика» (руководитель – ректор, основатель РГСУ академик РАН В.И. Жуков), плодотворность деятельности которой во многом была определена участием академика НАН Беларуси Е.М. Бабосова, его научным авторитетом, а также вкладом плеяды советских ученых, единомышленников Е.М. Бабосова по прежней совместной работе в Академии

наук СССР: академика РАН Г.В. Осипова; проректора РГСУ по международному сотрудничеству М.И. Кодина; первого проректора РГСУ Л.Г. Лаптева; директора Института социологии РАН академика М.К. Горшкова; заместителя директора по научной работе Института социально-политических исследований РАН В.В. Мартыненко; заведующего кафедрой социологии коммуникаций МГУ им. М.В. Ломоносова А.К. Мамедова и других ученых.

В рамках научной школы РГСУ академиком Е.М. Бабосовым разработана инновационная методология социологических исследований, авторские технологии прогнозирования социальных трансформаций в контексте глобальных изменений, научно определены стратегии преодоления глобальных, национальных и межнациональных кризисов, пути и средства реализации социальной миссии университетских научных школ, представленные в первом и втором выпусках «Трудов научной школы РГСУ».

О высоком авторитете Е.М. Бабосова среди российских ученых-гуманитариев свидетельствует тот показательный факт, что в течение многих лет он был членом научно-редакционных советов ряда журналов, включенных ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации в Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий Российской Федерации, в которых публикуются основные результаты диссертационных исследований. В частности, академик Е.М. Бабосов возглавляет научно-редакционный совет авторитетного как в России, так и за рубежом научно-практического журнала «Человеческий капитал».

Особый резонанс среди российских ученых, специалистов социальной сферы, управления, политиков и бизнес-структур, профессорско-преподавательского состава РГСУ и других российских вузов вызвала *концепция инновационного развития в страновом и региональном измерении*, разработанная академиком Е.М. Бабосовым и представленная в виде пленарного мультибинар-доклада «Стратегия инновационного развития и консолидации современного мира» на XI международном социальном конгрессе (РГСУ, г. Москва, 25–26 ноября 2011 года) [5, с. 22–29].

Методологическую ценность представляет тезис академика Е.М. Бабосова о специфических свойствах современной науки как «самоорганизующейся и саморазвивающейся системы, видоизменяющей свои цели, структуру и функции» и нуждающейся в модернизации научной методологии на основе возникновения новых концепций, теорий, неуклонного расширения арсенала производимых экспериментов и непрерывной смены научных парадигм [2, с. 147].

Новаторские подходы Е.М. Бабосова в разработке наиболее сложных философских, социальных, научно-образовательных проблем, исследование методологии национальной инновационной системы, трактовка феномена «инновации» как целевого, ценностного, процессуально-деятельностного явления, комплексной модели инновационного менеджмента по включению основных стратификационных слоев в процесс устойчивого развития общества, критериев эффективности данного процесса – все это по праву было отмечено специалистами, коллективом преподавателей, руководством, аспирантами, магистрантами и студентами РГСУ.

Многие годы профессор Е.М. Бабосов с вдохновением, увлеченно «заряжал» аудитории Филиала РГСУ в Минске своей любовью к познанию, истории, литературе, поражая феноменальной памятью, глубиной, ясностью, живостью изложения читаемых курсов «Социология» и «Социология управления» для студентов и магистрантов по направлению подготовки «Социальная работа». Вся лекционная работа профессора Е.М. Бабосова стала инновационной площадкой дидактики высшей школы, проведения мастер-классов по социальной инноватике в образовательном процессе вуза.

В 2011 году за особые заслуги в создании и развитии научной школы РГСУ и выдающийся вклад в дело укрепления академического имиджа ведущего социального

университета России и в связи с 80-летием Е.М. Бабосов награжден золотым Почетным знаком РГСУ имени Петра Великого «За благородные труды».

Особо следует подчеркнуть поддержку со стороны академика Е.М. Бабосова новаций и проектов в Филиале РГСУ в г. Минске. В частности, с его активной помощью был разработан проект научно-образовательного кластера академической преемственности и социальной мобильности студенческой и учащейся молодежи в триаде «гимназия – ВУЗ – научная организация». С этой целью при его участии в январе 2015 года был заключен договор о сотрудничестве в сфере инновационного развития между Государственным научным учреждением «Институт социологии Национальной академии наук Беларуси», Филиалом государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российский государственный социальный университет» в г. Минске Республики Беларусь и Государственным образовательным учреждением «Гродненская городская гимназия».

Академик Евгений Михайлович Бабосов по-прежнему в авангарде науки и высшего образования. Он в самой гуще студенческой и учащейся молодежи, в эпицентре коллег, которые с глубоким уважением, сосредоточенным вниманием и неподдельным интересом проникаются «человекомерными» идеями, культурой и интеллектом Мыслителя нашей современности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Оствальд, В. Энергетический императив / В. Оствальд. – СПб., 1913. – С. 137.
2. Бабосов, Е. М. Постнеклассическая наука и поливероятностная интерпретация антропного космического принципа / Е. М. Бабосов // Синтез философии, науки и культуры. К 80-летию академика В. С. Степина / редкол.: А. Н. Данилов (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2014. – С. 151.
3. Тейяр де Шарден, П. Феномен человека / П. Тейяр де Шарден // Предисл. Б. А. Старостина ; пер. с франц. Н. А. Садовского. – М. : Наука, 1987. – С. 11.
4. Бабосов, Е. М. Философские проблемы бытия, познания, веры и культуры / Е. М. Бабосов. – Минск : РИВШ, 2010. – С. 16.
5. Бабосов, Е. М. Стратегия инновационного развития и консолидация современного общества Е. М. Бабосов // Труды научной школы «Россия в глобальной системе социальных координат: историко-социологическая компаративистика. Вып. 2 / под общ. ред. академика РАН В. И. Жукова. – М. : Изд-во РГСУ, 2011. – С. 22–29.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 03.11.2015

Hramtsova F.I. The Phenomenon of Man and of the Anthropic-cosmological Principle of Evolution in Philosophical Creativity of E.M. Babosov

In the first part of the article the importance of philosophical creativity of the Academician E.M. Babosov in the development of the phenomenon of human problems and anthropic-cosmological principle of evolution – one of the most important in modern philosophy; in the second part its role in the international cooperation between the scientific communities of the Republic of Belarus and the Russian Federation on the academic level of a number of research institutions through collaborative research projects, forums, sessions and in the creation of scientific school at the Russian State Social University (RSSU Moscow) and its branch in the city of Minsk is shown. The article is devoted to the 85th anniversary of the Academician Yevgeny Mikhailovich Babosova.

УДК 316.022 + 316.455 + 325.14

О.А. Алампиев

канд. социол. наук, доц., доц. каф. социально-гуманитарных дисциплин
Полоцкого государственного университета

**ИССЛЕДОВАНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ
СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОЛОЦКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА)**

Статья посвящена проблеме этнической толерантности в среде студенческой молодежи. На основе количественных и качественных данных показано, что отношение студентов к представителям различных этнических групп значительно различается. Наиболее толерантны студенты к представителям европейских и в первую очередь славянских народов. Наименее толерантны – к народам Средней Азии и Ближнего Востока. Отмечается тенденция к снижению толерантности за время обучения в университете к туркменам и ряду близких к ним в культурном отношении этносов, вызванная неоднозначным опытом взаимодействия с их представителями. Фиксируется разница в отношении к различным этносам в зависимости от пола и вероисповедания студентов. В работе показана необходимость корректировки мероприятий, направленных на предупреждение и предотвращение межэтнической напряженности в белорусском социуме и в студенческом сообществе в частности.

Введение

Международная миграция становится все более заметным и важным явлением современного мира. Международные миграционные процессы затрагивают и Республику Беларусь; жителям нашей страны все чаще доводится взаимодействовать с представителями других народов и культур; более того, на сегодняшний день увеличение притока мигрантов в страну видится одним из путей решения демографических проблем [1]. В этой связи все большее значение обретает вопрос толерантности. Окажутся ли белорусы на самом деле так толерантны, как привыкли себя видеть, в ситуации заметного увеличения числа мигрантов в стране?

Особенно важным представляется обратить внимание на вопрос этнической толерантности в среде студенческой молодежи. Во-первых, студенты являются той социальной группой, в которой контакты с представителями некоренного населения носят регулярный характер; во-вторых, сегодняшние студенты через определенное время станут весьма заметным фактором в выработке и реализации конкретных управленческих решений и, как наиболее образованная часть населения, в формировании общественного мнения. Помимо того, в числе прочих мер, направленных на привлечение мигрантов в страну, в Беларуси рассматривается вопрос о предоставлении иностранным выпускникам белорусских вузов миграционных льгот [1], что также актуализирует вопрос толерантности в студенческой среде.

Данное исследование ставит своей целью раскрыть характер отношения белорусских студентов (на материале Полоцкого государственного университета) к представителям различных этнических групп.

Основное внимание в работе уделено исследованию отношения белорусских студентов к представителям различных этносов и установлению факторов, обуславливающих специфику отношения к отдельным народам. Особо рассматривается отношение к представителям туркменского этноса, поскольку студенты из Туркменистана представляют собой наиболее многочисленную часть иностранных студентов и большинство белорусских студентов имеет опыт непосредственного взаимодействия с ними. Следовательно, такую межэтническую коммуникацию можно рассматривать как модель возможного формирования отношения к представителям этноса, который имеет заметные культурно-цивилизационные отличия.

Эмпирические данные, на которые опирается представленная работа, получены методами анкетного опроса и фокусированного группового интервью. Сочетание количественных и качественных методов сбора данных и обработки результатов исследования позволило осуществить контроль полученной различными методами информации и сформулировать надежное объяснение отмеченных явлений и процессов. Сбор данных осуществлялся в феврале – мае 2015 г.

В исследовании участвовали студенты дневного отделения. Отбор респондентов для участия в анкетном опросе производился методом простой случайной бесповторной выборки; объем выборочной совокупности составил 360 человек; с учетом общей численности студентов дневного отделения, не превышающей 5 532 человека, и при 95%-ном доверительном интервале, случайная ошибка репрезентативности не превышает 5%. В научном сообществе отсутствует единодушие по вопросу о том, применимы ли при математической обработке данных, полученных использованными методами (в частности, шкалой Богардуса), методы установления зависимости, пригодные для анализа данных, измеренных в интервальной шкале, или же следует ограничиваться методами для обработки данных, измеренных в шкалах более низкого уровня. Ввиду этого зависимости, установленные при помощи методов, пригодных для анализа данных в интервальной шкале (сравнение средних, дисперсионный анализ), проверялись посредством использования непараметрических критериев (дисперсионный анализ Крускала – Уоллеса, U-критерий Манна – Уитни, хи-квадрат). Зависимости считались установленными лишь в случае, если они подтверждались применением методов, пригодных для обработки измерений как в интервальных, так и в порядковых шкалах. Статистическая значимость фиксировалась на уровне 0,05. В фокус-группах участвовали студенты разных курсов и специальностей. Всего было проведено пять фокус-групп; точка насыщения, после которой поступление новой информации прекратилось, была достигнута на третьей, что говорит о высокой гомогенности мнений по различным аспектам изучаемой проблемы и тем самым о высокой надежности полученных данных.

Исследование проводилось на базе Полоцкого государственного университета и в первую очередь отражает специфику данного учебного заведения. Однако многие выявленные явления и процессы могут быть в той или иной мере характерны и для других вузов Республики Беларусь.

Под этнической толерантностью понимается «способность человека проявлять терпимость к малознакомому образу жизни представителей других этнических общностей, их поведению, национальным традициям, обычаям, чувствам, мнениям, идеям, верованиям и т.д.» [2, с. 302–303]. В белорусском социуме широко распространен автостереотип о собственной этнической толерантности: белорусы полагают, что им свойственен «интернационализм, уважительное отношение к другим нациям, терпимость к другим народностям» и т.д. [3, с. 61]. Эти элементы стали органичной частью белорусской идентичности и постоянно воспроизводятся как ее естественный элемент. Между тем социологами фиксируются явления, которые не позволяют говорить о том, что подобный автостереотип всегда и в полной мере отражает реальное положение дел [4].

Одним из классических показателей толерантности служит социальная дистанция, измеряемая при помощи шкалы Богардуса. Данная методика была предложена американским социологом Эмори Богардусом в 1920-х гг. и с тех пор является одним из широко применяемых инструментов измерения социальной дистанции между различными социальными (в том числе этническими) группами. Указанная методика в варианте адаптации Л.Г. Почебут, который использовался в качестве переменной в нашем исследовании, выглядит следующим образом. Респонденту предлагается «проранжировать представителей указанной национальности, отмечая степень приемлемо-

сти для себя лично только по одному из предложенных критериев» [5, с. 166]. Отвечать следует по принципу: для меня лично возможно и желательно в отношении людей данной национальности:

- 1) принятие как близких родственников посредством брака;
- 2) принятие как личных друзей;
- 3) принятие как соседей, проживающих на моей улице;
- 4) принятие как коллег по работе, имеющих ту же профессию, что и я;
- 5) принятие как граждан моей страны;
- 6) принятие только как туристов в моей стране;
- 7) предпочел бы не видеть в моей стране [5, с. 166].

Варианты ответов выступают в качестве индикаторов постепенного увеличения социальной дистанции по отношению к той или иной социальной группе. Вариантам ответа присваивается ранг от 1 (отсутствие социальной дистанции – «Принятие как близких родственников посредством брака») до 7 (наибольшая социальная дистанция – «Предпочел бы не видеть в моей стране»). В научной литературе не существует единого мнения по поводу интерпретации получаемых посредством использования этой шкалы значений. В нашем исследовании использовался вариант интерпретации, предложенный в специально посвященной данной проблеме работе В. Сергеева [6] и нашедший применение в разработках российских ученых, касающихся проблемы изучения этнической толерантности в студенческой среде (таблица 1) [7].

Таблица 1. – Интерпретация оценок по шкале Богардуса (по В. Сергееву)

Интерпретация оценок по шкале Богардуса		
1–2	2–5	5–7
Слияние	Толерантность	Изоляция

В результате обработки полученных данных была измерена социальная дистанция к представителям 20 этнических групп (таблица 2).

Таблица 2. – Социальная дистанция к представителям различных этнических групп

Ранг	Этническая группа	Социальная дистанция (Среднее)	Интерпретация
1	Русские	2,67	Толерантность
2	Украинцы	3,81	
3	Поляки	4,02	
4	Народы Прибалтики	4,39	
5	Испанцы	4,58	
6	Американцы	4,64	
7	Японцы	4,89	
8	Китайцы	4,91	
9	Казахи	5,09	Изоляция
10	Народы Африки	5,20	
11	Грузины	5,30	
12	Азербайджанцы	5,34	
13	Туркмены	5,44	
14	Иранцы	5,53	
15	Узбеки	5,53	
16	Турки	5,59	
17	Афганцы	5,59	
18	Арабы	5,60	
19	Таджики	5,69	
20	Чеченцы	5,81	

Из данных таблицы видно, что среди представленных этнических групп не оказалось ни одной, социальная дистанция к которой была бы настолько близкой, что студенты были бы готовы к слиянию с ней. Факторный анализ измерений социальной дистанции позволил получить в принципе идентичный результат, выявил разделение рассматриваемых этносов на точно такие же группы, полностью подтвердив справедливость проведенного разделения этносов по линии толерантность – изоляция (таблица 3).

Таблица 3. – Результаты факторного анализа ответов на вопросы шкалы Богардуса

Этническая группа	Факторные нагрузки	
	Фактор 1	Фактор 2
Афганцы	0,742	0,282
Туркмены	0,677	0,095
Арабы	0,864	0,119
Народы Африки	0,573	0,471
Казахи	0,686	0,416
Американцы	0,296	0,633
Иранцы	0,771	0,327
Китайцы	0,488	0,662
Народы Прибалтики	0,296	0,718
Испанцы	0,318	0,716
Таджики	0,857	0,223
Чеченцы	0,838	0,157
Турки	0,803	0,247
Украинцы	0,128	0,636
Узбеки	0,821	0,233
Японцы	0,509	0,582
Азербайджанцы	0,740	0,310
Русские	-0,078	0,637
Грузины	0,726	0,249
Поляки	0,222	0,718
Объясненная вариация	39,11%	22,42%

Примечание. – Метод выделения: анализ методом главных компонент. Метод вращения: варимакс с нормализацией Кайзера. Вращение сошлось за 3 итерации. КМО = 0,940. Объясненная дисперсия – 61,53%.

Толерантными студентами оказались в первую очередь к народам, наиболее близким в культурно-цивилизационном отношении: к соседним славянским народам, народам Западной Европы и американцам. Наименьшей социальной дистанцией выявлена по отношению к восточнославянским народам – русским (2,67) и украинцам (3,81). Следует отметить, что в случае выделения в факторном анализе трех факторов в отдельный фактор объединялись русские и украинцы; в остальной структуре полученных значений оставалась без изменений. Достаточно терпимы студентами оказались к восточноазиатским народам, однако несколько большая социальная дистанция говорит о том, что студенты все же в большей мере склонны видеть различия с этими народами, но эти различия не оцениваются как настолько серьезные, что они могли бы вызвать трудности во взаимодействии.

Нетолерантными студентами оказались к народам Средней Азии, Ближнего Востока и Африки. В подобном разделении нетрудно заметить культурно-цивилизационные различия: терпимы белорусские студенты оказались в первую очередь к тем народам, с которыми доводится регулярно взаимодействовать и/или с которыми существует значительная культурная, языковая и цивилизационная близость. Менее толерантными бело-

русские студенты оказались к народам, которые значительно отличаются в культурно-цивилизационном и антропологическом отношении. Следует отметить, что в целом подобные результаты довольно схожи с результатами аналогичных исследований российских ученых, которые также показали низкую толерантность студентов российских вузов, расположенных в Центральном и Северо-Западном федеральных округах к народам Средней Азии, Кавказа, Ближнего Востока [7, с. 9]. Низкая толерантность студентов к мусульманам фиксировалась и в исследованиях польских ученых [8]. Это, безусловно, показывает, что в целом данная тенденция не является чем-то необычным, а, напротив, представляет собой довольно характерное явление для нашего региона.

Особое внимание следует уделить тому факту, что 77,8% респондентов имели опыт общения с туркменскими студентами, которые представляют собой основную массу иностранных граждан, обучающихся в Полоцком государственном университете. Социальная дистанция к туркменскому этносу оказалась весьма значительной, что свидетельствует: опыт непосредственного взаимодействия с представителями этого народа не послужил формированию к ним толерантного отношения. В этой связи стоит заметить, что, как правило, общение с представителями того или иного этноса, напротив, приводит к разрушению предубеждений и негативных стереотипов, способствует формированию толерантности к представителям этноса, с которым осуществляется подобного рода общение [9, с. 71–72]. Наоборот, зафиксирована обратная тенденция: отношение к туркменам за время учебы в университете заметно ухудшается (таблица 4).

Таблица 4. – Изменение социальной дистанции студентов Полоцкого государственного университета к студентам – гражданам Туркменистана в зависимости от курса обучения

Курс	Слияние	Толерантность	Изоляция
1	7,1%	37,5%	55,4%
2	13,6%	32,2%	54,2%
3	5,8%	30,4%	63,8%
4	1,4%	31,9%	66,7%
5	3,8%	17,5%	78,8%

Изменение социальной дистанции студентов в отношении к туркменам зафиксировано на достаточно высоком уровне значимости (здесь и далее ANOVA, $p < 0,013$). Можно с уверенностью утверждать, что отношение белорусских студентов Полоцкого государственного университета к туркменам в процессе обучения значительно ухудшается на фоне личных контактов с представителями туркменского студенческого сообщества. Это нашло свое подтверждение и в фокус-группах, в которых студенты старших курсов заявляли, что, поступив в университет, были намного толерантнее и что стали куда менее толерантны к иностранцам именно ввиду не самого положительного опыта коммуникации с туркменскими студентами.

Снижение толерантности к представителям конкретного этноса на фоне непосредственных контактов с его представителями объясняется комплексом факторов. Важной причиной следует видеть сам факт многочисленности туркменских студентов, что привело к тому, что для них оказалось возможным ограничить неформальные взаимодействия лишь кругом соотечественников. В качестве причины следует также указать культурные особенности туркменского народа, проявляющиеся в коллективизме, склонности к формированию закрытых интровертных сообществ, несовпадении ценностных систем, схем оценки действительности и моделей поведения в белорусском и туркменском социуме в правовом, социальном, гендерном пространствах. Однако в первую очередь причиной подобного положения вещей следует видеть то, что эти обстоятельства и различия не были в должной мере приняты во внимание при осуществ-

лении мероприятий, направленных на включение туркменских студентов в белорусское студенческое сообщество. Символическая и практическая сегрегация туркменских и белорусских студентов (что находит свое проявление в раздельном поселении в общежитиях, дифференцированных требованиях и санкциях) служит установлению, воспроизводству и укреплению символической границы между «своими» и «чужими» во взаимном восприятии туркменских и белорусских студентов, способствует воспроизводству туркменской идентичности как первичной в восприятии представителей коренного населения. Следствием этого становится фактическая изоляция и геттоизация туркменского студенческого сообщества, неувоенность туркменскими студентами ценностей и норм белорусского социума вообще и студенческого сообщества в частности. При этом стоит помнить, что предубеждения белорусских студентов также играют в описанных процессах определенную роль, поскольку различия в отношении к представителям двух выделенных групп этносов существуют уже на первом курсе.

Значимым изменением социальной дистанции во время обучения оказалось также в отношении к арабам ($p < 0,040$), таджикам ($p < 0,040$), чеченцам ($p < 0,003$), туркам ($p < 0,005$), узбекам ($p < 0,037$). Ко всем этим народам отношение от I-го к V-му курсу стало заметно хуже. Как правило, дистанция остается примерно одинаковой на I–II курсах, даже несколько сокращается на II-м и потом заметно ухудшается от III-го к V-му. Обращает на себя внимание то, что народы, отношение к которым значительно изменилось, имеют много общего; не исключено, что ухудшение к ним отношения связано с тем, что в обыденном сознании между этими народами нет существенной разницы и они взаимно ассоциируются по причине общих культурно-цивилизационных черт, поскольку сюда одновременно попали три соседствующих среднеазиатских народа: туркмены, узбеки и таджики, – родственные туркменам и фонетически ассоциируемые с ними турки, а также два других преимущественно мусульманских народа – арабы и чеченцы. Таким образом, можно допустить, что важным фактором снижения толерантности к этим этносам стал именно негативный опыт взаимодействия со студентами-туркменами.

Снижение толерантности является весьма тревожным сигналом, говорящим о необходимости пересмотра как существующих интеграционных мероприятий в отношении к иностранным студентам, так и в отношении формирования общественного мнения и ценностных установок студенческой молодежи.

Максимальная доля ответов, указывающих на крайне низкую толерантность к отдельным этническим группам, представлена в таблице 5. В нее вошли данные о представителях тех народов, в отношении которых более 15% респондентов отметили социальную дистанцию на уровне 7 – «Предпочел бы не видеть в моей стране». Обращает на себя внимание, что в эту группу попали этносы преимущественно мусульманские, которые существенно отличаются в культурно-цивилизационном отношении от населения Беларуси, часто упоминаются в СМИ в негативном контексте и неоднозначный опыт взаимодействия с представителями одного из которых, очевидно, экстраполируется на некоторые иные. При этом, как показали фокус-группы, фактор принадлежности большинства представителей соответствующих этносов к исламскому вероисповеданию не является значимым сам по себе и не фиксируется как причина настроенного отношения и установления границы; студенты отмечают те различия, с которыми они сталкиваются в первую очередь на бытовом уровне: различия в поведении и ценностях. Существует довольно ясное понимание, что представители данных народов «другие» и что между ними есть нечто общее, но связь с исламом, как правило, рационально и четко не фиксируется, хотя имплицитно (как фоновые знания об общей их черте) присутствует, порой упоминаясь как источник культурных различий. Таким образом, нет оснований говорить об исламофобии – правильно в данном случае говорить о неприятии культурных различий на бытовом уровне.

Таблица 5. – Максимальная социальная дистанция к этническим группам, %

Ранг	Этническая группа	Доля ответов 7 – «Предпочел бы не видеть в моей стране»
1	Чеченцы	31,2
2	Афганцы	25,6
3	Таджики	24,2
4	Туркмены	22,9
5	Арабы	20,7
6	Турки	19,1
7	Узбеки	18,9
8	Иранцы	17,5
9	Азербайджанцы	16,7

Фактор пола оказался значимым в отношении к американцам ($p < 0,039$) и испанцам ($p < 0,001$). Отношение девушек к представителям данных народов оказалось существенно лучше, чем студентов мужского пола. Последнее, по всей видимости, следует рассматривать как следствие эмиграционных устремлений части студентов (40% респондентов заявили о том, что предпочли бы получать образование за границей; почти все из них указали, что хотели бы обучаться в вузах стран Западной Европы и США). Для девушек личные знакомства с иностранцами в потенциальной реализации эмиграционных устремлений традиционно куда более важны.

Католики оказались более дружелюбны к американцам ($p < 0,036$), украинцам ($p < 0,010$), испанцам ($p < 0,022$), полякам ($p < 0,004$), народам Африки ($p < 0,005$), близкими к значимому оказались различия в отношении народов Прибалтики ($p < 0,060$). Православные оказались более толерантны к туркменам ($p < 0,021$), грузинам ($p < 0,004$), чеченцам ($p < 0,011$), таджикам ($p < 0,006$), арабам ($p < 0,021$). Приведенные данные в определенной мере указывают на векторы культурно-цивилизационной ориентации представителей разных конфессий. Католики ощущают себя несколько ближе к европейским народам, православные же традиционно более связаны с Востоком. Незначительное число в выборке представителей других конфессий не позволило оценить специфику их отношения к представленным этносам.

Различия в отношении к представленным этносам от того, по какому профилю (социально-гуманитарному или техническому) обучаются студенты, а также от того, где проживают студенты (в общежитиях или в городе), на значимом уровне не выявлены.

Национальной программой демографической безопасности Республики Беларусь на 2011–2015 гг. предполагается введение миграционных льгот для студентов, успешно окончивших учреждения образования нашей страны [1]. Как следует из проведенного ранее исследования, некоторые иностранные студенты (граждане Туркменистана и стран Ближнего Востока) высказывают желание остаться в Беларуси после окончания обучения [10, с. 65]. В этой связи в качестве еще одного показателя толерантности выявлялось отношение студентов к перспективе того, что иностранным студентам по окончании обучения будет предоставлена возможность оставаться в Беларуси. С тем, что стоит позволить иностранным выпускникам белорусских вузов оставаться в стране, согласились 22,7% (не согласились – 41,7%). Отсюда следует, что тех, кто хотел бы видеть иностранных студентов, с которыми учатся в университете, в дальнейшем в своей стране почти в 2 раза меньше, чем тех, кто против. Как показали фокус-группы, иностранцы, как правило, понимаются как студенты из регионов с существенными культурно-цивилизационными отличиями. В Беларуси, в том числе и в Полоцком государственном университете, очень немного студентов из соседних стран или стран, близких в культурно-цивилизационном отношении, а те, что есть, очень незначительно отличаются от самих белорусских студентов, растворены в их среде, и их иностранное

происхождение почти никогда не выступает элементом, хоть в какой-то мере влияющим на взаимоотношения; их этнонациональная идентичность по причине близости культур, схожей ценностной системы является совершенно незаметным фактором во взаимодействии с белорусским студенческим сообществом. Поэтому они обычно даже не рассматриваются как иностранные студенты.

Возможность остаться в Беларуси после окончания обучения актуальна для граждан Туркменистана, арабских стран, Китая и т.д., к которым, как было показано выше, отношение далеко не всегда достаточно толерантное. Помимо того, белорусским студентам идея о том, чтобы позволить оставаться в стране иностранным выпускникам вузов, не нравится ввиду того, что, по их мнению, иностранные студенты станут занимать их рабочие места, а это повлечет снижение заработной платы т.д. В такой позиции обращает на себя внимание существование четкой границы между «своими» и «чужими»; это еще раз свидетельствует о приоритете во взаимном восприятии этнокультурной идентичности, а по сути о существовании этнокультурного барьера, что в полной мере согласуется с данными, полученными путем анкетного опроса. Кроме того, опрошенные студенты сомневаются, что иностранные студенты окажутся способными гармонично влиться в белорусское общество, и сомнения эти основаны на существующем опыте взаимодействия и совместного проживания в общежитиях.

Любопытно отметить, что среди студентов социально-гуманитарных специальностей доля тех, кто согласен, что иностранным студентам следует позволить оставаться, несколько больше, чем среди студентов технических специальностей (44,4% и 31,4%), и, наоборот, студенты технических специальностей хуже относятся к идее о том, что иностранным студентам следует позволить оставаться (55,6% и 68,6%). Таким образом, студенты социально-гуманитарных специальностей несколько более открыты к иностранцам, в чем следует видеть специфику получаемого образования, предполагающего большую коммуникативную открытость, и несколько иной характер трудоустройства: за будущие рабочие места в первую очередь волнуются студенты технических специальностей; студенты специальностей социально-гуманитарных, будущие профессии которых в большей мере связаны с непосредственной коммуникацией, в меньшей мере боятся конкуренции со стороны иностранцев.

Заключение

Исследование этнической толерантности в студенческой среде позволило выявить отношение студентов к представителям различных этнических групп. Белорусские студенты оказались толерантны в первую очередь к представителям соседних славянских народов и народов, близких в культурном отношении, принадлежащих к западной цивилизации. Наименее толерантны они к народам Ближнего Востока и Средней Азии. Очевидно, что важной причиной подобного отношения является влияние современных СМИ, зачастую демонизирующих представителей этих народов [9, с. 81–86]. Но также не менее важная причина такого положения – отсутствие должных мероприятий, направленных на интеграцию в студенческое сообщество иностранных граждан, особенно туркмен, что привело фактически к изоляции и геттоизации туркменского студенческого сообщества, непринятию туркменскими студентами не только ценностей, но даже и поведенческих норм белорусского социума. Сложившаяся практика интеграции иностранных студентов в белорусское студенческое сообщество ведет к формированию нетолерантного и предубежденного отношения к иностранцам.

Снижение толерантности во время обучения в университете – симптом весьма тревожный. Отношение студентов к народам Средней Азии, туркам, арабам и чеченцам ухудшается от первого к пятому курсу, что во многом является следствием неоднозначного опыта непосредственных контактов с представителями туркменского народа.

Следует рассматривать такие тенденции к быстрому снижению толерантности белорусских студентов как возможную модель развития отношений между коренными жителями Беларуси и иммигрантами со значительными культурно-цивилизационными отличиями в случае увеличения их численности. Возможным последствием может стать повторение негативного опыта западноевропейских стран, в которых итогом непродуманной миграционной и интеграционной политики стал рост социальной напряженности, дискриминация, изоляция и геттоизация иммигрантских сообществ, их маргинализация и криминализация, социальная, культурная и экономическая отчужденность.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Национальная программа демографической безопасности Республики Беларусь на 2011–2015 гг. [Электронный ресурс] // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: http://www.pravo.by/world_of_law/text.asp?RN=P31100357. – Дата доступа: 11.04.2015.
2. Этнопсихологический словарь / ред. В. Крысько. – М. : МПСИ, 1999. – 343 с.
3. Науменко, Л. И. Белорусская идентичность. Содержание. Динамика. Социально-демографическая и региональная специфика / Л. И. Науменко. – Минск : Беларуская навука, 2012. – 205 с.
4. Бубнов, Ю. М. Социологический очерк потенциальной этнической нетерпимости в белорусском обществе / Ю. М. Бубнов // Весн. Брэсц. ун-та. Сер. 1. Філас. Палітал. Сацыял. – 2012. – № 1. – С. 129–138.
5. Почебут, Л. Г. Кросс-культурная и этническая психология : учеб. пособие. – СПб. : Питер, 2012. – 336 с.
6. Сергеев, В. Социальная дистанция и национальные установки / В. Сергеев // Телескоп. – 2008. – № 2. – С. 57–61.
7. Ляпунова, О. Е. Отношение студентов Архангельска к представителям различных этнических групп [Электронный ресурс] / О. Е. Ляпунова // Наукоедение. – Вып. 5 (24), сентябрь-октябрь 2014. – Режим доступа: <http://naukovedenie.ru/PDF/28PVN514.pdf>. – Дата доступа: 15.06.2015.
8. Majda, A. Postawy studentów pielęgniarstwa wobec osób odmiennych kulturowo / A. Majda, J. Zalewska-Puchała, E. Barczyk // Problemy Pielęgniarstwa. – 2013. – Vol. 21, № 3. – P. 327–334.
9. Мукомель, В. И. Миграционная политика России: постсоветские контексты / В. И. Мукомель. – М. : Диполь Т, 2005. – 351 с.
10. Алампиев, О. А. Особенности интеграции студентов из исламских стран в белорусском обществе (на материале Полоцкого государственного университета) / О. А. Алампиев // Труд. Профсоюзы. Общество. – 2012. – № 1. – С. 62–66.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 06.07.2015

Alampiyeu A.A. The Study of Ethnic Tolerance among Students (Based on Polotsk State University Data)

The article deals with the problem of ethnic tolerance among students. The quantitative and qualitative data show that students' attitude to the members of various ethnic groups differs greatly. The students are the most tolerant towards European nations, but in the first place – towards Slavic ones, and the least tolerant to the Central Asia and Middle East nations. It is stated that during studying at the University there is a tendency to tolerance decline towards the Turkmens and some ethnic groups which are similar to them from cultural point of view, caused by ambiguous interaction experience with the Turkmens. It is specified that there is difference in attitude towards various ethnic groups depending on students' sex and confession. The article shows the necessity of measures correction directed to prevention of interethnic tension in Belarusian society in general and in student community in particular.

УДК 316.334.23(476.7)

С.Т. Кавецкий¹, Е.В. Скакун²¹канд. филос. наук, доц., доц. каф. политологии и социологии
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина²канд. полит. наук, доц., зав. каф. политологии и социологии
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина**СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА
В ПРИГРАНИЧНЫХ РАЙОНАХ БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ**

В статье рассматриваются социологические аспекты развития и поддержки предпринимательства в приграничных районах Брестской области. Анализируется уровень трансграничного экономического развития региона. Подчеркивается, что отрицательно влияют на развитие предпринимательства в приграничных районах Западной Беларуси следующие факторы: неплатежеспособность контрагентов, длительное ожидание выплат; процентные ставки по кредитам; большая конкуренция; состояние рынка, экономики; налоги и др. Делается вывод, что развитие трансграничного сотрудничества в приграничных районах может обеспечить решение следующих вопросов: создание конкурентной среды, новых рабочих мест; обеспечение региональных рынков потребительскими товарами и др.

Введение

Сектор малого и среднего бизнеса является важным элементом в устойчивом развитии стран с рыночной экономикой и ключевым фактором в устойчивой реструктуризации в постсоциалистических странах. Динамичное развитие малых и средних предприятий способствует более быстрой структурной перестройке экономики в этих странах, притоку высвобождаемой рабочей силы из трансформируемых предприятий и секторов в сектор малого и среднего бизнеса, росту предпринимательской активности населения, повышению качества рабочей силы, созданию новых рабочих мест и повышению социально-экономической стабильности в стране. Именно по уровню развития малого бизнеса специалисты судят о способности страны приспособиться к меняющейся экономической обстановке.

Для Республики Беларусь, находящейся на этапе построения рыночных отношений, создание и развитие сектора предпринимательства постепенно становится основой социальной реструктуризации общества. Особенно это актуально для приграничных территорий Западной Беларуси, поскольку будет способствовать повышению конкурентоспособности и гибкости, созданию дополнительных рабочих мест и решению прочих экономических и социальных проблем.

Методика исследования

Социологическое исследование по опросу предпринимателей и представителей институтов бизнес-среды проводилось в конце 2014 и в начале 2015 гг. В выборку исследования были включены четыре приграничных района Брестской области: Брестский, Каменецкий, Малоритский и Пружанский, которые граничат с Республикой Польша и Украиной, – а также центры поддержки предпринимательства, финансовые институты, высшие учебные заведения г. Бреста.

Объектом исследования являются субъекты предпринимательской деятельности и субъекты – представители институтов бизнес-среды. Предмет исследования – оценка условий для развития и поддержки предпринимательства; возможности и перспективы сотрудничества предпринимателей в приграничных районах. Цель исследования – выявление уровня трансграничного экономического развития региона, идентификация барьеров экономического сотрудничества в приграничных районах, определение возмож-

ностей и перспектив сотрудничества предпринимателей в приграничных районах, а также перспектив сотрудничества между предпринимателями и вузами.

Опросы предпринимателей проводились по репрезентативной выборке, включающей официально зарегистрированные частные предприятия. Субъекты предпринимательской деятельности каждого района отбирались по квотно-пропорциональному признаку с учетом времени существования, числа работающих и рода деятельности.

Для сбора информации был использован метод стандартного интервью «лицом к лицу» с респондентом по месту работы. Общий объем выборочной совокупности составил 100 респондентов (предпринимателей). В процессе исследования изучалось мнение представителей бизнес-среды: руководители и сотрудники отделов экономики райисполкомов, начальники отделов по обслуживанию малого и среднего бизнеса банков, руководители центров по поддержке предпринимательства, инновационных организаций, преподаватели высших учебных заведений г. Бреста (30 респондентов).

Предприниматели об условиях развития бизнеса в приграничных районах

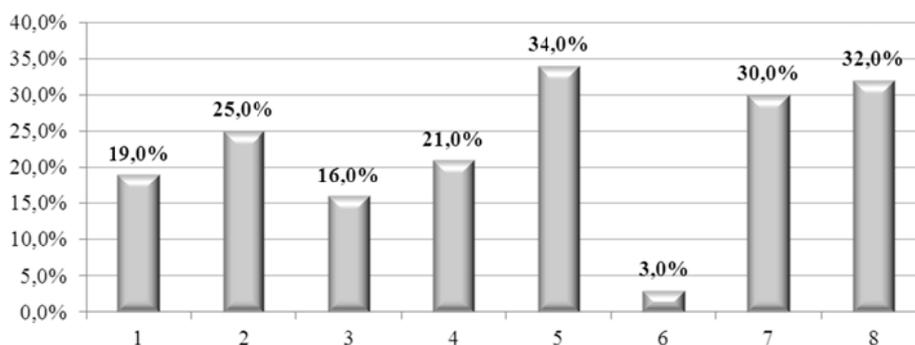
На сегодняшний день в Республике Беларусь разработана Государственная и региональные программы поддержки предпринимательства, образован Белорусский фонд финансовой поддержки предпринимателей. Его основной задачей является оказание государственной финансовой поддержки предпринимательским субъектам за счет средств, предусмотренных в программах государственной поддержки малого предпринимательства. Государственная финансовая поддержка оказывается субъектам малого предпринимательства при реализации инвестиционных проектов в целях приобретения оборудования, специальных устройств и приспособлений, закупки комплектующих изделий, сырья и материалов для собственного производства и т.д. Но, как показали результаты опроса, только 5% ответивших обращались в пункты поддержки предпринимательства, 64% не обращались, а 31% вообще не знают, что такие пункты существуют.

Предпринимательство, как показывает зарубежный опыт, во всех странах развивается при значительном участии государства в его регулировании и поддержке. В условиях формирования рыночных отношений значение государственного регулирования в сфере предпринимательской деятельности еще более необходимо, чем в странах с развитой рыночной экономикой. Государство должно участвовать в формировании субъектов предпринимательства во всех отраслях экономики, в создании благоприятной среды, способствующей его развитию, в развитии и поддержке инфраструктуры малого предпринимательства как на республиканском, так и региональном уровнях.

Представители малого и среднего бизнеса оценили качество услуг, предоставляемых им местными властями. Поддержку малых и средних предприятий 36% опрошенных оценили как «не очень хорошо» («хорошо» 21%, «плохо» – 28%). Продвижение предпринимательства в приграничных районах 42% ответивших оценили «не очень хорошо» («хорошо» отметил каждый пятый респондент (20%), «плохо» – 24%). Выдачу разрешений органами местного самоуправления большинство ответивших (60%) оценили как «хорошо». Предложение территорий и зданий для предпринимателей треть респондентов (33%) оценила «хорошо». Транспортное сообщение в пределах района (маршруты, состояние дорог) большинство опрошенных (61%) оценили «хорошо». 67% респондентов вывоз мусора оценили «хорошо». Уровень общественной безопасности большинство респондентов (64%) тоже находят «хорошим». Наличие технической инфраструктуры и коммунального хозяйства 52% респондентов оценили как «хорошее» («не очень хорошее» – 28%). Содержание улиц, тротуаров и зеленых насаждений 55% ответивших предпринимателей находят «хорошим» (27% считают «не очень хорошим»). Оценку «не очень хорошо» получила услуга «Помощь в установлении контактов с предпринимателями из-за рубежа» – 28% («плохо» поставили 29% респондентов).

На современном этапе развития трансграничного сотрудничества, по мнению опрошенных, наиболее важными отраслями для развития района являются промышленность (44%), сельское хозяйство (39%), торговля и услуги (32%), туризм (27%). Если рассматривать в региональном аспекте, то в Брестском районе такими отраслями считают промышленность (56%) и туризм (44%), в Каменецком – сельское хозяйство (52%), торговлю и услуги (40%), в Малоритском – промышленность (52%), торговлю и услуги (40%), в Пружанском – промышленность (60%) и сельское хозяйство (36%).

На ведение бизнеса в приграничных районах Брестчины положительно будут влиять такие факторы, как низкие местные налоги (34%), возможность расширения рынков сбыта (32%), близость к границе (30%), наличие территорий под инвестиции (25%), туристическое развитие района (21%) (рисунок 1). В Брестском районе на ведение бизнеса положительное влияние окажут возможности расширения рынков сбыта, наличие технической инфраструктуры и коммунального хозяйства, низкие местные налоги, близость к границе; в Каменецком – низкие местные налоги, туристическое развитие района, близость к границе; в Малоритском – наличие территорий под инвестиции, близость к границе; в Пружанском – возможность расширения рынков сбыта, наличие технической инфраструктуры и коммунального хозяйства, низкие местные налоги.

Примечание. – 1. Наличие технической инфраструктуры и коммунального хозяйства; 2. Наличие территорий под инвестиции; 3. Положение района (наличие транспортной инфраструктуры); 4. Туристическое развитие района; 5. Низкие местные налоги; 6. Доступ для соответствующих работников; 7. Близость к границе; 8. Возможность расширения рынков сбыта.

Рисунок 1. – Факторы, положительно влияющие на ведение бизнеса

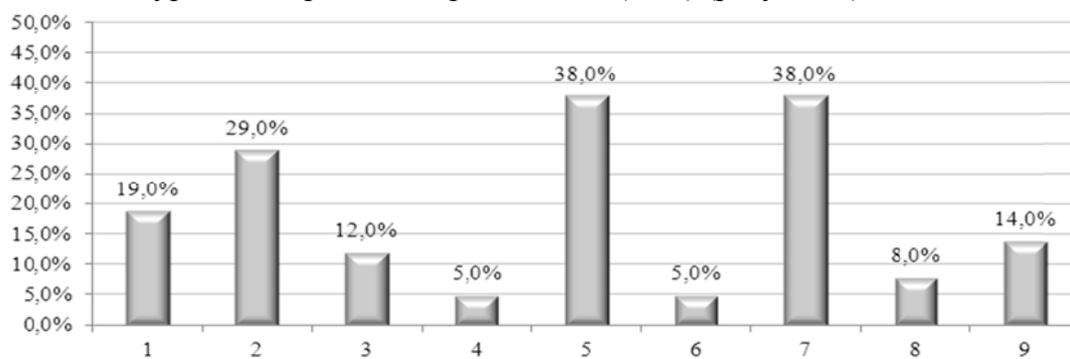
Но существуют также факторы, отрицательно влияющие на ведение бизнеса в регионе. И в первую очередь это высокие местные налоги. С этим согласны 66% опрошенных предпринимателей. Остальные факторы будут оказывать незначительное влияние: доступ для соответствующих работников (8%), туристическое развитие района (6%), близость к границе (6%), возможность расширения рынков сбыта (6%).

Развитие предпринимательства сталкивается с определенными проблемами. Как показали результаты опроса, основными факторами, которые в наибольшей степени отрицательно влияют на развитие предпринимательства в приграничных районах Западной Беларуси, являются неплатежеспособность контрагентов, длительное ожидание выплат (41%); процентные ставки по кредитам (39%); большая конкуренция (32%); состояние рынка, экономики (31%); налоги (25%). Указывали респонденты и другие факторы: сложные юридические и налоговые процедуры (18%); затраты на материалы (18%); закрытость границы (13%); уровень бюрократии (13%); таможенно-тарифные правила внешней торговли (12%) и др.

Для Республики Беларусь, находящейся в стадии развития рыночных отношений, создание и развитие сектора предпринимательства постепенно становится основой социальной реструктуризации общества и перехода всего хозяйства страны к рыночной

экономике. Несмотря на все сложности, государство старается наладить диалог с предпринимательским сектором с целью определения проблем, мешающих развитию частной инициативы. По мнению респондентов-предпринимателей, для повышения уровня развития предпринимательства местные власти должны в первую очередь заниматься привлечением новых инвесторов (56%), развитием средних и крупных предприятий (около 50 рабочих мест) (52%), поддержкой малых и средних предприятий (41%). Стоит местным властям обратить на перспективы молодежи (31%), развитие туризма (19%), развитие мелкого ремесла и услуг (17%).

Согласно данным исследования, среди факторов, препятствующих развитию предпринимательства в приграничных районах, выявлены доступ к кредитам (38%), таможенные и торговые правила (38%), получение лицензии и разрешений (29%), сложная система налогообложения (19%), большое количество налоговых проверок (14%), недостаточный уровень образования работников (12%) (рисунок 2).

Примечание. – 1. Сложная система налогообложения. 2. Получение лицензий и разрешений. 3. Недостаточный уровень образования работников. 4. Обременительные процедуры регистрации новой компании. 5. Доступность кредитов. 6. Уровень коррупции. 7. Торговые и таможенные правила. 8. Действующее в стране трудовое законодательство. 9. Большое количество налоговых проверок.

Рисунок 2. – Факторы, препятствующие предпринимательству в приграничных районах

Для дальнейшего развития предпринимательства в приграничных районах, считают респонденты, должны создаваться следующие условия: усовершенствование кредитной системы и льготного налогового режима, формирование гибких рыночных механизмов повышения деловой активности предпринимателей, свободный выход на внешний рынок. Предпринимательство является основным компонентом экономической системы общества. Поэтому государство и местные власти должны обеспечить устойчивую платформу для его успешного развития. Однако предприниматели отмечают факторы, которые в наибольшей степени отрицательно влияют на развитие бизнеса в приграничных районах Западной Беларуси: неплатежеспособность контрагентов, долгое ожидание выплат (41%); ставки по кредитам (39%); большая конкуренция (32%); состояние рынка, экономики (31%); налоги (25%) и др. Также были указаны другие факторы, препятствующие развитию предпринимательства в приграничных районах: доступ к кредитам (38%), таможенные и торговые правила (38%), получение лицензии и разрешений (29%), сложная система налогообложения (19%), большое количество налоговых проверок (14,0, недостаточный уровень образования работников (12%).

Опрошенные предприниматели назвали административные барьеры, которые мешают развитию малых и средних предприятий в районе: 1) большое количество проверяющих и частые проверки; 2) постоянный контроль и бумажный бюрократизм; 3) высокие налоги и трудный доступ к кредитам; 4) большое количество структур, с которыми требуется согласование по развитию бизнеса; 5) слишком много лишних требований; 6) недостаток полномочий местных властей в принятии решений. Положительно

будут влиять на ведение в районе бизнеса низкие местные налоги (34%), возможность расширения рынков сбыта (32%), близость к границе (30%), наличие территорий под инвестиции (25%), туристическое развитие района (21%). В свою очередь, отрицательно будут влиять высокие местные налоги, с чем согласны 66% ответивших.

Для повышения уровня развития предпринимательства в первую очередь местные власти должны обратить внимание на привлечение новых инвесторов (56%), развитие средних и крупных предприятий (около 50 работающих) (52%), поддержку малых и средних предприятий (41%). Стоит обратить внимание и на перспективы молодежи (31%), развитие туризма (19%), развитие мелкого ремесла и услуг (17%).

Представители институтов бизнес-среды об условиях развития предпринимательства в приграничных районах

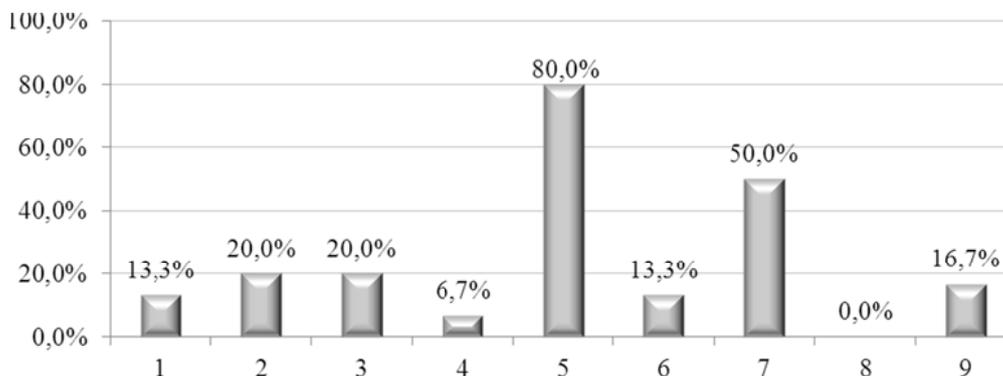
В рамках проекта «Оценка условий для развития и поддержки предпринимательства» в Брестском, Каменецком, Пружанском и Малоритском районах были опрошены представители институтов бизнес-среды. Анализ изменений условий ведения бизнеса в 2013–2014 гг. по сравнению с 2011–2012 гг. показал, что по отдельным позициям есть положительная динамика, но существуют и проблемы, которые необходимо решать. Улучшились условия регистрации новой компании (так считают 63,3% респондентов; условия не изменились – 26,7%; 10,0% затруднились ответить). Также улучшилась выдача разрешений на предпринимательскую деятельность (с этим согласны 56,7%; более одной трети (36,7%) считают, что не изменилась). Одна из острых проблем, которую необходимо решать в первую очередь – это кредитование бизнеса. Более половины респондентов (56,7%) считают, что условия ухудшились (рисунок 3).

Примечание. – 1. Регистрация новой компании. 2. Выдача разрешений на предпринимательскую деятельность. 3. Процедуры проведения проверок финансовой и экономической деятельности. 4. Законодательство и таможенные процедуры. 5. Возможность купли-продажи и аренды земельных участков и недвижимости. 6. Налогообложение. 7. Кредитование бизнеса. 8. Развитие финансового рынка. 9. Развитие страхового рынка. 10. Отношение властей и должностных лиц к предпринимательской деятельности.

Рисунок 3. – Изменение условий ведения бизнеса в 2013–2014 гг. (в сравнении с 2011–2012 гг.)

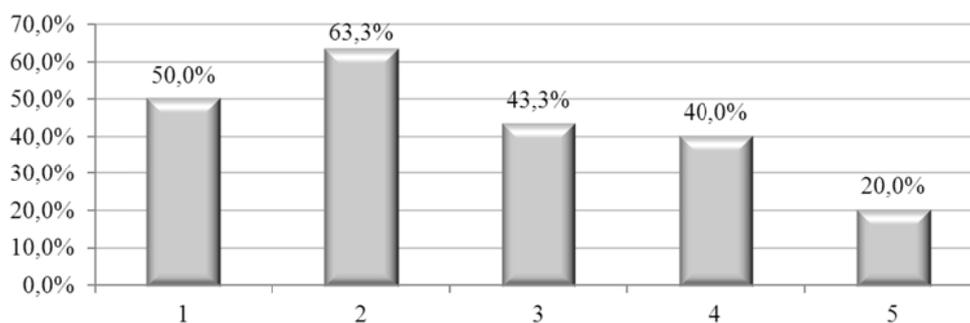
Были названы также и факторы, которые препятствуют развитию предпринимательства в приграничных районах. Подавляющее большинство респондентов (80%) назвали труднодоступность кредитов, половина опрошенных (50%) – таможенные и торговые правила, 20% – получение лицензий и разрешений, 20% – недостаточный уровень образования наемных работников, 13,3% – сложную систему налогообложения, 13,3% – уровень коррупции, 6,7% – обременительные процедуры регистрации новой компании (рисунок 4).

Примечание. – 1. Сложная система налогообложения. 2. Получение лицензий и разрешений. 3. Недостаточный уровень образования наемных работников. 4. Обременительные процедуры регистрации новой компании. 5. Доступ к кредитам. 6. Уровень коррупции. 7. Таможенные и торговые правила. 8. Функционирующее в стране трудовое законодательство. 9. Большое количество налоговых проверок.

Рисунок 4 – Факторы, препятствующие предпринимательству в приграничных районах

Респонденты считают, что для ведения бизнеса предпринимателям в первую очередь нужны юридические консультации (63,3%), консультации по вопросам налогообложения (50%), бухгалтерский консалтинг (43,3%), консультации в области сертификации (40,0%), консультации в области сотрудничества с органами контроля (20,0%) (рисунок 5).

Примечание. – 1. Консультации по вопросам налогообложения. 2. Юридические консультации. 3. Бухгалтерский консалтинг. 4. Консультации в области сертификации. 5. Консультации в области сотрудничества с органами контроля.

Рисунок 5. – Первоочередные услуги, необходимые предпринимателям для ведения бизнеса

В ходе социологического опроса представители институтов бизнес-среды определили круг проблем, которые касаются развития предпринимательства в регионе и на которые должны обратить внимание местные власти в первую очередь. Это привлечение новых инвесторов (56,7%); поддержка малых и средних предпринимателей (50%); развитие средних и крупных предприятий (около 50 работающих) (33,3%).

Кроме того, были названы и другие проблемы: помощь в сближении белорусских и зарубежных предпринимателей приграничных районов (30%); эффективность местного управления (26,7%); развитие туризма (20%); модернизация инфраструктуры и сотрудничество органов самоуправления, сообщества предпринимателей – по 13,3%; развитие сферы образования и культуры, сообщение и связь в пределах региона – по 3,3%.

Наиболее эффективными способами взаимодействия предпринимателей с субъектами (учреждениями) бизнес-среды являются прямые деловые служебные контакты; участие в конференциях, собраниях, тренингах и т.д.; советы, консультации, оказываемые по электронной почте; создание совместных предприятий и др.

Представители институтов бизнес-среды оценили качество услуг, оказываемых местными властями. Половина опрошенных респондентов оценила поддержку малых и средних предприятий как «удовлетворительную». Каждый третий (30,1%) поставил оценку «хорошо». Предложение территорий и зданий для предпринимателей 43,3% опрошенных оценили как «удовлетворительно» («хорошо» – 30%). Общественную безопасность более 80% респондентов оценили положительно («очень хорошо» – 43,3%, «хорошо» – 40%). Транспортное сообщение в пределах района (маршруты, состояние дорог) более половины респондентов (53,3%) оценили как «хорошее». Выдача разрешений органами местного самоуправления половина опрошенных (50%) оценила «хорошо». Более сорока процентов респондентов (43,3%) услуги вывоза мусора и наличие технической инфраструктуры и коммунального хозяйства также оценили «хорошо». 56,7% «хорошим» считают содержание улиц, тротуаров и зеленых насаждений. Промышленность предпринимательства более сорока процентов опрошенных (43,3%) оценили как «удовлетворительное». 40% респондентов считают также «удовлетворительной» образование и подготовку кадров. Оценку «удовлетворительно» получила такая услуга, как помощь в установлении контактов с предпринимателями из-за рубежа (46,7%).

Анализ ответов представителей институтов бизнес-среды в ходе социологического опроса свидетельствует, что существуют административные барьеры, которые мешают развитию малых и средних предприятий в районе: 1) бюрократия; 2) налоговые нагрузки; 3) высокие требования санитарных и пожарных служб; 4) сложная система создания предприятий, бухгалтерская система, инвестиционные проекты; 5) сложность законодательной базы для регистрации предпринимательской деятельности; 6) неравные условия частного бизнеса и государственного сектора, фискальная политика; 7) документооборот с различными инстанциями; 8) проверки на всех уровнях.

Органы местного самоуправления стараются оказывать поддержку предпринимательству в приграничных районах. Так, за последние три года шла работа по таким направлениям, как предоставление бюджетной ссуды под создание рабочих мест; продажа недвижимости с аукциона; продажа объектов неиспользуемой коммунальной собственности; передача имущества коммунальной собственности под реализацию инвестиционных договоров; оказание содействия в получении финансовой помощи; уменьшилось число проверок; выделяются земли для ведения фермерских хозяйств; совершенствование системы информирования.

Заключение

Развитие предпринимательства способствует формированию конкурентных, цивилизованных рыночных отношений, способствующих более полному удовлетворению потребностей местного населения. Предприниматели расширяют ассортимент и повышают качество товаров и услуг, культуру обслуживания, приближают производство товаров и услуг к конкретным потребителям. Малое предпринимательство придает экономике гибкость, мобильность, маневренность; содействует структурной перестройке экономики; создает дополнительные рабочие места, сокращая уровень безработицы;

формирует новый социальный слой собственников, предпринимателей. С целью существенного повышения вклада предпринимательского сектора в развитие трансграничных территорий необходимо улучшить сотрудничество местной администрации с предпринимателями и организациями бизнес-среды путем:

- 1) организации информационных обучающих семинаров, где местные власти должны объяснять, чем помочь и куда можно обратиться за помощью;
- 2) проведения деловых встреч, круглых столов и совместных семинаров;
- 3) активизации работы по трансграничному сотрудничеству;
- 4) упрощения налоговой нагрузки, совершенствования системы кредитования;
- 5) ухода от функции контроля к функции партнерства, консультаций и сотрудничества;
- 6) организации встреч с предпринимателями для обмена информацией, которая будет полезна обеим сторонам.

Результаты опроса свидетельствуют о том, что существующая система образования не соответствует вызовам и требованиям рыночной экономики, в условиях которой работают предприниматели. Следовательно, необходимо проводить больше консультаций, различных видов тренингов, конференций по вопросам развития предпринимательства. На это указывали и предприниматели, и чиновники. В проведении таких мероприятий существенную помощь могут оказать высшие учебные заведения г. Бреста.

Рукапіс паступіў рэдакцыю 16.10.2015

Kavetski S.T., Skakun Y.V. Sociological Field of Entrepreneurship in Near-border Areas of Brest region

The article discusses sociological aspects of development and support of entrepreneurship in near-border areas of Brest region. Region cross-border economic development level is analyzed; factors affecting the development of entrepreneurship in near-border areas are studied. It is emphasized that the following factors affect the development of entrepreneurship in near-border areas: insolvency, long period of payment expectation, high interest rates, severe competition, market environment, taxes, etc. The authors conclude that the development of trans-border cooperation in near-border areas will promote the solution of the following tasks: the creation of competitive environment, new jobs, and the provision of consumer goods on the regional markets.

УДК 316.62:070.446:004.416.3

У.П. Люкевіч*канд. філас. навук, дац., дац. каф. спартыўных дысцыплін
Брэскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна***ДЗЕЦІ Ў ВАРУНКАХ САЦЫЯЛЬНАЙ АДАПТАЦЫІ:
СПОРТ ЯК АЛЬТЭРНАТЫВА ФАРМАВАННЯ І РАЗВІЦЦА АСОБЫ**

Сучасны спорт з'яўляецца вельмі папулярным відам сацыяльнай актыўнасці для ўсіх людзей незалежна ад узросту, статусу і прафесійнай дзейнасці. Удзел дзяцей у спартыўных спаборніцтвах розных узроўняў, у тым ліку і на самых высокіх – нацыянальных і міжнародных турнірах і чэмпіянатах, звязваецца з шэрагам фізіялагічных, прававых, псіхалагічных, маральных і іншых аспектаў. Заняткі спортам нярэдка паўстаюць нават як самая непасрэдная пагроза для здароўя дзіцяці. Нямаюць пытанняў узнікае таксама адносна выбару заняткаў тым ці іншым відам спорту, які ўсё часцей патрабуе ранняй спецыялізацыі. Дэмакратычнасць спорту на пачатковым этапе ў далейшым выразна і жорстка дэтэрмінаецца ў залежнасці ад эканамічных і палітычных прыярытэтаў, што моцна адбіваецца на ўсіх суб'ектах гэтай спецыфічнай сістэмы грамадскіх стасункаў.

Уводзіны

Развіццё сучаснага грамадства характарызуецца шэрагам самых разнастайных тэндэнцый, якія знаходзяцца паміж сабой ва ўзаемнай сувязі, дапаўняюць адна другую, дынамічна змяняюцца і адгукаюцца на ўсе выклікі, што фармуюцца ў працэсе функцыянавання чалавечай супольнасці. Сярод падставовых накірункаў тут можна адзначыць такія, як дэакратызацыя, лібералізацыя, гуманізацыя, эмансіпацыя, глабалізацыя, рэгіяналізацыя, а таксама некаторыя іншыя. У сукупнасці такая сітуацыя ўтварае спецыфічнае ўспрыманне цяперашняга часу. Назапашванне колькасці сацыяльных змяненняў адносна крытычнай масы, як правіла, вядзе да новай якасці на кожным больш высокім вітку спіралі грамадскага развіцця. У гэтай сістэме няспынна адбываюцца самыя разнастайныя кантакты і адносіны паміж рознымі сацыяльнымі групамі, што вызначаюцца па такіх прыкметах, як пол, узрост, прафесійная прыналежнасць, веравызнанне і г.д. Функцыянаванне кожнай сацыяльнай групы адрозніваецца па шэрагу прыкмет і мае свае асаблівасці. У дадзеным кантэксце пад увагу могуць трапіць такія паказальнікі, як узровень і камфортнасць жыцця, магчымасці атрымання адукацыі, доступ да сродкаў камунікацыі, бяспека і пачуццё ўпэўненасці ў жыцці і інш. У такім разуменні адной з найважнейшых для грамадства праблем з'яўляецца праблема бяспекі дзяцей, што можа быць інтэрпрэтавана па даволі шырокім коле тых сацыяльных аспектаў, якія спадарожнічаюць у працэсе станаўлення чалавечай асобы ад моманту нараджэння. Паняцце бяспекі дзяцей найчасцей звязваецца з разнастайнымі пагрозамі ў самім працэсе развіцця асобы (напрыклад, лакалізацыяй месца нараджэння – недастаткова эканамічна развітая краіна альбо рэгіён), выхаванне ў няпоўнай сям'і, магчымасці і варункі атрымання адукацыі, фармаванне інтэрнэт-(не)залежнасці, наяўнасць пазітыўных узораў для ўласнага самаўдасканалення. Асобнай праблемай выглядае жыццё дзяцей, што знаходзяцца на тэрыторыях, якія ахоплены ваеннымі канфліктамі.

Адным з актуальных аспектаў фармавання асобы ў сучасным грамадстве з'яўляецца яе самарэалізацыя ў спорце. У цяперашні час даволі распаўсюджанай з'явай становіцца заахвочванне дзяцей да заняткаў спортам у раннім узросце. Можна выказаць самыя разнастайныя меркаванні адносна таго, чаму бацькі прыводзяць сваіх дзяцей у спартыўныя секцыі, на што яны арыентуюцца і што чакаюць ад сваіх нашчадкаў у бліжэйшай ці больш аддаленай будучыні.

З перспектывы структуры і размеркавання актыўнасці асобы ў культуры правядзення вольнага часу спорт можа разглядацца як альтэрнатыўны праект, які супраць-

стаіць недахопу рухавай дзейнасці, дамінаванню тэле- і інтэрнэт-залежнасці, якія ў апошні час выпрацоўваюцца ў дзяцей. Згодна з навейшымі традыцыямі пошукаў адказаў на актуальныя пытанні праз інтэрнэт можна звярнуцца да тых крыніц, да якіх маецца доступ у віртуальнай прасторы, і прааналізаваць, як ставяцца да заняткаў спортам дзяцей з мэтай далейшай прафесіяналізацыі ў гэтай галіне сацыяльнай дзейнасці спецыялісты і карыстальнікі.

Дзеці і спорт. Пагрозы прафесійнага спорту

Заахвочванне дзяцей да заняткаў спортам паўстае на сённяшні дзень адным з найбольш актуальных пытанняў як для бацькоў у прыватнасці, так і для грамадства ў цэлым. Спорт дазваляе маладой асобе набываць адпаведныя фізічныя кандыцыі, падтрымліваць на высокім узроўні стан свайго асабістага здароўя, развіваць такія якасці, як дысцыплінаванасць і адказнасць, фармаваць лідарскія амбіцыі, адаптавацца ў сістэме таварыскіх кантактаў і г.д. Спорт у дадзеным выпадку выступае як найлепшая альтэрнатыва дэвіянтным паводзінам, што з непасрэднасцю падсцерагаюць практычна кожную асобу ў падлеткавым узросце.

Поводле разнастайных падыходаў да дэфініцый спорту і спартыўнай дзейнасці, можна вызначыць адпаведную структуру гэтага віду сацыяльнай актыўнасці, якая ўключае ў сябе прафесійны спорт, аматарскі спорт, спорт для ўсіх і камерцыйны спорт [5, с. 29]. Такі падзел дазваляе знайсці сябе ў спорце практычна кожнай асобе безадносна паловай прыналежнасці, узросту, узроўню адукацыі, колеру скуры і фізічнага развіцця. Спорт у самым шырокім разуменні можа інтэрпрэтавацца як сістэма рэгулярных заняткаў асобы з мэтай развіцця і падтрымкі на належным узроўні яе псіхаматарычных кандыцый і здольнасцяў. Асаблівая ўвага ў гэтай сферы надаецца прафесійнаму спорту. Тут важна адзначыць, што прафесійны спорт – гэта сацыякультурны феномен, дзе на гранічным узроўні рэалізуецца фізічны (у першую чаргу), а таксама псіхалагічны, інтэлектуальны, маральны і г.д. патэнцыял як асобнага індывіда, так і групы індывідаў, што заснаваны на працяглых і рэгулярных мэтанакіраваных трэніроўках і рэалізаваны ў форме спаборніцтваў [6, с. 47].

Прафесійны спорт у сучасным грамадстве выглядае вельмі прывабліва. Ён мае «каляровае ўпакаванне», што ўвасабляецца ў самым шырокім дыяпазоне mass media, а таксама ў створаным грамадскай думкай іміджы: спартсмены – прыгожыя, здаровыя і багатыя людзі, яны выглядаюць як паспяховы сацыяльны праект. Такі падыход часам занадта моцна ўплывае на бацькоў, якія, нягледзячы ні на што, хацелі б бачыць сваіх дзяцей у шэрагах чэмпіёнаў. Пераадоленне т.зв. комплексу непаўнаважнасці коштам уласных дзяцей выглядае ў дадзеным выпадку як кампенсацыя за няпоўненыя мары свайго асабістага дзяцінства. Але ці сапраўды прафесійны спорт такі прыгожы, як яго малююць? Ці заўсёды намаганні бацькоў у працэсе выхавання (прадукавання) дзяцей-чэмпіёнаў вядуць да значных поспехаў? Якія перашкоды маюцца на шляху да вялікіх перамог у спорце?

Калі дзеці вызначаюцца актыўным стылем жыцця і займаюцца спортам, то бацькі пераважна не маюць нічога супраць і нават падтрымліваюць такое імкненне матэрыяльна. Перш за ўсё неабходна вызначыцца з праблемай матывацыі. Чаму дзіця імкнецца да таго, каб перамагаць, наколькі тут моцныя імкненні з боку яго самога, і якую ролю адыгрываюць у гэтым працэсе ягоныя бацькі. Тут могуць улічвацца адразу некалькі фактараў, адным з якіх з'яўляецца паніжаная ацэнка сваіх асабістых здольнасцяў, і таму, каб пераадолець такую сітуацыю, неабходна быць лепшым у спорце (альбо ў якіх іншых галінах сацыяльнай актыўнасці). Але прафесійны спорт – гэта праца на мяжы фізічных і псіхічных магчымасцяў, і далёка не заўсёды намаганні на мяжы магчымасцяў прыносяць пажаданы эффект. У выніку надыходзіць фрустрацыя, калі расчараванне,

крыўда і агрэсія пачынаюць дамінаваць і адбіваюцца на паводзінах. Не меншая небяспека можа надыходзіць з боку перфекцыянізму. Чалавек разумее, што быць дасканалым немагчыма, усведамляе сябе няўдачнікам і лузерам, перажывае глыбокую дэпрэсію з-за таго, што час быў змарнаваны, поспехі – мізэрныя, а мэта жыцця так і засталася па-за межамі дасягальнасці. Акрамя гэтага, вельмі спрэчным з'яўляецца імкненне з боку бацькоў выкарыстанне дзяцей у якасці сродку, напрыклад, фінансавага забеспячэння дзякуючы спартыўным дасягненням. Чарговым праблемным момантам спартыўнай прафесіяналізацыі дзяцей з'яўляюцца медыцынскія пагрозы. На першае месца тут выходзяць небяспечныя траўмы, якія нават статыстычна здараюцца ў кожнага спартсмена незалежна ад ягонага ўзросту і кваліфікацыі. Посттраўматычны сіндром нярэдка ставіць крыж на кар'еры атлета. Другая далікатная праблема, звязаная з медыцынай, мае адносіны да ўжывання допінгу. На прафесійным узроўні без дадатковай падтрымкі праз стымулятары ў самых разнастайных іх формах практычна нельга абысціся [2]. Спосабы спажывання допінгу на сённяшні дзень дасягнулі такога высокага тэхналагічнага ўзроўню, што знайсці яго ў арганізме становіцца надзвычай цяжка, а наступствы, што маюць непасрэдна негатыўны ўплыў на здароўе, праяўляюцца ў найбольш аддаленым часе [13]. Разам з тым бацькі абавязкова павінны ведаць пра існаванне World Anti-Doping Agency і пра тое, што маецца спіс забароненых сродкаў і метадаў, а так-сама вызначаныя стандарты для правядзення антыдопінгавых тэстаў [7; 10]. Як сведчаць некаторыя даследаванні, больш за 60% асобаў, якія спажываюць анабалічныя стэроіды, пачалі прымаць іх ва ўзросце менш за 16 гадоў. Вядома, што існуе залежнасць паміж часам пачатку прыёму допінгавых сродкаў і наступствамі для арганізма спартсмена: чым раней выкарыстоўваўся допінг, тым вышэй рызыка атрымання негатыўных эфектаў для здароўя. Спажыванне допінгу падлеткамі найбольш моцна адбіваецца на здароўі ў перыяд полавага развіцця. Спецыфіка такога падыходу, напрыклад, праяўляецца ў жаночай спартыўнай гімнастыцы. Каб быць канкурэнтаздольнымі ў гэтым відзе спорту дзяўчынкі павінны рабіць разнастайныя акрабатычныя практыкаванні, таму рост гімнастак не павінен быць занадта высокім. У такім разе ён замаруджваецца з дапамогай прэпаратаў. Пасля заканчэння сваёй спартыўнай кар'еры былыя гімнасткі мелі шматлікія праблемы з органамі ўнутранай сакрэцыі [1]. Заняткі прафесійным спортам звязаны з нагрузкамі на мяжы чалавечых магчымасцяў. Але варта зазначыць, што сярод прычын смяротнасці сярод спартсменаў на першым месцы значацца зусім не траўмы, а праблемы, звязаныя з функцыянаваннем сэрца [3].

Спорт як від сацыяльнай актыўнасці апошнім часам спалучаецца пераважна з прафесійнай дзейнасцю, якая падаецца ў вельмі прывабным упакаванні. Зразумела, што па ўсім свеце знаходзяцца мільёны пакупнікоў, каб набыць адзін з самых папулярных тавараў сучаснага глабалізаванага грамадства. Відовішча і непасрэднае дачыненне да відовішча прымушаюць усімі сіламі цягнуцца да гэтага іншага (але ці лепшага) ілюзорнага свету. Можна зразумець натуральнае імкненне чалавечай асобы да стварэння адпаведнага камфорту свайго асабістага жыцця. У залежнасці ад вялікай колькасці акалічнасцяў выбіраюцца адмысловыя сродкі дасягнення мэты. Хуткасць развіцця грамадскіх працэсаў навязвае кожны раз усё новыя алгарытмы для асобна вызначанай адзінкі. І калі такая асоба адпавядае выклікам сучаснага сацыяльнага жыцця – яна паспяхова, калі не – то няўдачнік і лузер. На ўзроўні побытавай перцэпцыі шырока распаўсюдзілася думка пра тое, што дзейнасць у галіне спорту не можа разглядацца як нешта сур'ёзнае, такое, што патрабуе павагі. Але ў сувязі з новым паступальным віткам цывілізацыі спорт нечакана для многіх становіцца цікавым аб'ектам у шмат якіх аспектах: эканомікі, палітыкі, адукацыі і г.д. Адначасова спорт трапляе ў сферу інтарэсаў амбітных людзей. Ганарары за перамогу на спаборніцтвах і папулярнасць у грамадстве дзякуючы сродкам масавай інфармацыі стварылі адзін з найбольш прыцягальных міфаў

пра тое, што гэтая сістэма сацыяльнай актыўнасці адчыняе самы прасты і хуткі шлях да публічнага прызнання і фінансавай забяспечанасці. Таму напачатку можна крыху пацяраць, каб потым атрымаць ад жыцця ўсю асалоду. Менавіта гэтым тлумачыцца той факт, што арыентацыя на прафесійны спорт выпрацоўваецца найперш у шэрагах больш нізкіх сацыяльных колаў, у прадстаўнікоў з краінаў са слабым эканамічным развіццём. Фактычна гэтым тлумачыцца тая шырокая распаўсюджанасць апісанага парадку ў такіх відах спорту, як баскетбол, бокс ці футбол (у адрозненне ад элітных тэніса, гольфа ці коннага спорту).

Адным з праблемных пытанняў далучэння дзіцяці да спорту на самым першым этапе становіцца выбар таго ці іншага накірунку гэтай даволі спецыфічнай дзейнасці. З улікам ранняй спецыялізацыі галоўнае рашэнне прымаецца ў большасці выпадкаў бацькамі, якія арыентуюцца пераважна на свае асабістыя схільнасці да таго ці іншага віду спорту. Але загалом неабходна мець на ўвазе тое, што імкненне да прафесіяналізацыі на фоне магчымасці атрымаць у «каляровай» будучыні высокія ганарары пакідае за кулісамі шэрыя будні напружаных трэніровак, рэальную пагрозу атрымання траўмаў, неадназначныя адносіны са школьным навучаннем, пагрозу страты сувязяў са сваімі ровеснікамі, якія не займаюцца спортам, фінансавыя выдаткі з сямейнага бюджэту, магчымыя расчараванні ў выбраным відзе спорту з-за адсутнасці поспехаў і г.д. Сёння найбольш прывабнымі прафесійна для хлопчыкаў з'яўляюцца футбол, хакей і разнастайныя адзінаборствы. Для дзяўчынак выбіраюцца пераважна гімнастыка, фігурнае катанне і плаванне. Але існуюць таксама прэстыжныя віды спорту, такія, напрыклад, як тэніс і конны спорт, за заняткі якімі бацькам прыйдзецца плаціць немалыя грошы.

Пераважная большасць папулярных відаў спорту характарызуецца хуткасцю, сілай і кантактнасцю, прычым фізічныя, псіхалагічныя і маральныя нагрузкі штуром становяцца ўсё больш высокімі. Адсюль для дзяцей наймаверна вырастае пагроза атрымання траўмы. Таму заняткі такімі відамі спорту, як бокс, лёгкая атлетыка, цяжкая атлетыка, баскетбол, футбол і хакей патэнцыяльна небяспечныя для здароўя дзіцяці. Ёсць тут таксама яшчэ адна небяспека – згаданы ўжо допінг. Як сцвярджаюць лекарам, сіла мышцаў у атлета, які спажывае забароненыя прэпараты, можа пераўзыходзіць магчымасці апорна-рухавага апарату, што істотна падвышае рызыку атрымаць траўму [4]. Асаблівай пагрозай для здароўя вызначаецца бокс, які здаўна лічыцца самым жорсткім і небяспечным відам спорту. Акрамя класічных пераломаў носу і храшчоў вушэй сюды можна залічыць цэлы шэраг траўмаў, якія могуць мець для спартсмена сур'ёзныя непрыемнасці ў далейшым жыцці: пераломы сківіцы, кровацячэнне з носу, пашкоджанні вачэй, разрывы скуры твару і нават лятальнае заканчэння суперніцтва. Футбол мае славу траўманебяспечнасці перш за ўсё з прычыны сваёй звышпапулярнасці. Англіійскія даследчыкі неяк падлічылі, што 63,3% футбалістаў Брытаніі калі-небудзь атрымлівалі траўмы, прычым 55% з іх прыходзіліся на галенастоп. У дадзеным выпадку размова нават не вядзецца пра сінякі, драпіны і паламаныя пазногці. У баскетболе, у сваю чаргу, найбольш часта сустракаюцца расцяжэнні, удары, вывіхі, разрывы звязак і пераломы. Гімнастыка нясе ў сабе небяспеку траўмаў рук, ног, галавы і шыі. Падзенні тут часта адбываюцца і на трэніроўках, і на спаборніцтвах, і гэта нават нягледзячы на выкарыстанне сучаснай тэхнікі бяспекі. Чарговы небяспечны від спорту – хакей. На думку спецыялістаў, без пераломаў, удараў і расцяжэнняў мышцаў не абыходзіцца ні адна гульня. Галоўны фактар, што ўплывае на атрыманне пашкоджанняў, – вялікія хуткасці саміх гульцоў, а таксама хуткасць перамяшчэння шайбы. Да таго ж хакей – надзвычай кантактная гульня, дзе дазваляюцца сілавыя прыёмы, пасля якіх спартсмены б'юцца аб барты, з разгону падаюць на лёд, часам атрымліваюць адчувальныя удары ў галаву. Вельмі небяспечна выглядаюць удары клюшкай, кантакты цела з вострымі лёзамі канькоў, а яшчэ практычна ў кожным матчы паміж камандамі ўзнікаюць бойкі. Да пераліку

небяспечных для заняткаў дзяцей відаў спорту, безумоўна, адносяцца горныя лыжы і скачкі з трампліна. Хуткасць, з якой лыжнікі спускаюцца з гары, дасягае 140 км/г, а то і больш. У такой сітуацыі небяспечнай, а часам і трагічнай можа стаць кожная дробязь. Палёты на лыжах з трампліна – вельмі прыгожыя, калі за імі сачыць з трыбуны альбо па тэлевізары. Спартсмены часам скачуць на адлегласць да 250 м. Псіхалагічнай вытрымцы атлетаў можна толькі пазайздросціць, але якая гарантыя ўпэўненасці ў тым, дзесям гэта спадабаецца? Не менш напружаная сітуацыя ў санным спорце, бабслеі, цяжкай атлетыцы, скачках у ваду, веласпорце, гандболе [4].

Каб сфармаваць са свайго дзіцяці прафесійнага спартсмена, неабходна не толькі вызначыцца з адпаведным відам спорту, трэба таксама знайсці ў сямейным бюджэце неабходныя сродкі для паўнавартаснай падрыхтоўкі. У кожным відзе спорту для гэтага патрэбны розныя грашовыя сумы, але ўсё роўна існуе пагроза таго, што грошы могуць быць безнадзейна растрачаныя. Зразумела, што найбольшыя шанцы стаць прафесіяналам маюцца ў найменш папулярных відах спорту. Але там і меншыя ганарары. У футболе, напрыклад, каб давесці сваё дзіця да вышэйшага ўзроўню ад самага пачатку, трэба інвеставаць каля 20 тыс. дол. Гэтая сума ўключае аплату за трэніроўкі і лагерныя зборы, экіпіроўку, паездкі на спаборніцтвы, харчаванне і г.д. Але няма ніякай гарантыі, што такія інвестыцыі будуць вернутыя з прыбыткам [8].

Заклучэнне

Сучасны спорт пачынае фармавацца як даволі небяспечная частка чалавечай сацыяльнай дзейнасці. На сёння ён выглядае як прыгожа загорнуты цукерак, які прыцягвае да сябе шматлікіх ахвотных на салодкае. Да гэтага «салодкага» цягнуцца не толькі дзеці – гэта б выглядала натуральна, – але таксама бацькі. Асабліва гэта датычыцца малазбяспечаных сем'яў, прадстаўнікоў мігранцкіх колаў. Часам бацькі не бачаць нічога небяспечнага ў тым, што іх дзеці пачынаюць спартыўную кар'еру за кошт пропуску школьных заняткаў, адрываюцца ад сацыяльнага асяроддзя сваіх равеснікаў. Адным з яркіх прыкладаў падобнага падыходу можа стаць лёс знакамітага шведскага футбаліста Златана Ібрагімавіча. Сын бедных эмігрантаў з Босніі, бацькі якога жылі ў сепарацыі, ён ніколі не вызначаўся поспехамі ў вучобе, быў схільны да дробнага крыміналу, у юнацкім узросце маральна і псіхічна знаходзіўся пад ціскам цяжкасцяў сацыяльнай адаптацыі ў асяроддзі іншага культурнага атачэння. Бацька і маці не прымалі асабліва актыўнага ўдзелу ў фармаванні ягонай асобы. З аднаго боку, можна гаварыць, што менавіта футбол выратаваў яго ад далейшых сумных жыццёвых перспектыў, але дзе ўзяць падобныя гарантыі для іншых здольных атлетаў, якія маюць адпаведны патэнцыял і здольнасці [12].

У сучасным спорце па вялікім рахунку дзяцей і моладзь падсцерагаюць дзве найбольш небяспечныя рэчы. Па-першае, гэта міражнае ўяўленне адносна лёгкага ўзлёту на самыя вяршыні сацыяльнай лясвіцы, дасягненне такога ўзроўню жыцця, якое малюецца на глянцавых старонках гламурных каляровых часопісаў. Гэтая фатальная памылка звязана з адсутнасцю магчымасці рэальнага аналізу грамадскага жыцця. Зоркамі спорту становяцца лічаныя адзінкі з ліку мноства прэтэндэнтаў, іншыя трапляюць у шэрагі звычайнай масоўкі, ці так званага фону, над якім уздымаюцца лідары. Расчараванні і няспраўджаныя мроі часам вядуць да такіх моцных стрэсаў, што нярэдка ставяць крыж на ўсім наступным жыцці, якое толькі распачынаецца. Змены ў сістэме сацыяльных каштоўнасцяў сучаснага грамадства фармуюць новыя стэрэатыпы адносна месца і дзейнасці кожнай асобы ў структуры чалавечых адносін. Існуюць няпісаныя патрабаванні да пэўнай групы людзей, што знаходзяцца на адпаведнай прыступцы сацыяльнай лясвіцы, якія з неабходнасцю трэба выконваць, каб адпавядаць вызначаным узорам. Спорт у самы кароткі час дазваляе пераадолець адразу некалькі такіх прыступак.

Другі даволі важны аспект звязваецца з вызначэннем патэнцыялу свайго асабістага здароўя, як фізічнага, так і псіхічнага. Прычым пад увагу неабходна браць не толькі і не столькі актуальны стан здароўя, але і залежнасць спартыўных паказчыкаў ад верагоднасці атрымання траўмаў. Няўмольная статыстыка сведчыць пра смяротныя выпадкі ў асяроддзі спартсменаў як падчас афіцыйных спартыўных спаборніцтваў, так і на трэніроўках, а таксама нават па-за імі [9]. Зразумела, што дадзеная інфармацыя павінна падавацца ў параўнанні з іншымі відамі прафесійнай дзейнасці людзей, аднак падобныя з’явы ў спорце ўражваюць наймацней, таму што гэтая дзейнасць, згодна з перакананнем на ўзроўні побытавай свядомасці, здаўна лічыцца простым баўленнем часу без разумення таго, што постіндустрыяльнае і інфарматыўнае грамадства стварылі добра развітую інфраструктуру паслугаў для задавальнення самых разнастайных патрэб чалавека, у тым ліку ў культуры правядзення вольнага часу і сферы адпачынку.

Апошнія дзесяцігоддзі ў грамадскім жыцці назіраецца ажыятажны і хваробісты працэс павелічэння тэмпаў і рытмаў чалавечай жыццёвай дзейнасці, што адбываецца пад дэвізам «трэба». Гэта, напрыклад, больш ранняе знаёмства дзяцей са школай – бо так трэба; гэта больш ранняя спецыялізацыя – бо так трэба; гэта больш жорсткія патрабаванні да дзяцей «быць як усе» – бо так трэба. І гэтак далей. Спорт павінен адпавядаць гэтаму працэсу – бо так трэба. І таму фізічныя і псіхічныя нагрузкі, якія выпадаюць на дзяцей падчас трэніровак і спаборніцтваў, уяўляюць сабой сапраўдную і рэальную пагрозу ў шмат якіх аспектах. Вызначэнне спецыялізацыі дзяцей у спартыўнай дзейнасці, якая мае на мэце далейшую прафесіяналізацыю, суправаджаецца пэўным ігнараваннем школьных заняткаў, выхадам за межы сваёй узроставай групы, фармаваннем адмысловага ладу жыцця, арыентацыяй на дасягненне поспеху ў спаборніцтвах (нярэдка за любы кошт). Апошнім часам таксама ўяўна вызначаюцца такія тэндэнцыі ў адносінах да спорту з боку бацькоў, што грунтуюцца на глебе аматарства, калі дзеці атрымліваюць толькі падставовыя ўменні і навыкі заняткаў і гульні. У першую чаргу такі падыход становіцца ўсё больш характэрным для краінаў з высокім узроўнем жыцця, зде большая частка насельніцтва адносіцца да сярэдняга сацыяльнага слою з адносна высокімі заробкамі. Прыклады Францыі, Вялікабрытаніі, Нідэрландаў, апошнім часам нават Германіі дэманструюць, якую вялікую частку спартсменаў складаюць выхадцы з эмігранцкіх сем’яў, для якіх спорт паўстаў у якасці практычна адзінага шляху, каб дасягнуць поспеху ў жыцці. Аднак рэдка праўдзіва гаворыцца, якім коштам гэта ўдалося.

СПІС ВЫКАРЫСТАНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

1. Действие анаболических стероидов на подростков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: – http://www.e-reading.ws/bookreader.php/69010/Zhalpanova_-_Sport,_kotoryii_vas_ubivaet.html. – Дата доступа: 14.04.2014.
2. Детский профессиональный спорт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vegjournal.ru/krasota/sport/1281-detskiy-professionalnyy-sport.html>. – Дата доступа: 14.04.2014.
3. Если жизнь после спорта? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: – <http://krystal.org.ua/articles/Sport.htm>. – Дата доступа: 14.04.2014.
4. Куда не страшно отдать ребенка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: – http://www.rusrep.ru/2009/32/gde_slomat_golovu/. – Дата доступа: 14.04.2014.
5. Люкевіч, У. Метадалагічныя і сацыяльна-філасофскія праблемы спорту / У. Люкевіч. – Брэст : Выд-ва Брэсц. дзярж. ун-та, 2000. – 246 с.
6. Люкевіч, У. Спартыўная этыка / У. Люкевіч. – Брэст : [б. в.], 2007. – 120 с.
7. Международный стандарт для проведения тестирования / Всемирное антидопинговое агентство. – Минск : ГУ «РУМЦ ФВН», 2011. – 108 с.

8. Сколько стоит воспитать футболиста [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://comments.ua/life/273446-skolko-stoit-vozpitat-futbolista.html>. – Дата доступа: 14.04.2014.
9. Современные гладиаторы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ng.ru/society/2008-11-11/8_sport.html. – Дата доступа: 10.07.2014.
10. Список запрещённых веществ и методов – 2012 : международный стандарт; настоящий список вступает в силу с 1 янв. 2012 г. / Всемир. антидопинг. агентство. – Минск : ГУ «РУМЦ ФВН», 2011. – 24 с.
11. Caioli, L. Messi. Historia chłopca, który stał się legendą. / L. Caioli. – Kraków : SINE QUANON, 2013. – 368 s.
12. Ibrahimović, Z. Ja, Ibra. Moja historia / Z. Ibrahimović, D. Lagercrantz. – Kraków : SINE QUANON, 2012. – 389 s.
13. Nie tylko sterydy. Metody dopingu wyczynowych sportowców [Electronic resource]. – Mode of access: <http://facet.interia.pl/aktywnosc/sporty/news-nie-tylko-sterydy-metody-dopingu-wyczynowych-sportowcow,nId,1112570>. – Date of access: 22.04.2014.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 02.11.2015

Lukievic U.P. Children in Conditions of Social Adaptation: Sport as Alternative of Formation and Development of an Individual

Nowadays sport is a very popular form of social activity for all people regardless of their age, status and professional activity. Participation of children in sport competitions at various levels, including the highest one, especially, representation at national and international tournaments and Championships, is associated and intertwined with a number of physiological, legal, psychological, moral, and many other aspects. Sport activities often appear as the most immediate threat to the health of a child. Many questions arise concerning the choice of different kinds of sport, which increasingly require early specialization. The democracy of the sport at the first stage is determined very clearly and rigidly depending on the economic and political priorities, which greatly affect all the people in this specific system of social relations.

УДК 321.01(476.2)

М.С. Бодак

*доц. каф. сацыяльна-політычных і гістарычных навук
Брэстскага дзяржаўнага тэхнічнага ўніверсітэта*

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Тема развития человеческого потенциала вызывает особый интерес в странах, которые идут по пути догоняющей модернизации и поздней индустриализации и в которых наблюдается недостаток природных ресурсов. В такой ситуации приоритетным становится высокий уровень технологического и научного потенциала, напрямую зависящего от качества человеческого капитала. Анализ динамики развития человеческого потенциала в Республике Беларусь за последние два десятилетия позволяет прогнозировать оптимистичный сценарий развития страны в долгосрочной перспективе. Для реализации совокупного потенциала страны следует устранить сдерживающие факторы развития человеческого потенциала, то есть усовершенствовать функционирование ключевых сфер воспроизводства человеческого капитала посредством реализации мер по сохранению потенциала здоровья населения, сокращению диспропорций в оплате труда и доходах населения.

Введение

В Республике Беларусь разработана «Национальная стратегия устойчивого социального развития Республики Беларусь на период до 2030 года», в которой главным критерием эффективности социальной политики определён рост позиции страны не ниже 40 места в 2030 г. в мировом рейтинге индекса человеческого развития.

Индекс человеческого развития – это комбинированный показатель, характеризующий развитие человека в странах и регионах мира. Данный показатель составляется Программой развития Организации Объединённых Наций (ПРООН) и используется в рамках специальной серии докладов ООН о развитии человека. В 1990 г. ПРООН опубликовала первый доклад с оценкой экономического и социального прогресса стран мира, в котором было сформулировано следующее понятие человеческого развития: «Развитие человека является процессом расширения спектра выбора. Наиболее важные элементы выбора – жить долгой и здоровой жизнью, получить образование и иметь достойный уровень жизни. Дополнительные элементы выбора включают в себя политическую свободу, гарантированные права человека и самоуважение» [1]. В качестве основного результирующего показателя социально-экономического развития для каждого года рассматривается индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП).

Обращение ООН к изучению качества человеческого потенциала в различных государствах в современный период исторического развития не случайно. Оно связано с особыми социально-политическими и экономическими условиями, которые сложились в мире, идущем по пути глобализации. Создание глобальной мировой экономической системы с общими рынками сделало общими в том числе и трудовые ресурсы. Изучение состояния человеческого капитала позволяет решать сложные глобальные проблемы за счёт реально существующих средств, минимизировать негативные последствия мировых экономических кризисов и избегать гуманитарных катастроф. Попытка в теории представить успешное социальное развитие без учёта потребностей и интересов членов социума бесперспективна и приводит в реальной действительности к утрате любой властью своей легитимности и, как следствие, управления страной. Задача – выявить, насколько эффективна была политика развития человеческого потенциала в Республике Беларусь на протяжении последних двадцати лет, чтобы обозначить сдерживающие факторы и должным образом её скорректировать на перспективу.

Методика исчисления индекса человеческого развития

Индекс человеческого развития – это совокупный показатель уровня развития человека в той или иной стране, поэтому иногда его используют в качестве синонима таких понятий, как «качество жизни» или «уровень жизни». ИЧР измеряет достижения страны с точки зрения состояния здоровья, получения образования и фактического дохода ее граждан по трем основным критериям, для которых существуют свои индексы.

Индекс ожидаемой продолжительности жизни оценивает здоровье и долголетие, измеряемые показателем средней ожидаемой продолжительности жизни при рождении. Индекс образования оценивает доступ к образованию, измеряемый средней ожидаемой продолжительностью обучения детей школьного возраста и средней продолжительностью обучения взрослого населения. Индекс уровня образования измеряет достижения страны с точки зрения достигнутого уровня образования её населения по двум основным показателям: а) индекс грамотности взрослого населения ($\frac{2}{3}$ веса) и б) индекс совокупной доли учащихся, получающих начальное, среднее и высшее образования ($\frac{1}{3}$ веса). Индекс валового национального дохода констатирует достойный уровень жизни, измеряемый величиной валового национального дохода (ВНД) на душу населения в долларах США по паритету покупательной способности (ППС). По индексу валового национального дохода на душу населения все государства и территории классифицируются тремя категориями: страны с высоким уровнем дохода на душу населения (от 12,616 \$ и выше); страны со средним уровнем дохода на душу населения (1,036 – 12,615 \$); страны с низким уровнем дохода на душу населения (1,035 \$ и ниже). В итоговом рейтинге все государства ранжируются на основе ИЧР и классифицируются по четырем категориями: 1) страны с очень высоким уровнем ИЧР; 2) с высоким уровнем ИЧР; 3) со средним уровнем ИЧР; 4) с низким уровнем ИЧР.

Согласно последнему опубликованному Докладу о человеческом развитии, подготовленному ПРООН в 2014 г. и содержащему обновленные и сопоставимые данные за предыдущие годы, в первую пятерку стран с очень высоким уровнем человеческого развития входят Норвегия (ИЧР – 0,944), Австралия (0,933), Швейцария (0,917), Нидерланды (0,915) и США (0,914). Последние места в рейтинге занимают ЦАР (0,341), Конго (0,338) и Нигер (0,337), которые замыкают группу стран с низким уровнем ИЧР [2].

Динамика развития человеческого потенциала в Республике Беларусь

Довольно быстрый экономический рост и повышение реальной заработной платы в 2000-е гг. позволили Беларуси приблизиться к развитым странам мира по индексу развития человеческого потенциала. Как можно увидеть по ниже приведённым данным, наблюдается скачкообразность изменения индекса развития (таблица 1).

Таблица 1. – Изменение ИРЧП в Республике Беларусь

Год	1990	1995	2000	2002	2003	2004	2005	2014
ИРЧП	0,795	0,753	0,775	0,788	0,804	0,794	0,725	0,786

В 2014 г. Республика Беларусь заняла 53-е место среди 187 стран в международном рейтинге по индексу человеческого развития, улучшив свою позицию по сравнению с 2013 г. на 1 пункт. Согласно классификации ООН, Республика Беларусь всё последнее десятилетие относится к группе стран с высоким уровнем человеческого развития. Согласно последним данным, значение ИЧР для Республики Беларусь на протяжении 2005–2014 гг. неуклонно росло: с 0,725 в 2005 г. до 0,785 в 2012 г. и 0,786 в 2014 г. Среди стран СНГ по уровню человеческого развития Республика Беларусь занимает лидирующую позицию [3]. Однако душевой валовой продукт и продолжительность жизни за означенный период росли крайне неравномерно. Население Республики Беларусь

в 2014 г. составило 91,2% по сравнению с 1990 г. Начиная с 1994 г. наблюдается постоянная убыль численности населения. Сокращение происходит как в результате уменьшения естественного прироста, так и увеличения миграционного оттока, обусловленного поиском лучших условий жизни в других экономических системах. Обозначенную тенденцию можно проследить, проанализировав данные таблицы 2 [4].

Таблица 2. – Динамика количества населения Беларуси в 1897–2014 гг., в млн чел.

Год													
1897	1913	1922	1939	1941	1950	1960	1970	1980	1990	1993	2006	2009	2014
6,7	6,9	4,3	8,9	9,1	7,7	8,1	9,0	9,6	10,26	10,4	9,8	9,5	9,4

По темпу роста населения Республика Беларусь занимает одно из последних мест в мире. Как видно из таблицы 3, доминирует естественная убыль населения, что негативно отражается на индексе продолжительности жизни населения в течение всего периода с 2000 по 2014 гг.

Таблица 3. – Общие коэффициенты рождаемости, смертности и естественного прироста в Республике Беларусь (на 1 000 чел.)

	Год						
	2000	2005	2010	2011	2012	2013	2014
Число родившихся	9,4	9,4	11,4	11,5	12,2	12,5	12,5
Число умерших	13,5	14,7	14,4	14,3	13,4	13,2	12,8
Естественный прирост населения	-4,1	-5,3	-3	-2,8	-1,2	-0,7	-0,3

По индексу валового национального дохода на душу населения Республика Беларусь занимает 67 место с доходом в 16 950 \$ в год. Национальный статистический комитет Республики Беларусь предоставил данные за 2014 г., указывающие на резкое снижение темпов роста ВВП и тенденцию к уменьшению начисленной среднемесячной заработной платы, что также ухудшает индекс уровня доходов населения в общем ИРЧП (таблицы 4; 5).

Таблица 4. – Изменение ВВП Республики Беларусь, % к предыдущему году

Год															
1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2003	2004	2005	2006	2007	2009	2010	2014
86	90	103	111	108	103	106	105	107	111	109	110	108	100,2	107,6	100,5

Таблица 5. – Номинальная начисленная среднемесячная заработная плата работников, \$

Год	2000	2005	2010	2011	2012	2013	2014
Зарплата	74	215	407	339	439	564	552

Из данных таблицы 6 следует, что численность занятого в экономике населения за 2000–2015 гг. практически оставалась неизменной. Это говорит об очевидном прогрессе в росте производительности труда, поскольку примерно одинаковое число занятого в экономике населения обеспечивало прирост ВВП страны десятилетиями. За последнюю пятилетку производительность труда стала опережать рост заработной платы.

Таблица 6. – Численность занятого населения, млн чел.

Год						
2000	2005	2010	2011	2012	2013	2015
4,4	4,4	4,7	4,7	4,6	4,5	4,4

Индекс ожидаемой продолжительности жизни в Республике Беларусь выглядит следующим образом: средний возраст на 2013 г. составил у мужчины 67,3, у женщин – 77,9 года. Республика Беларусь в этом рейтинге занимает низкое 116 место со средним показателем в 69,9 лет. Данные цифры свидетельствуют о снижении средней продолжительности жизни, которая в 1990 г. составляла 71,1 года. Уравновешивает общий индекс продолжительности жизни рейтинг страны по уровню младенческой смертности. Здесь Республика Беларусь с показателем в 3,9 (на 1 000 родившихся) занимает высокое 28 место из 192 стран.

Индекс уровня образования Республики Беларусь составляет 0,820, и это также высокое 21 место среди 187 стран мира, представленных в рейтинге. Данный показатель достигнут за счёт высокого уровня грамотности населения (99,7%), причём 77% имеют высшее образование.

Факторы, влияющие на развитие человеческого потенциала

Пытаясь выявить возможные факторы, препятствующие дальнейшему развитию, следует оценить, какие возможности для развития человеческого потенциала предоставляют рынок труда и процесс создания новой производственной инфраструктуры, а также располагает ли население свободными средствами для самостоятельного инвестирования в человеческий капитал. Об ограниченном рынке труда и необходимости создания новых эффективных рабочих мест свидетельствует растущая безработица и отставание половины населения по денежным накоплениям от среднего уровня по стране. Проблемой является диспропорции в оплате труда и доходах населения (таблица 7). Так, заработную плату выше 10 млн руб. получают только 7,8% работников, медианная заработная плата ниже средней по стране на 20,5%, а 6,5% работников получают меньше 2 млн руб. Разрыв в доходах 10% наиболее высокооплачиваемых и 10% наименее оплачиваемых работников официально составляет 4,1 раза. Доля занятых в сельском хозяйстве составляет 9%. Изменения на рынке труда, начавшиеся в конце 2014 г., привели к тому, что уровень зарегистрированной безработицы на конец августа 2015 г. составил 1% экономически активного населения. Увеличилась неполная занятость. Число зарегистрированных безработных в Республике Беларусь на конец августа 2015 г. составило 45,9 тыс. человек, что в 2,1 раза больше, чем на конец августа 2014 г. [5].

Таблица 7. – Структура денежных доходов и расходов населения, %

		Год							
		1990	1995	2000	2005	2006	2007	2010	2014
Доходы	Оплата труда	73,1	63,8	55,9	58,0	60,7	57,5	56,3	63,6
	Социальные трансферты	16,2	22,9	19,3	21,6	21,0	19,9	20,1	21,2
	Доходы от собственности (сдача в аренду жилья и т.п.)	2,4	3,5	2,0	1,6	1,5	1,9	2,6	5,5
	Доходы от неучтённой предпринимательской деятельности и др. (в т.ч. легальные)	8,3	9,8	22,8	18,8	16	20,7	21,0	9,7
Расходы	Покупка товаров и услуг	82,0	86,9	83,0	82,8	80,9	81,2	79,7	88,4
	Обязательные платежи и добровольные взносы	11,1	7,6	9,5	13,0	14,4	15,6	15,7	11,6
	Вклады, сальдо покупки/продажи валюты	6,9	5,5	7,5	4,2	4,7	3,2	4,6	–

Анализ данных показал, что увеличение размера инвестиций в основной капитал и доли занятых работников способствуют росту ВВП на душу населения. И наоборот,

рост уровня безработицы и доли занятых в сельском хозяйстве уменьшают душевой ВВП и ИРЧП страны. Тормозом для развития выступает низкий уровень инвестиций в основной капитал. Устойчивое развитие человеческого потенциала требует поддержания высоких темпов инвестиций. Для республики среди первоочередных задач стоит развитие инфраструктуры, позволяющей использовать природные и экологические преимущества, повысить инвестиционную привлекательность для бизнеса, предотвратить сжатие сети социальных услуг, повысить качество образования и здравоохранения, в том числе за счет создания рабочих мест для высококвалифицированных работников. Пока эти факторы не стимулируют развитие человеческого потенциала.

Для устранения барьеров на пути развития человеческого потенциала необходимо:

- 1) создание условий для прироста населения;
- 2) содействие развитию рациональной структуры занятости населения, повышение эффективности использования рабочей силы и ее качества;
- 3) повышение реальных доходов как основного фактора улучшения качества жизни и формирования среднего класса в стране;
- 4) обеспечение стабильной, финансово устойчивой пенсионной системы;
- 5) совершенствование социальной защиты населения на основе обеспечения адресности оказания социальной помощи, повышения эффективности и доступности социального обслуживания;
- 6) внедрение системы менеджмента качества во всех учреждениях социальной сферы (образование, здравоохранение, социальное обслуживание, культура), независимо от форм собственности.

Основными составляющими качества жизни белорусов также могут выступать доступность для населения высококачественных услуг образования и здравоохранения, обеспеченность жильем повышенной комфортности, широкий доступ к культурным благам, высокие стандарты личной и экологической безопасности.

Заключение

Республика Беларусь обладает хорошими стартовыми условиями для дальнейшего развития человеческого потенциала, а следовательно, для развития новой экономики и построения постиндустриального общества. Для дальнейшего развития человеческого потенциала необходима такая социальная политика, которая была бы нацелена на сбалансированное повышение всех компонентов человеческого потенциала. Для преодоления негативных тенденций в этом процессе и его активизации в Республике Беларусь необходимо совершенствование функционирования ключевых сфер воспроизводства человеческого капитала посредством реализации мер по сохранению потенциала здоровья населения, сокращению диспропорций в оплате труда и доходах населения.

Результаты исследования могут быть полезны при рассмотрении проблематики человеческого потенциала как критического ресурса Республики Беларусь в нынешних социально-экономических и социокультурных условиях, а также при изучении взаимосвязи состояния человеческого потенциала страны и результативности инновационной стратегии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рейтинг: Индекс развития человеческого потенциала [Электронный ресурс] // Международная жизнь. – 2015. – Режим доступа: https://interaffairs.ru/news/show/10162?utm_source=yandex. – Дата доступа: 30.08.2015.

2. Human Development Report 2014. «Sustaining Human Progress: Reducing Vulnerabilities and Building Resilience». Human Development Report United Nations Development Programme [Electronic resource] – 2015. – Mode of access: https://interaffairs.ru/news/show/10162?utm_source=yandex. – Date of access: 25.07.2015.

3. Reports (1990–2013) United Nations Development Programme [Electronic resource] – 2013. – Mode of access: https://interaffairs.ru/news/show/10162?utm_source=yandex. – Date of access: 20.04.2013.

4. Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс] Режим доступа: http://belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/otrasli-statistiki/naselenie/demografiya_2/operativnaya-informatsiya_1/. – Дата доступа: 16.04.2015.

5. Министерство статистики Беларуси [Электронный ресурс]. – Минск, 2015. – Режим доступа: <http://www.president.gov/Minstat->. – Дата доступа: 27.09.2015.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 30.09.2015

Bodak M.S. Features of Human Development in the Republic of Belarus

The theme of human development is of particular interest in countries on the road to catch-up modernization and late industrialization, in which there is lack of natural resources. In such a situation, the highest level of technological and scientific capacity, directly dependent on the quality of human capital is getting the priority. The analysis of the dynamics of human development in the Republic of Belarus over the last two decades allows predicting optimistic scenario of development of the country in the end. To implement the total capacity of the country it is necessary to eliminated the constraints of human development, namely, to improve the functioning of key spheres of reproduction of human capital through the implementation of conservation measures for public health capacity, for reduction disparities in wages and incomes.

УДК 316.3

М.Г. Соколовская*ст. преподаватель каф. политологии и социологии
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина***МУЖЧИНА И ЖЕНЩИНА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ
БЕЛОРУССКОЙ ДЕЙТЕЛЬНОСТИ**

Статья посвящена анализу особенностей восприятия мужчин белорусскими женщинами. Изучение уровня удовлетворенности женщин отношениями с гендерными партнерами основано на большом эмпирическом материале. Исследованы особенности интерпретации мужских и женских ролей, восприятие «другого». Проанализировано доминирующее восприятие супружеской мотивации. Выявлен когнитивный и культурный диссонанс, являющийся причиной конфликтных ситуаций в отношениях между мужчинами и женщинами.

Введение

Отношения между мужчиной и женщиной исторически являются как ключевыми для всей системы общественных отношений, так одновременно и чрезвычайно хрупкими, уязвимыми, существенным образом зависящими от широкого спектра социальных феноменов: демографической политики государства, типа политического устройства, господствующих ценностных общественных ориентаций, экономических вызовов, которые, в свою очередь, порождают господствующие в рамках определенных исторических эпох социальные образы мужчин и женщин, форматируют их гендерные роли [1].

Очевидно, что современное белорусское общество, находящееся в стадии социальной модернизации и смены ценностных парадигм, радикальным образом изменяет контекст и содержание гендерных ролей и практик. Исследования, посвященные этой теме, как правило, носят обобщенный характер и не учитывают особого «мужского» и «женского» взглядов на эти отношения. Целью статьи является анализ совокупности представлений современных белорусских женщин о мужчинах, изучение содержания и трансформации их гендерных ролей.

Социологами БрГУ имени А.С. Пушкина был проведен социологический опрос с целью определения отношения белорусских мужчин и женщин к выполняемым ими гендерным ролям. По случайной выборке нами был проведен опрос жителей (291 человек), проживающих в разных регионах Брестской области и представляющих основные демографические и профессиональные группы (ошибка репрезентативности не превышает 5%). Исследование было проведено в октябре – ноябре 2014 г.

Следует особо отметить, что данное исследование в своих существенных чертах перекликается с социологическим исследованием 2000 г., в котором изучались восприятие и интерпретация мужской и женской частями населения Беларуси феномена любви [2]. Поэтому, анализируя современные гендерные реалии, многие из них мы будем соотносить с результатами 14-летней давности. В данной же статье, опираясь на результаты социологических исследований, посмотрим на современного мужчину глазами белорусской женщины.

Отношения мужчины и женщины: зона противоречия?

Полученные нами социологические результаты отчетливо свидетельствуют, что отношениям между современными мужчинами и женщинами являются достаточно противоречивыми. Свою неудовлетворенность различными аспектами отношений с мужчинами выражают около 40% женщин. Так, например, если брать наиболее обоб-

щенный уровень, своими отношениями с близким мужчиной удовлетворены только чуть больше половины (58,7%) опрошенных женщин (2000 г. – 53,6%). Поэтому закономерно, что в трудных жизненных ситуациях только 31,5% женщин (2000 г. – 25,2%) рассчитывают на поддержку близкого/любимого мужчину/мужа (таблица 1).

Таблица 1. – Распределение ответов на вопрос «Кто в первую очередь поддерживает Вас в трудных жизненных ситуациях?», %

Варианты ответов	2000 г.	2014 г.
Родители/родственники	44,2	37,1
Муж (любимый мужчина)	25,2	31,3
Надеюсь только на саму себя	24,2	18,9
Друзья	8,4	17,1
Бог	8,4	10,3
Коллеги по работе	3,2	5,5
Случайные знакомые	2,1	0
Затрудняюсь ответить	0	2,0

Жизнь белорусских женщин не очень проста. Они довольно-таки часто бывают охвачены негативными эмоциями. Так, отвечая на вопрос «Как часто вы испытываете внутреннюю боль и страдание?», 16,8% респондентов ответили, что «часто», а 46,4% – «время от времени». Отметим, что по сравнению с 2000 г. число «страдающих» женщин несколько уменьшилось, что, по-видимому, объясняется общей социально-экономической стабилизацией в стране. Однако, думается, дело еще и в том, что женщины стали занимать более активную позицию как в семейном кругу, так и на работе. Поэтому «на страдание» многим из них уже не хватает ни сил, ни времени.

Характерно, что как в 2000 г., так и в 2014 г. основным источником этих переживаний являются факторы, в той или иной степени связанные с особенностями взаимодействия женщины с тем мужчиной, который находится рядом. Так, 32,6% опрошенных указали на «непонимание» как источник переживаний, 20,3% – на семейные проблемы, 19,2% – на одиночество, 16,6% – на предательство близких людей. По сравнению с исследованием 2000 г. в глаза бросаются две особенности. Во-первых, к счастью, за прошедшие годы семейные проблемы в общенациональном контексте стали менее значимыми: выросло, пусть и незначительно, число тех белорусов, которые научились строить более устойчивые и гармоничные семейные отношения. Но, во-вторых, усилилось чувство дисгармонии и внутренней боли у тех женщин, которые не смогли найти «своего мужчину». Очевидно, что наличие в ближнем кругу женщины мужчины, с которым выстроены гармоничные отношения, большей частью снимает негативные эмоциональные переживания и позитивным образом изменяет ее отношение к миру, другим и себе. Обращает на себя внимание и то, что в два раза увеличилось число женщин, указавших на свои переживания по поводу болезни, что объясняется общим ростом заболеваний в стране. В два раза уменьшилось количество женщин, для которых источник переживаний связан с работой (таблица 2).

Таблица 2. – Распределение ответов на вопрос «Что является источником Ваших переживаний?», %

Варианты ответов	2000 г.	2014 г.
Семейные проблемы	49,5	20,3
Непонимание	24,2	32,6
Неприятности на работе	20,0	10,0
Одиночество	13,6	19,2

Продолжение таблицы 2

Предательство близких людей	12,6	16,8
Отсутствие денег	11,6	19,9
Болезнь	6,3	13,7
Отсутствие смысла жизни	6,3	6,9
Никогда	0	0
Другое	3,2	1,7
Затрудняюсь ответить	0	0

Естественным образом дисгармония в межличностных отношениях мужчин и женщин не может не сказаться и на сфере сексуальных отношений, поскольку известно, что сексуальная жизнь не сводится исключительно к ее биологической составляющей, а включает в себя широкую гамму отношений (интеллектуальных, духовных, эмоциональных), любой диссонанс в которых начинает разрушать и данный вид отношений. Свою неудовлетворенность ими высказали 58,7% опрошенных (2000 г. – 46,1%). Очевидна, таким образом, негативная динамика в этом сегменте жизни женщин, но одновременно нельзя не отметить, что значительная часть из них лишена нежных интимных и романтических радостей. В некоторой степени напряжение в этой сфере снимает то, что многие женщины не относят сексуальную жизнь к числу приоритетных. Как показывают результаты недавних социологических исследований, «наблюдается колоссальный диссонанс в восприятии ценности сексуальных отношений мужчин и женщин. Для многих мужчин (72%) секс выступает в качестве основной ценности любви, в то время как среди женщин так считают только 31% опрошенных. Среди женщин, перешагнувших 30-летний рубеж, эта цифра еще ниже – 22% [3, с. 198]. Так, говоря о чертах, характеризующих «настоящего мужчину», только 12,4% женщин (2000 г. – 15,7%) назвали его «сексуальную активность». За сексуальную пассивность «ругают» своих мужчин 1,7% женщин (2000 г. – 3,2%). В 2014 г. 72,5% опрошенных женщин назвали сексуальную активность как черту, присущую современным белорусским мужчинам; противоположного же мнения придерживаются 27,5% респондентов. Очевидно, однако, что если при всей своей сексуальной активности мужчина груб, эгоистичен, профессионально несостоятелен и просто неинтересен женщине как личности, то это не может не влиять на содержание интимных отношений.

Причины дисфункциональности гендерных отношений

Каким же образом можно преодолеть зафиксированные социологами диссонансы в отношениях между современными мужчинами и женщинами?

В первую очередь, необходимо улучшить качество отношений между ними. Речь идет о том, что для современных женщин наиболее желанными чертами мужчин являются те, в которых проявляется тепло, надежность и забота. Так, при ответе на вопрос «Каким должен быть настоящий мужчина?» опрошенные отметили «верным и преданным» (38,5%), «ответственным» (39,2%), «заботливым и нежным» (19,6%), «искренним» (19,2%), а также «хорошим мужем и отцом» (69,1%), что опять-таки предполагает построение отношений на принципах любви и доверия (таблица 3).

Сравнивая полученные социологические данные с исследованием 2000 г., можно выделить несколько трендов.

1. Сохранение, а по отдельным параметрам и усиление значимости, умений «настоящего мужчины» строить гармоничные отношения с женщиной. Именно этим обстоятельством, в первую очередь, объясняется снижение важности умения мужчины зарабатывать деньги. А еще и тем, что многие женщины сами научились быть материально независимыми.

2. Все меньше образ «настоящего мужчины» ассоциируется с умом, поскольку высокий социальный статус и уровень доходов в Беларуси напрямую не связаны.

3. Очевидно резкое усиление спроса на «ответственность» как атрибутивное качество белорусского мужчины, вызванное нарастающей инфантилизацией сильной половины белорусского общества.

Таблица 3. – Качества, присущие современному белорусскому «настоящему мужчине», %

Варианты ответов*	2000 г.	2014 г.
Хороший муж и отец	84,2	69,1
Умение зарабатывать деньги	53,7	31,6
Верность и преданность	44,2	38,5
Ум	43,2	34,0
Заботливость и нежность	43,2	19,6
Ответственность	27,3	39,2
Искренность	21,0	19,2
Сексуальная активность	15,7	12,4
Умение сопереживать	15,7	6,9
Отсутствие вредных привычек	13,6	13,1
Умение сдерживать эмоции	11,6	6,5
Физическая сила	7,4	11,7
Знание, как работает техника, и умение ее починить	6,3	8,6
Стремление сделать карьеру	5,2	5,8
Мужественность	4,2	22,3
Умение переносить боль и страдание	1,1	2,1
«Крутизна»	1,1	0,7
Патриотизм	0	2,1
Другое	0	0

* Возможны четыре варианта ответа

Такие идеальные представления женщин о настоящем мужчине, своего рода «принце на белом коне», сталкиваются, однако, с суровой белорусской реальностью, с «картой будня», поскольку реальные образы мужчин существенным образом расходятся с образами идеальными, что не может не порождать разочарования в отношениях. Социологическая эмпирия показывает, что как раз те качества, которые в наибольшей степени привлекательны и желанны для современных женщин: забота, нежность, верность, ответственность, искренность, щедрость и т.п., – у большинства мужчин отсутствуют. Социологические замеры свидетельствуют и о том, что женский взгляд на мужчину наиболее критичен именно по отношению к его способности построения гармоничных отношений. В представлении женщин, белорусским мужчинам крайне недостает качеств, как раз являющихся базовыми для созидания межличностной гармонии. Так, 81,1% респондентов полагают, что у «реальных» мужчин очевидный дефицит таких качеств, как «верность и преданность»; 78,0% отмечают, что у них отсутствует «искренность», а значит, в основе отношений нет фундамента – доверия; 66% опрошенных убеждены, что мужчины не умеют сдерживать эмоции, что делает эти отношения эмоционально неустойчивыми; 63,6% женщин констатируют, что мужчины «не умеют быть заботливыми и нежными», что неизбежно создает между ними зоны напряжения.

Исследование также показывает, что для белорусских женщин по-прежнему важным является наличие у мужчин подлинно мужских в традиционном понимании качеств. Так, опрошенные женщины отметили, что настоящий мужчина должен быть умным (34%), должен уметь зарабатывать деньги (31,6%), быть мужественным (22,3%).

Однако в реальности наблюдается иная картина: если 69,1% женщин считают, что большинство белорусских мужчин являются умными, то в том, что они умеют зарабатывать деньги, убеждены только чуть больше половины – 51,5%, а уверены в их мужественности еще меньше – 46,4% (таблица 4).

Таблица 4. – Распределение ответов на вопрос «Какие из этих качеств присущи большинству современных белорусских мужчин?», %

Варианты ответа	Присущи	Нет
Ум	69,1	30,9
Физическая сила	77,3	22,7
Мужественность	46,4	53,6
Амбициозность	45,0	55,0
Умение зарабатывать деньги	51,5	49,5
Хороший муж и отец	60,1	39,9
Патриотизм	27,1	72,9
Сексуальная активность	72,5	27,5
Умеющий сдерживать эмоции	34	66
Заботливость и нежность	34,4	63,6
Ответственность	41,2	58,8
Верность и преданность	18,9	81,1
Искренность	22,0	78
Знание, как работает домашняя техника, и умение ее починить	74,2	25,8
Щедрость	32	68
Отсутствие вредных привычек	14,1	85,9
Стремление сделать карьеру	48,8	51,2
«Крутизна»	35,7	64,3
Способность сопереживать	30,2	69,8

Свою лепту в разрушение отношений между мужчиной и женщиной вносят и современные СМИ, которые достаточно много рассказывают о том, как должна выглядеть женщина, но совсем не говорят о том, каким же должен быть настоящий мужчина. Тот образ, который часто воспроизводится в сериалах, весьма далек от реальности, поскольку соединяет в себе черты идеального убийцы (работник милиции, спецслужб; может быть и киллер, бандит) с сердцем Матери Терезы. Но подобного типа в реальности не существует.

Существенным фактором, препятствующим созданию зоны личного комфорта между женщинами и мужчинами, являются конкретные претензии первых по поводу поведения вторых в конкретных жизненных ситуациях. Их содержание, в частности, проявляется в ответах на вопрос «За что женщины ругают близких им мужчин?». В ходе социологического исследования выяснилось, что главной претензией к представителям сильного пола является «отсутствие желания брать на себя ответственность» (на это указали 32,3% опрошенных), что отражает нарастание тренда феминизации современных мужчин. Своеобразным отражением безответственности является также «мужская лень» (23,0% респондентов). Важной причиной, разрушающей отношения между мужчиной и женщиной, являются «эмоциональная несдержанность» мужчин (29,2% женщин отметили, что ругают «своих» мужчин за грубость и несдержанность), а также «эгоцентризм» (22,7% респондентов заявляют о своих претензиях, связанных «с невнимательностью к близким»). Немалая часть женщин выражает свое неудовольствие близкими мужчинами и по той причине, что они «не занимаются домашним хозяйством» (21,6%) и «слишком много времени проводят с друзьями» (20,6%). Как это

ни странно, но совсем немного женщин не удовлетворены заработком мужчины, что свидетельствует: при всей значимости материального фактора на первый план выходит качество отношений. А еще вполне прагматичное, идущее от жизни соображение: «Если не можешь заработать, то хоть нормально относись ко мне и близким. Сама заработаю!». Требования, как видим, совсем невысокие и, безусловно, вынужденные.

Действительно, оба исследования (2000 и 2014 гг.) однозначно указывают на огромный ресурс для гармонизации отношений между мужчиной и женщиной, заключенный в снижении уровня «токсичности» их коммуникаций. Речь идет прежде всего о необходимости преодоления грубости, психологической несдержанности и эгоцентризма.

Чего же хочет на самом деле женщина от мужчины? В концентрированной форме это проявляется в совокупности качеств и действий мужчины, за которые женщины их хвалят и поощряют. Социологическая эмпирия показывает, что в первую очередь женщинам необходимы «любовь и забота» (именно за это хвалят своих мужчин 45,7% опрошенных). Для женщин, безусловно, принципиально значимо доброе и эмоционально позитивное отношение со стороны мужчины. Поэтому «за хороший характер» им благодарны 24,7% респондентов, «за сдержанность и спокойствие» – 22,0%, «за то, что занимается домашней работой» – 19,9%, «за щедрость» – 19,6%, «за заботу о детях и внимание к близким» – 16,2%. Желанный мужчина – это еще и надежный, ответственный и деятельный человек, заботящийся и о материальной стороне жизни женщины. Как следствие, 24,1% респондентов выражают свою признательность мужчинам «за ответственность», 23,7% – «за трудолюбие», 14,1% – «за хороший заработок».

Данный сегмент ответов в очередной раз показал периферийное значение для женщин тех качеств мужчин, которые как раз чрезвычайно ими ценятся. Так, «за сексуальность» хвалят мужчин 12,4% респондентов, «за хорошую физическую форму» – 10,3%, «за красоту» – 7,2% (таблица 5). Как здесь не вспомнить известное высказывание Коко Шанель: «Красивых мужчин быть не должно, а некрасивых не бывает. Бывает только мало цветов и теплое шампанское» [4].

Таблица 5. – Распределение ответов на вопрос «За что Вы чаще всего хвалите окружающих Вас мужчин?», %

Варианты ответов*	2000 г.	2014 г.
Сдержанность и спокойствие	34,7	22,0
Много времени проводит с семьей	33,7	19,2
Умение любить и заботиться	31,5	45,7
Забота о детях и внимательность к близким	29,5	16,2
Занимается домашней работой	22,1	19,9
Трудолюбие	20,0	23,7
Хороший характер	17,9	24,7
Хороший заработок	14,7	14,1
Стремление сделать карьеру	13,6	7,6
Щедрость	12,5	19,6
Сексуальность	11,6	12,4
Ум	7,4	18,9
Хорошая физическая форма	5,2	10,3
Авторитет на работе	5,2	10,3
Красота	2,1	7,2
Другое	4,2	1,7

* Возможны три варианта ответа

Осуществляя сравнительный анализ в этом сегменте, отметим, что в настоящее время в гендерных отношениях по причине стабилизации и роста благосостояния как общества в целом, так и отдельных людей (семей), преодоления последствий социальной аномии и культурной травмы, активной роли СМИ по формированию образцов поведения в стиле «глянец» (несмотря на их вторичность) все более существенную роль в этих отношениях стали играть внешние факторы: физическая привлекательность, сексуальность, умение одеваться, чувство стиля и т.п.

В представлении белорусских женщин многие проблемы мужчин коренятся в самих мужчинах. Так, в ситуации, когда мужчины сталкиваются с невозможностью в полной мере реализовать себя, они чаще всего не выбирают «мужское поведение»: ответственное, рациональное и умное; многие из них ориентированы на сценарий ухода от решения проблем, либо употребляя алкоголь (мнение 48,6% женщин), либо погружаясь с чувством безнадежности в депрессию (17,9%), либо же делая вид, что ничего не происходит (10,3%).

Еще один, с точки зрения женщин, совершенно неверный и непродуктивный выбор варианта решения проблемы «трудной ситуации» для мужчины – это «обвинительная» линия поведения, временами переходящая в агрессию. Так, 32,3% мужчин, как считают опрошенные, в своих проблемах начинают обвинять власть, 27,5% хамят и становятся агрессивными, 15,5% совсем не по-джентльменски обвиняют в своих бедах женщин. Позитивный выход из трудной ситуации выбирают немногие: 6,9% ищут поддержку у любимой женщины; 6,2% обращаются за помощью к друзьям, а 5,8% выбирают наиболее оптимальный в этой ситуации вариант – пытаются изменить себя (таблица 6).

Таблица 6. – Распределение ответов на вопрос «Как ведут себя современные белорусские мужчины, сталкиваясь с невозможностью реализовать себя в полной мере?», %

Варианты ответов	2000 г.	2014 г.
Употребляют алкоголь	62,1	48,6
Хамят, становятся агрессивными	41,1	27,5
Обвиняют в своих проблемах власть	31,5	32,3
Погружаются в депрессию	18,9	17,9
Обвиняют во всем женщин	14,7	15,5
Делают вид, что ничего не происходит	13,6	10,3
Обращаются за помощью к друзьям	11,6	6,2
Ищут поддержку у любимой женщины	8,4	6,2
Пытаются изменить себя	4,2	5,8
Другое	2,1	2,1

Если же сравнивать эти социологические данные с ответами респондентов 14-летней давности, то очевидно, что в этом сегменте произошли не радикальные, но однозначно позитивные изменения, связанные с более адекватной и конструктивной реакцией мужчин на трудные жизненные обстоятельства, выражающейся в снижении числа тех, кто обращается к алкоголю, понижении тонауса эмоциональной агрессии и, что совершенно продуктивно, стремлении найти первоисточник проблем в самом себе.

В фокусированной форме «мужские проблемы» выступают в том, что представители «сильного пола» живут в Республике Беларусь примерно на 10 лет меньше, чем женщины. В чем же, по мнению женщин, причина этого?

В ответах опрошенных женщин на первом месте стоит чрезмерное употребление алкоголя: 49,8% из них указали на пьянство как на первоисточник сокращения биологической жизни белорусского мужчины. Такие цифры вполне коррелируют с данными

Всемирной организации здравоохранения, которая относит Беларусь к числу стран, занимающих одну из лидирующих позиций в мире по объему алкоголя, употребляемого на душу населения. 19,2% респондентов отметили, что подлинной причиной того, что белорусские мужчины являются европейскими аутсайдерами по продолжительности жизни, выступает запрограммированное традицией чрезмерное сдерживание эмоций. Культуролог Юлия Чернявская справедливо отмечает: «Смерть быстрее выкашивает мужчин. Тому есть не только физиологические, но и психологические причины. Например, установка «мальчики не плачут». Она разрушает человеческую спонтанность, лишает права на яркое выражение чувств, формирует закрытого, закомплексованного человека, который всю жизнь чувствует себя самозванцем. Он должен быть сильным, а ведь он знает, что внутри он – другой» [5]. По мнению 14,8% опрошенных женщин, свою печальную лепту вносит и неоправданное стремление мужчин к риску (таблица 7).

Осуществляя сравнительный анализ актуальных данных с результатами опроса 2000 г., мы можем констатировать, что факторы, повышающие смертность мужчин, по-прежнему сохраняют свое значение. За одним небольшим исключением: в глаза бросается снижение негативного давления на мужчину факторов смысла жизни и самореализации, что выражается в увеличении числа мужчин, обладающих способностью верно определять свои жизненные стратегии.

Таблица 7. – Почему современные белорусские мужчины живут на 10–12 лет меньше, чем женщины, %

Варианты ответа	2000 г.	2014 г.
Пьянство	51,6	49,8
Чрезмерное сдерживание эмоций	20,5	19,2
Отсутствие смысла жизни	18,9	10,0
Сложности самореализации	17,9	11,3
Отсутствие жизненных перспектив	15,8	16,5
Давление со стороны женщины	7,4	11,0
Неоправданное стремление к риску	6,3	14,8
Бедность	6,3	11,7
Другое	2,1	2,1

Заключение

Результаты социологического исследования доказывают, что белорусское общество в гендерном отношении является социумом с доминированием традиционного взгляда на отношения между мужчиной и женщиной, на принципы формирования и развития семьи. Одновременно очевидно, что ценностные и социальные трансформации белорусского общества видоизменяют и формат гендерных отношений: усиливается мужской инфантилизм, изменяется система семейного лидерства, трансформируется сексуальное поведение, очевиден тренд меркантилизации всей системы отношений между мужчиной и женщиной, происходит гедонизация любовных отношений, все менее значимым становится родительский опыт, роль церкви и других социальных институтов. Все это ставит перед белорусскими мужчинами и женщинами сложную, но в то же время прагматическую и творческую задачу эффективно включить в собственную гендерную роль и собственный опыт, и новые социальные практики и мировоззренческие стратегии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бубнов, Ю. М. Социальные образы мужчины и женщины / Ю. М. Бубнов // Вестн. Брест. ун-та. Сер. 1. Філас. Палітал. Сацыял. – 2014. – № 2. – С. 101–113.

2. Соколовская, М. Г. Идентификация мужчины: взгляд женщины / М. Г. Соколовская // Весн. Брэсц. ун-та. – 2004. – № 2. – С. 43–50.
3. Соколовская, М. Г. Современная белорусская женщина и ее «интегративный» феномен / М. Г. Соколовская // Беларусь: на пути в третье тысячелетие. – Минск : БФМ, 2001. – 244 с.
4. 25 цитат Коко Шанель о том, как победить мужчину / К. Шанель // Народ. воля. – 2015. – 18 янв.
5. Личные истории от Юлии Чернявской. Интервью с Ю. Чернявской / Ю. Чернявская // Народ. воля. – 2014. – 18 нояб.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 04.05.2015

Sokolovskaja M.G. Man and Woman in the Context of the Contemporary Belarusian Reality

The article is dedicated to the analyses of peculiarities of perception of a man by Belarusian women. The study of level of satisfaction of the latter in their relations with gender partners is studied based on a big empirical material. The specifics of their interpretation of man and woman roles, as well as the general perception of «another» (man), is studied. The dominating perceptions of marriage motivations are specifically analyzed. Cognitive and cultural dissonances causing the conflict situations in the relations between men and women are determined.

Да ведама аўтараў

Рэдкалегія часопіса разглядае рукапісы толькі тых артыкулаў, якія адпавядаюць навуковаму профілю выдання, нідзе не апублікаваныя і не перададзеныя ў іншыя рэдакцыі.

Матэрыялы прадстаўляюцца на беларускай ці рускай мове ў двух экзэмплярах аб'ёмам ад 0,35 да 0,5 друкаванага аркуша, у электронным варыянце – у фармаце Microsoft Word for Windows (*.doc; *.rtf) і павінны быць аформлены ў адпаведнасці з наступнымі патрабаваннямі:

- папера фармата А4 (21×29,7 см);
- палі: зверху – 2,8 см, справа, знізу, злева – 2,5 см;
- шрыфт – гарнітура Times New Roman;
- кегль – 12 pt.;
- міжрадкавы інтэрвал – адзінарны;
- двукоссе парнае «...»;
- абзац: водступ першага радка 1,25 см;
- выраўноўванне тэксту па шырыні.

Максімальныя лінейныя памеры табліц і малюнкаў не павінны перавышаць 15×23 см або 23×15 см. Усе графічныя аб'екты, якія ўваходзяць у склад аднаго малюнка, павінны быць згрупаваны паміж сабой. Фатаграфіі ў друк не прымаюцца. Размернасць усіх велічынь, якія выкарыстоўваюцца ў тэксце, павінна адпавядаць Міжнароднай сістэме адзінак вымярэння (СВ). Пажадана пазбягаць скарачэнняў слоў, акрамя агульнапрынятых. Спіс літаратуры павінен быць аформлены паводле Інструкцыі па афармленні дысертацыі, аўтарэферата і публікацыі па тэме дысертацыі, зацверджанай пастановай Прэзідыума Дзяржаўнага вышэйшага атэстацыйнага камітэта Рэспублікі Беларусь ад 24.12.1997 № 178 (у рэдакцыі пастановы Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь ад 22.02.2006 № 2, ад 15.08.2007 № 4). Спасылкі на крыніцы ў артыкуле нумаруюцца адпаведна парадку цытавання. Парадкавыя нумары спасылак падаюцца ў квадратных дужках (напрыклад, [1, с. 32], [2, с. 52–54]). Не дапускаецца выкарыстанне канцавых зносаў.

Матэрыял уключае наступныя элементы па парадку:

- індэкс УДК (выраўноўванне па левым краі);
- ініцыялы і прозвішча аўтара (аўтараў) (выдзяляюцца паўтлустым шрыфтам і курсівам; выраўноўванне па левым краі);
- назва артыкула (друкуецца вялікімі літарамі без пераносаў; выраўноўванне па левым краі);
- анатацыя ў аб'ёме ад 100 да 150 слоў на мове артыкула (кегль – 10 pt.);
- звесткі аб навуковым кіраўніку (для аспірантаў і саіскальнікаў) указваюцца на першай старонцы артыкула ўнізе;
- асноўны тэкст, структураваны ў адпаведнасці з патрабаваннямі ВАК да навуковых артыкулаў, якія друкуюцца ў выданнях, уключаных у Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў (Уводзіны з пастаўленымі мэтай і задачамі; Асноўная частка, тэкст якой структуруецца падзагалоўкамі (назва раздзела «Асноўная частка» не друкуецца); Заключэнне, у якім сцісла сфармуляваны асноўныя вынікі даследавання, указана іх навізна);
- спіс літаратуры;
- рэзюмэ на англійскай мове (да 10 радкоў, кегль – 10 pt.): назва артыкула, прозвішча і ініцыялы аўтара/аўтараў, тэзісны пераказ зместу артыкула; у выпадку, калі аўтар падае матэрыял на англійскай мове, рэзюмэ – на рускай ці беларускай.

Да рукапісу артыкула абавязкова дадаюцца:

- звесткі пра аўтара на беларускай мове (прозвішча, імя, імя па бацьку поўнасьцю, вучоная ступень і званне, месца працы (вучобы) і пасада, паштовы і электронны адрасы для перапіскі і кантактныя тэлефоны);
- выписка з пратакола пасяджэння кафедры, навуковай лабараторыі ці ўстановы адукацыі, дзе працуе/вучыцца аўтар, завераная пячаткаю, з рэкамендацыяй артыкула да друку;
- рэцэнзія знешняга ў адносінах да аўтара профільнага спецыяліста з вучонай ступенню, завераная пячаткаю;
- экспертнае заключэнне (для аспірантаў і дактарантаў).

Рукапісы, аформленыя не ў адпаведнасці з выкладзенымі правіламі, рэдкалегіяй не разглядаюцца.

Аўтары нясуць адказнасць за змест прадстаўленага матэрыялу.

Карэктары *А.В. Дзябёлая, Л.М. Калілец*
Камп'ютарнае макетаванне *С.М. Мініч, Г.Ю. Пархац*

Падпісана ў друк 17.12.2015. Фармат 60×84/8. Папера афсетная.
Гарнітура Таймс. Рызаграфія. Ум. друк. арк. 14,65. Ул.-выд. арк. 12,66.

Тыраж 100 экз. Заказ № 427.

Выдавец і паліграфічнае выкананне: УА «Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна».

Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы,
распаўсюджвальніка друкаваных выданняў

№ 1/55 ад 14.10.2013.

ЛП № 02330/454 ад 30.12.2013.

224016, г. Брэст, вул. Міцкевіча, 28.